

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ISSN-0130-2620

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

201

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

201

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

Ю. Б. ЦЕТЛИН,
доктор исторических наук Ю. Л. ЩАПОВА

Проблемы теории и методики в современной археологической науке. — М.: Наука, 1990. — 112 с., ил. — (Крат. сообщ. Ин-та археологии. Вып. 201).

ISBN 5-02-009508-7

В выпуске делается попытка осмыслить итоги развития советской и зарубежной археологии в плане решения теоретико-методологических задач. Дается критическая оценка сложившихся подходов к интерпретации археологического материала. Предлагаются новые теоретико-методологические разработки. Рассматриваются итоги двух научных совещаний: по проблемам поселенческой археологии и по проблемам погребального обряда.

Для археологов.

П $\frac{0504000000-081}{042(02)-90}$ 99-90, кн. 1

ISBN 5-02-009508-7

© Издательство «Наука», 1990

СТАТЬИ

Ю. Н. ЗАХАРУК

СПОРНОЕ И БЕССПОРНОЕ
В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Начнем с одной типичной оценки современного этапа развития археологической науки и проблем, связанных с исследованием археологических культур (АК). «Современная археологическая наука достигла значительных успехов в исследовании культурно-исторического прошлого древних обществ. С выявлением и изучением археологических культур множество обществ прошлого нашли свою историю... И вместе с тем современная археология переживает такие противоречия, которые требуют методологического решения, раскрытия процесса научного познания с целью восстановления истории далекого прошлого, которое изучается по археологическим источникам»¹. Примечательные «противоречия» переживает современная археология, которая, как явствует из приведенной цитаты, с одной стороны, «достигла значительных успехов...», а с другой — требует «методологического решения, раскрытия процесса научного познания с целью восстановления истории далекого прошлого». В связи с данной оценкой современного состояния нашей науки возникает ряд вопросов. Возможны ли значительные успехи нашей науки, если сам процесс научного познания, восстановления прошлого по археологическим источникам, требует методологического решения и раскрытия? Не является ли отмеченное противоречие взаимоисключающим? Если судить по многочисленным исследованиям, посвященным реконструкции культурно-исторического прошлого древних обществ на основе археологических источников, казалось бы, надо согласиться с утверждением, что в этой области современная археология «достигла значительных успехов». Но для того чтобы согласиться с таким заключением, необходимо прежде всего выяснить, как, каким образом, на каком научном уровне решаются вопросы реконструкции прошлого на основании археологических источников. Эта очень важная и актуальная задача археологической теории и методологии, которой, к сожалению, не уделяется должного внимания в исследованиях. Ответ на поставленный вопрос во многом, если не в главном, зависит от современного состояния исследования и разработки методологических проблем АК. Ученые справедливо утверждают, что АК является «отправной единицей для конкретного исторического исследования», а «выделение археологической культуры — это исходный момент, условие осуществления дальнейших исследований в любом направлении»².

Тем не менее, объективности ради следует отметить и противоположные взгляды на роль АК в историко-археологических исследованиях. Согласно одному такому взгляду, АК «представляет собой лишь своеобразный инструмент, далеко не основной и не единственный, с помощью которого

археологи изучают историю давних обществ»³. Важно было бы узнать, каким в действительности является этот «далеко не основной и не единственный» инструмент познания прошлого в историческом познании. К сожалению, ответ на этот принципиально важный вопрос не дан. Это тем более достойно сожаления, что статья, в которой высказана такая точка зрения, касается подведения основных, наиболее важных результатов в области изучения «племен, обитавших на территории Украины в энеолите и бронзовом веке»⁴, и поэтому автор непременно должен был использовать основной, кроме понятия АК, инструментарий. Между тем, в статье «рассказано об успехах, достигнутых в выделении и изучении археологических культур»⁵, и ни слова нет о каких-либо других инструментах, в том числе и о чем-то более важном, чем АК.

Тезис об основополагающем значении и универсальной роли АК как фундаментальном понятии в историко-археологических исследованиях представляется незыблемым, и мы вправе рассматривать его как бесспорную аксиому археологической науки. Не случайно поэтому проблематике, связанной с исследованием понятия АК, придается важное методологическое и практическое значение в археологической науке. О важном значении АК как источнике в исторических исследованиях убедительно свидетельствует непрерывно растущее количество открываемых АК. Как отмечают исследователи, «за 30 лет (1945—1975) выделено более 100 археологических культур, при этом большинство — в наиболее исследованных районах европейской части Советского Союза»⁶. Несомненным и впечатляющим показателем успеха в выделении и исследовании археологических культур служит «тот факт, что 50 лет тому назад на территории Украины было известно только пять культур энеолита—бронзы, а сейчас их более 30»⁷. Бесспорно, «это процесс не случайный»⁸, он свидетельствует об исключительно важном значении понятия АК в археологическом познании.

О растущем внимании к исследованию проблем АК свидетельствует непрекращающаяся в течение многих лет дискуссия по многим логико-методологическим, гносеологическим и теоретическим ее аспектам. Дискуссия свидетельствует и о том, что по всему спектру дискутируемых проблем выявились различные подходы, противоречивые, зачастую взаимоисключающие взгляды исследователей. Налицо примечательная ситуация: с одной стороны, признание важного фундаментального значения понятия АК в археологическом исследовании, а с другой — исключительный разнобой во взглядах. В связи с таким положением невольно возникают вопросы: чем объяснить создавшуюся ситуацию; не свидетельствует ли она о бесплодности самой дискуссии или даже о невозможности решения дискутируемых проблем; все ли так бесперспективно и безнадежно; каковы возможные пути выхода из создавшейся ситуации?

Огромное исследовательское, предметное, поле АК представлено множеством различных по содержанию и уровню исследования проблем. Они опираются на сложную систему понятий, на решение с помощью различных приемов и методов исследования различных по значимости задач. В этом многообразии задач, методов и понятий прослеживаются определенная взаимосвязь, соподчиненность и последовательность. Все они могут быть подразделены на две основные группы проблем: исходных и производных. Решение последних невозможно без решения первых. Исходные, основополагающие, определяющие проблемы АК таковы: а) природа АК; б) принципы и методы выделения; в) содержание, атрибуция. Решение этих исходных проблем на современном этапе развития археологической науки имеет решающее значение. Серьезным отставанием в их исследовании, разработке и решении в большой мере объясняется

существующий ныне разноречивой во взглядах исследователей по всему комплексу проблем АК.

В современной советской археологической литературе имеют хождение три решения вопроса, касающегося природы АК: 1) как объективной реальности; 2) как научного понятия; 3) как гносеологической и онтологической категории. Взгляд на АК как объективную реальность высказан давно⁹ и имеет широкое распространение в археологических исследованиях. В. М. Массон, будучи сторонником культурологического подхода в археологическом познании, пишет: «Именно культурологический подход подтверждает, что археологическая культура — не искусственное классификационное образование, а объективная реальность»¹⁰. Не потому ли культурологический подход позволяет сделать вывод об объективной реальности АК, что в культурологии и археологии имеет хождение один и тот же термин «культура»? Термин-то один, но природа их разная. Важно определить, о какой объективной реальности идет речь, — прошлой социальной или современной ископаемой, представленной различными археологическими объектами, непосредственно доступными для исследования? В. М. Массон уточняет, что речь идет о реальной совокупности «связанных между собой артефактов, ограниченных во времени и пространстве»¹¹. Это уточнение плохо согласуется с ископаемой природой археологических объектов, артефактов, памятников. Последние являются реальными «следами и останками» прошлой, относящейся к разному времени деятельности, но уже потерявшими между собой реальную действительную связь. В силу своей статичности археологические объекты увязываются в соответствующие комплексы не сами по себе, а исследователем, археологом.

Разве не по этой причине среди археологов возникают непрекращающиеся споры об отнесении какой-либо категории находок или отдельных памятников к той или иной конкретной АК, к тому или иному ее этапу или локальному варианту? Если бы в действительности между археологическими объектами существовала реальная связь, отпала бы острая необходимость в выработке единых принципов и приемов их выделения и отнесения к определенной АК. Прав поэтому В. М. Массон в том случае, когда утверждает, что АК — «фундаментальное понятие археологической систематики»¹², т. е. АК выступает как «искусственное классификационное образование», а не как объективная реальность. Каждое подлинно научное понятие, в том числе и понятие АК, имеет важное незаменимое значение как средство отражения объективной реальности, а не как сама объективная реальность. отождествление объективной реальности с ее отражением — понятием — недопустимо с точки зрения диалектико-материалистической теории познания. Из этого в свою очередь следует важное заключение о том, что не менее ошибочно одним и тем же термином, в данном случае термином АК, обозначать различные по природе феномены — объективную реальность и понятие, ее отражающее.

Убежденным сторонником концепции двойной природы АК — как онтологической, так и гносеологической категории — является В. Ф. Геннинг. Эта концепция получила освещение в ряде его работ¹³. В. Ф. Геннинг абсолютно прав, когда утверждает, что «логические формы должны иметь конечное обоснование вовне, в объективной реальности»¹⁴, иначе научные понятия действительно перестали бы служить средством познания объективной реальности. В отличие от эмпирических понятий (поселение, могильник), существуют понятия, формирующиеся на теоретическом уровне, которые отражают объективную реальность опосредованно, опираясь на понятия эмпирического уровня. Понятие АК не имеет себе онтологического аналога в ископаемой археологической действительности.

Его не раскопаешь и не опишешь, как множество непосредственно доступных для исследования и описания ископаемых археологических объектов. Ископаемые археологические объекты, аккумулярованные в земле, образуют своеобразный «археологический универсум», который характеризуется таким специфическим свойством, как компрессия: наличие различных по времени происхождения объектов, непосредственно доступных археологу в настоящем. Примером таких компрессивных памятников служат многослойные поселения с разновременными и разнокультурными «следами и останками» прошлого. Исторически (онтологически) они разновременны, а как ископаемые компрессивные объекты доступны для одновременного исследования даже те из них, которые насчитывают миллионы лет или тысячелетия. При выделении АК исследователь из ископаемого компрессивного археологического универсума выбирает то, что типологически представляется однотипным. Объективно, онтологически, реально существуют эмпирически доступные для исследования ископаемые археологические объекты (поселения, могильники и их вещественные комплексы). Само же понятие АК формируется исследователями логически и представляет собой «логический конструкт», что делает его незаменимым историческим источником познания социального прошлого. Важной гносеологической особенностью «логических конструктов» является то, что они вводятся в научное исследование на его определенном этапе, а потом выводятся из него. Аналогично используется и понятие АК. На эмпирическом уровне оно вводится в археологическое исследование как источниковедческое понятие, а на интерпретационном уровне оно выводится из исследования и замещается соответственными ему историко-социологическими категориями: конкретное общество, социальный организм, этнос.

Удивительной противоречивостью характеризуется уже упоминавшаяся концепция АК как весьма «своеобразного инструмента». Своеобразие проявляется в том, что АК, хотя и рассматривается «как понятие чисто условное, которое не отражает объективную реальность», но тем не менее, оказывается, служит инструментом, «с помощью которого археологи изучают историю давних обществ»¹⁵. Право, удивительный инструмент — не отражая прошлое, он тем не менее служит источником его познания! К сожалению, автор не объясняет, каким образом это достигается. Любопытно, что так называемая теоретическая модель АК, как утверждает С. С. Березанская, характеризуется рядом показательных признаков, несомненно отражающих историческую реальность. К ним относятся: 1) единство территории, экономической ситуации и хозяйства; 2) единство времени; 3) набор основных черт материальной и духовной культуры; 4) общая этническая принадлежность¹⁶. Следовательно, АК, ее теоретическая модель, вопреки утверждению автора данной концепции, все же отражает прошлую реальность.

Критический анализ и оценка существующих в археологической литературе решений проблемы природы АК позволяет, как мне представляется, с должным основанием сделать принципиально важное заключение: АК — гносеологическая категория, научное понятие, являющееся незаменимым источником познания прошлого. Концепция АК как объективной реальности, равно как и ее двойной (онтологической и гносеологической) природы, а также как понятия, не отражающего прошлую реальность, нельзя признать обоснованными. Положительное решение проблемы природы АК как научного понятия открывает реальные возможности сдвига в решении всего комплекса проблем АК.

Если АК — понятие, то возникает не менее важный, сложный и спорный вопрос об определении этого понятия. Определений понятия АК в археоло-

гической литературе высказано более чем достаточно. При всем их различии большинство из них по крайней мере сходятся в том, что понятие АК отражает определенное единство археологических объектов, относящихся к определенной территории и времени. Между тем, как известно, АК представляется в структурном отношении понятием сложным. Она подразделяется на хронологические этапы, периоды, на территориальные, локальные группы, варианты. Сам факт территориальных и хронологических различий вещественных комплексов АК ставит вопрос о структуре АК.

Полное единство, сходство, однотипность археологического материала в определенных территориально-хронологических рамках присуще не АК в целом, а только ее отдельным локально-хронологическим группам. Тем самым мы непосредственно подходим к важной проблеме определения структурной единицы АК, что в свою очередь требует определения исходной единицы археологической классификации.

В современной археологической литературе известно два подхода к определению структуры АК и тесно связанной с этим таксономической системы понятий. В качестве таксономической системы АК предложены такие понятия, как признак — тип — культура¹⁷. Определенное единство, общность признаков образует тип, единство типов — культуру (АК). Если эти понятия «в конечном счете отражают реальные процессы и явления, которые имели место в истории общества»¹⁸, важно установить, что они конкретно отражают. Ведь история общества изобилует бесчисленным множеством самых различных процессов, явлений и вещей. При этом они характеризуются специфическими, только им присущими признаками. Как можно в качестве исходного понятия таксономической системы АК определять понятие «признака», предварительно не уточнив, о признаках чего конкретно идет речь? Без предварительного уточнения вопроса о том, какие именно процессы, явления, вещи или их комплексы имеются в виду, само понятие признака остается пустой абстракцией. Различными будут признаки, которыми характеризуются отдельные вещи или их комплексы, погребения или жилища, поселения или могильники. Это в равной мере относится и к более высокому уровню таксономической системы — понятию типа. Принципиально важно установить, о каких конкретно феноменах реальной действительности идет речь: отражают ли они историю общества, как в одном случае утверждают сторонники данной концепции, или, как утверждают в другом случае, «используются на источниковедческом уровне организации материала»¹⁹. Неясным остается также вопрос и о том, какой конкретно археологический материал лежит в основе формирования таких горизонтальных единиц таксономической системы АК, как, с одной стороны: «локальный вариант», а с другой — «культурная общность» (этнокультура). Признаки и типы последней, естественно, должны отличаться от таксономических понятий — признаков и типов, определяющих понятие АК. Как видим, внешняя простота и стройность предложенной таксономической системы АК оказывается обманчивой, так как в силу абстрактности ее исходных понятий («признак» или «тип») она лишена важного эвристического значения, что затрудняет, если не делает невозможным, ее практическое применение в археологическом исследовании.

Более перспективными представляются концепции, согласно которым исходное понятие археологической классификации должно быть определено конкретно, археологически. Такой исходной единицей должен быть реальный археологический объект (или объекты), вещественные комплексы которого являются оптимальными и универсальными источниками информации о прошлом. В качестве такой исходной единицы

археологической классификации предложены такие понятия, как «археологический памятник»²⁰ и «комплект памятников»²¹. Несмотря на некоторое терминологическое различие этих понятий, содержательно они очень близки. Понятие «комплект памятников» представляется предпочтительным, поскольку указывает на необходимость учета таких специфических видов памятников и их вещественных комплексов, какими являются поселения и могильники — основные виды археологических памятников. Это не значит, что каждому отдельному поселению непременно должен соответствовать отдельный могильник. Речь идет о том, что вещественные памятники имеют свою специфику, и поэтому их взаимодополняемость существенно увеличивает научно-познавательные возможности археологических источников. Поскольку АК состоит из разных серий памятников, отличающихся своими вещественными комплексами, структурной единицей АК выступают типы памятников или типы комплексов памятников²². Система вертикальных (разновременных) и горизонтальных (территориальных) вариантов типов памятников или типов комплексов памятников образует структуру АК. На примере одной из хорошо исследованных энеолитических культур — трипольской, опираясь на понятие структурной единицы, возникла возможность графически представить ее структурную схему.

Структурный подход к исследованию АК, определение ее структурной единицы позволяют решить важную проблему выделения отдельных АК. От метода выделения АК зависит решение многих других проблем АК, в том числе проблемы атрибуции. Различными по содержанию будут АК, выделенные на основе «ведущих признаков» и на основе комплекса данных. В этом случае важно установить, каких именно. Важность структурного подхода к исследованию понятия АК не ограничивается только его значением для решения вопроса об выделении АК. Он позволяет подойти более обоснованно к решению такой важной проблемы, как определение историко-социологического содержания АК, ее атрибуции. В археологии довольно широко распространена точка зрения, согласно которой АК отражает различные историко-социальные феномены, в частности этнос, хозяйственно-культурные типы (ХКТ), историко-этнографические области (ИЭО). Однако неправомерно и глубоко ошибочно эти различные по содержанию историко-социологические категории обозначать одним и тем же термином АК. Вопреки этой гносеологической аксиоме точка зрения на многозначность понятия АК имеет в археологической литературе самое широкое хождение. Это серьезно препятствует выработке и уточнению применяемых в археологической науке понятий, что отрицательно сказывается на общем уровне развития нашей науки. Налицо обреченные на бесплодность споры и дискуссии, не имеющие под собой элементарных гносеологических и логических оснований.

Структурный подход к исследованию проблем АК имеет важное значение и для решения проблемы атрибуции АК. Структурная схема АК перспективна в том отношении, что ее структурные единицы сопоставимы со структурой такого этнографического понятия, как этнос. Если проблема этнического содержания понятия АК обычно ставилась и решалась огульно — соответствует или не соответствует в целом АК этносу, то теперь, благодаря структурному сопоставлению отдельных компонентов, представляется возможность более обоснованно подойти к решению вопроса об их соответствии. Трехуровневая структура понятия АК — 1) памятник, комплект памятников; 2) тип памятников, тип комплекта памятников; 3) АК — в целом позволяет сопоставить культуры с такими структурными понятиями этноса, как 1) родовая община; 2) племя; 3) группа родственных племен²³.

Концепция структурного подхода к исследованию АК представляется весьма плодотворной и перспективной. Если мы не хотим быть обреченными на бесплодные споры и дискуссии по всему спектру проблем АК, мы должны прежде всего решить такие исходные, основополагающие, фундаментальные проблемы археологического познания, как 1) природа АК; 2) принципы и методы выделения АК; 3) содержание, атрибуция понятия АК. Без ответа на эти исходные вопросы исследования АК все производные проблемы не могут быть решены успешно. Для того, чтобы добиться реального сдвига в решении всего спектра проблем АК, важно развитие положительной научной критики²⁴.

¹ Генинг В. Ф. Актуальні питання сучасного етапу розвитку археологічних знань // Археологія. Київ, 1987. № 57. С. 1.

² Там же. С. 4.

³ Березанська С. С. Деякі підсумки вивчення епохи енеоліту—бронзи на території України // Археологія. Київ, 1987. № 57. С. 23.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же.

⁶ Генинг В. Ф. Актуальні питання ... С. 4.

⁷ Березанська С. С. Деякі підсумки ... С. 23.

⁸ Генинг В. Ф. Актуальні питання ... С. 4.

⁹ Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 22.

¹⁰ Массон В. М. Вивчення культурного процесу за археологічними матеріалами // Археологія. Київ, 1987. № 57. С. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Генинг В. Ф. Заметки к построению теории археологической культуры (АК) // Археология и методы археологических реконструкций. Киев, 1985. С. 65—67; Генинг В. Ф. Актуальні питання ... С. 4.

¹⁴ Генинг В. Ф. Заметки к построению ... С. 67.

¹⁵ Березанська С. С. Деякі питання ... С. 23.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 34—42; Массон В. М. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1974. С. 11; Он же. Вивчення культурного процесу ... С. 10, 16.

¹⁸ Массон В. М. Вивчення культурного процесу ... С. 11.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Генинг В. Ф. Заметки к построению ... С. 70.

²¹ Захарук Ю. Н. Выдающееся произведение марксизма и проблемы археологии: К 100-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 16, 20; Он же. Проблемные ситуации и научная критика // Проблемная ситуация в археологии. Киев, 1987. С. 10—25.

²² Захарук Ю. Н. Проблемные ситуации ...

²³ Там же.

²⁴ Там же.

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В археологических исследованиях мы оперируем понятием «археологические источники», показывая, какие из них и в какой мере важны для определения датировки и этнической принадлежности, как они отражают передвижения народов и их социальную структуру, идеологические

представления и производственные отношения. В процессе исследования мы изучаем распределение артефактов во времени и пространстве, правила их упорядочения, генетические связи. Углубление наших представлений о прошлом характеризуется применением все более точных и эффективных методов познания: новые методы датирования, экспериментальные работы, методы математической статистики. Но предвзятое применение формализованных методов, необходимо создать археологическую классификацию типов на основании устойчивого сочетания признаков, сгруппировать археологические памятники, вещи и явления культуры в соответствующие объединения или системы, имеющие пространственно-временные характеристики, которые принято называть археологическими культурами (далее АК).

Не рассматривая подробно принципы археологической классификации¹, остановлюсь только на тех классификациях (и их особенностях), которые мы используем в работе при анализе культурной традиции. Классифицирование является специальной процедурой в процессе познания, описания и анализа материала, где однозначно определены единицы анализа, ограничено поле наблюдений, установлены критерии и правила упорядочения материала и перехода от одного уровня исследования к другому. Другими словами, классификация — это совокупность интуитивных и логических действий, которые позволяют археологу относить все изучаемое им разнообразие вещей к определенным классам по ряду четко сгруппированных показателей².

Под интуитивной классификацией понимается такая группировка материала, широко применявшаяся в традиционной археологии, когда определено соответствие каждого рассматриваемого предмета «типовому экземпляру», хотя степень соответствия не учитывается и принципы выделения «типового экземпляра» не приводятся. Искусственная классификация (или же аналитическая группировка) ставит задачей приведение в систему и описание в компактной форме имеющегося археологического материала, для того чтобы к нему легко было обращаться при дальнейшем сопоставлении и анализе. Наиболее ярким примером классификации подобного типа служит систематизация массового материала с обширной территории (более одной или нескольких археологических культур) и широкого временного диапазона. Результатами такой классификации становятся «условные типы» — искусственные ячейки служебного назначения. Естественная классификация — это упорядочение рассматриваемого материала во времени и пространстве с поиском естественных в нем разграничений и установление «культурного типа», приближающегося к мысленному шаблону или же «эталону» древнего мастера. Тип не отличается жесткостью, предполагается наличие устойчивого ядра (сочетание ряда определенных признаков) и окрестностей (когда второстепенные признаки встречаются в различных наборах).

Исследования последнего времени убедительно свидетельствуют в пользу того, что отличия между типами классификаций относительноны³.

При археологическом исследовании наша задача состоит в том, чтобы наиболее точно установить место изучаемого памятника в ряду других (во времени и пространстве), что и означает отнесение данного памятника к определенному локальному варианту и этапу той или иной археологической культуры. В явной или неявной форме понятие АК присутствует почти в каждом археологическом исследовании. Несмотря на это, к настоящему времени нет единства во взглядах по всем основным вопросам, связанным с интерпретацией археологических материалов в этом ключе. Ставя целью дать определение понятия АК, одного из фундаментальных понятий археологии, подчеркнем в нем две стороны: на источниковедческом уровне

это — объединение в одну систему всех археологических памятников на определенной территории по сходству составляющих их артефактов, а на интерпретационном уровне это — решение вопросов изменения во времени и пространстве, генезиса, распространения, соотношения с этносом (этническим, этноидом?), языком, палеоантропологическим типом, хозяйственно-культурным типом и т. д. Полное однозначное определение АК должно опираться на уже установленные понятия типа, признаков, археологического источника, «комплекта памятников», «компаунда типов», «сходства», «отличия», входящие в это определение, а также на качественные характеристики первых (артефакты) и количественные — вторых (меры сходства, графы сильных связей, расстояния). До сих пор исследователи не пришли к определенному решению относительно того, для каких этапов истории можно говорить об АК⁴, каково время существования той или иной АК, т. е. где следует видеть смену АК, а где — ее этапы. Сходный вопрос возникает при определении пространственных границ и соотношения данной АК с ее локальными вариантами. Ведь нельзя согласиться с таким явлением, когда один исследователь интерпретирует несколько памятников (бывает — и один) с очень узкой датой как особую культуру, тогда как другой рассматривает эту же группу как представляющую определенный этап одного из локальных вариантов АК (много подобных примеров мы видим в археологии Приуралья).

В настоящее время непрерывно растет число теоретических работ, специально рассматривающих проблему археологической культуры. Что же именно большинством исследователей принимается за объект исследования: «элементы»⁵, «группы»⁶, «некий организм», «типы остатков»⁷ или же «типы находок», «стиль в культурах» «своеобразные черты»⁸, «комплекс признаков или памятников»⁹, традиций¹⁰, «динамических стереотипов»¹¹, локальные образования, совокупность «вещественных признаков», «специфические виды артефактов»¹², «археологические памятники»¹³ или «группа памятников»¹⁴. Собственно, в разных по форме определениях, где, как правильно отметила О. М. Кудрявцева, «прослеживается тенденция поиска общих признаков»¹⁵, речь идет об одном — археологических памятниках, включающих всю совокупность артефактов, сумма, вернее, сложная динамическая система которых и составляет АК. Поскольку археологические памятники характеризуются определенным набором признаков, в некоторые определения АК включаются характеристики присущих этим памятникам свойств как «типичных», «своеобразных», «постоянно встречающихся», «связанных», «обладающих сходством или отличием», «этнографических».

Критерием выбора признаков, характеризующих АК, является их специфичность, конкретность; при их описании необходимы полнота списка, возможность использования количественных характеристик, узость ареала каждого. Выбор производится из всей суммы археологических источников. Сюда входят орудия труда, предметы быта, оружие, керамика и ее орнамент, украшения (особенно женские), характер жилища и его конструктивные детали, очаги, типы могильных сооружений, детали погребального обряда и т. д. Поскольку именно своеобразие ряда конкретных черт позволяет из обширной массы памятников выделить близкие (сходство внутри группы подчеркивается отличием от других групп), АК существуют реально, а не только играют служебную роль в наших построениях¹⁶. В определение АК включается представление о занятой ею территории, «сплошной» (М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов, Ю. Н. Захарук) или по крайней мере «определенной» (Б. С. Жуков, А. А. Формозов), т. е. памятники одной АК занимают некую территорию (вначале, как правило, сплошную), границы которой меняются в процессе существования культуры: они могут расширяться или

суживаться. АК может сегментироваться, когда группа населения, носитель той или иной АК, переселяется на другую территорию.

Все это тесно связано с вопросом о характере границ между археологическими культурами: они могут быть достаточно четкими, если идут по естественногогеографическим рубежам. Например, северная граница кобанской культуры, идущая по пограничью степей и предгорий Северного Кавказа, прослеживается гораздо лучше, чем западная и восточная, где рубежами служат междуречья. Среди исследователей не утихают споры о том, являются ли те или иные памятники этого пограничья смешанными (зона контакта двух культур) или же их следует относить к одной из двух граничащих между собой АК. В некоторых случаях между АК выявляются «нейтральные зоны», тогда размытые границы приобретают желаемую четкость. Проблема границ между АК и членения последних на локальные варианты, как и проблема времени существования и деления на этапы (периоды, стадии), прежде всего упирается в вопрос о мерах сходства и различия между группами памятников. Коль скоро не введены их количественные оценки, не определен набор необходимых и достаточных признаков, выделение АК остается операцией произвольной и субъективной. Стоит обратиться к археологической карте Приуралья, пестрящей только для одного раннего средневековья таким обилием «культур», имеющих весьма узкую территорию и время существования, как становится ясным, что сопоставлять эти «культуры» с АК смежных территорий или других периодов просто невозможно в силу их таксономической неравноценности. Собственно, как правильно указал И. С. Каменецкий в полемике с В. Ф. Генингом, хронологические этапы и локальные варианты трактуются в данном случае как отдельные АК¹⁷, а этим мы лишаем АК присущего ей развития во времени и изменения в пространстве, рассматривая в статике живую и динамическую систему. Если горизонтальной структурой АК является ее вхождение в ряд: локальный вариант — АК — культурно-историческая общность (КИО), то относительно вертикальной ее структуры я не могу согласиться с В. М. Массоном, видящим ее как разряд: признак — тип — АК¹⁸. (Последнее правильное считать внутренней структурой АК.) Вертикальной же структурой АК следует считать ее членение на этапы, т. е. развитие во времени.

Неразработанность критериев сходства и различия — самое слабое место наших теоретических построений. «Изменение» как основной путь исследования включалось в определение АК еще В. А. Городцовым. В 1929 г. Б. С. Жуков говорил о необходимости «количественного и качественного учета и выделения тех характерных признаков, которые определяют группы». В большинстве работ последующего периода этому вопросу отводилась роль «археологической кухни», и выносить его на обсуждение представлялось авторам излишним. В этом случае в определении давался как бы результат такой аналитической работы, проведение которой подразумевалось, корреляция между признаками выражалась не количественно, а качественно: «комплексы... находок» (А. Л. Монгайт), «определенный комплекс археологических предметов», «совокупность археологических памятников» (Л. С. Клейн), «система типов», «культурный комплекс». В представлении археолога, выделявшего АК, существовал «типичный памятник», эталон, несший в себе сочетание тех черт, которые характеризовали культуру.

В настоящее время в советской и зарубежной археологии есть многочисленные разработки математико-статистических методов оценки сходства (например, поселений или культурных напластований) по процентному соотношению массового материала¹⁹, вводятся точные критерии определения значимости признаков²⁰, поставлен вопрос о том, что

средствами математики следует выбирать критерии для выделения этапов и локальных вариантов в пределах АК.

Чтобы подойти к рассмотрению АК «в системе взаимно координированных понятий» (по Л. С. Клейну), следует вернуться к тому, как исторически складывалось это понятие в теоретической археологии на протяжении двух последних столетий. На начальных стадиях развития археологии, в частности европейской, когда в музеях уже были сосредоточены обширные археологические коллекции, задачей первостепенной важности стало их упорядочение по культурно-историческим стадиям с опорой на данные стратиграфии (если колонка строилась по материалам поселений) или на корреляцию основных типов вещей из погребений и иных закрытых комплексов. В этот период в археологии преобладала терминология, заимствованная из эволюционной биологии и предназначавшаяся для упорядочения памятников культуры во времени — по «эпохам», «периодам», «стадиям» (ср. в современной школе археологов США: pattern — phase — aspect — focus — component). Другим важнейшим орудием исследования стал метод картографирования: определялись ареалы отдельных признаков, типов вещей и их сочетаний, в результате чего выделялись «культурные провинции», «культурные группы», «культурные круги» (в частности, в работах немецких археологов и этнографов; ср. в США: culture area — region — locality). Собственно, мы видим изолированное рассмотрение двух сторон АК — развитие ее во времени (периодизация) и изучение ареала и локальных вариантов; эти два направления закономерно должны были слиться.

Теперь посмотрим, как решался весьма важный и сложный вопрос о соотношении АК и этноса. В явной и неявной форме многие определения АК содержали допущение, что рассматриваемая культура была культурой определенного народа²¹. По Ю. Н. Захаруку, АК отражает «территориальное распределение и этапы исторического развития группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка»²². М. Ю. Брайчевский высказался еще более определенно: «Культуру, которой не отвечала бы одна и только одна этническая общность, мы не признаем культурой»²³. Между тем, однозначного соответствия между этносом и АК нет, хотя археологическая практика зачастую негласно предполагает противоположное.

В настоящее время этот вопрос подвергся разбору в этнографической и археологической литературе. Внесена ясность в то, какими важнейшими понятиями современной этнографической науки мы можем оперировать при его решении и с чем соответственно можем сопоставлять АК, чтобы сохранить и учесть принятую в этнографии «систему взаимно координированных типологических понятий различного таксономического уровня»²⁴. Прежде всего это понятия «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) и «историко-этнографическая область» (ИЭО; Ю. В. Бромлей называет ее традиционно — культурной областью), выделенные еще в 1965 г. М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым²⁵, успешно применяющиеся в этнографии поныне и имеющие определенные соответствия в археологии.

ХКТ отражает выработанные в процессе исторического развития на основе общности естественногеографических условий «комплексы особенностей хозяйства и культуры»²⁶ и, как писал Ю. В. Бромлей, играет «немалую этнообразующую роль»²⁷. ИЭО выявляет локальную специфику этих систем, когда в силу общности социально-экономического развития, взаимосвязей и взаимовлияний складываются «сходные культурно-бытовые особенности». Соотношение АК с этими этнографическими понятиями весьма различно: АК может соответствовать ХКТ или его локальному варианту, иногда же варианты АК соответствуют разным ХКТ. Характерные черты АК помогают картографировать ИЭО в древности²⁸. Если

же говорить об этнической интерпретации АК, то следует согласиться с тем, что ни в коей мере нельзя выделять «этнос на основе отдельно взятых элементов культуры, будь то погребальный обряд, форма каменных орудий или тип керамики и ее орнаментации»²⁹. Определение этнической принадлежности носителей отдельных археологических культур древности требует сопоставления археологических материалов с данными лингвистики, письменных источников, антропологии, фольклористики, топонимики. Следует использовать ретроспективный и типологический методы, статистические подсчеты, картографию и, главное, рассматривать АК в динамике. Но даже в этом случае мы не сможем выйти за рамки гипотетических построений.

Решая вопросы происхождения АК как единой системы и изучая ее дальнейшее развитие, следует определить генезис основных типов вещей, построить их эволюционные ряды, обозначить характер связи культуры с другими, одновременными ей и более ранними, оценить ее вклад в сложение последующих культур. Если в археологической науке еще нет «жестко определенной сети предписаний»³⁰ определения понятия и эксплицитно сформулированной общепринятой парадигмы для решения этих вопросов, то существует уже достаточно много эмпирических наблюдений, из анализа и сопоставления которых можно вывести ту бытующую в археологии систему предписаний — концептуальных и методологических, связанных с критикой источников, которая является базой для согласования предлагаемых научных объяснений, на чем мы и остановимся ниже.

Вопросы оценки преемственности культуры в последнее время обсуждаются и дискутируются на страницах научных журналов и в специальных исследованиях на эту тему. Важно уметь отличить источник рассматриваемого сходства как результат различных возможных причин. Сходство — как итог действия идентичных условий при типологической общности сравниваемых культур. (Так, например, можно объяснить тот факт, что близкие между собой типологически каменные ящики и гробницы X—VII вв. до н. э. были распространены на обширной территории от Италии на западе до Луристана на востоке.) Сходство — как результат общего происхождения. Сходство — как результат диффузии рассматриваемого культурного явления с другой территории. Культура является целостной, развивающейся и открытой системой, причем развитие это происходит путем сохранения традиций, делающих культуру устойчивой, и внесения в нее инноваций, делающих культуру гибкой; последние на протяжении некоего промежутка времени (одного-двух поколений) превращаются в традицию. Культурную традицию (КТ) мы рассматриваем, вслед за С. А. Арутюновым, как «стереотипизацию социально организованного группового опыта людей», она включает в себя обычаи, ритуалы, технические навыки, регламентированные установления в производстве и искусстве. Важно оценить объективные условия существования традиции в культуре (ведь именно по ним мы выделяем АК), в частности, степень ее длительности (например, Е. И. Крупнов отмечал длительность использования традиции погребения в каменных гробницах в горах Кавказа со II тысячелетия до н. э. до XV—XVII вв. н. э.) и степень жесткости стереотипизации опыта. Безусловно, что обновление специальных научно-технических знаний (пример — переход к железному оружию и орудиям труда в памятниках кобанской культуры) происходит значительно быстрее, чем изменение традиционных форм быта, что объясняется ориентированностью культурных традиций на устойчивые, стабильные свойства среды, в частности, на тип избранной носителем культуры экологической ниши и социального окружения. Традиции могут быть универсальными (например, сам факт погребения умершего) или локальными

(способы погребения, тип погребального сооружения, украшения и т. д., что и исследуется археологами).

По происхождению культура может быть гомогенной (единой по происхождению) или гетерогенной (смешанной). По соотношению культурной традиции и инноваций культура может иметь все градации от «абсолютно консервативной» до «абсолютно новаторской». Правда, к сожалению, в настоящее время не предложено каких-либо коэффициентов для оценки этого явления, кроме качественных характеристик актуализации культурного наследия. Культуры (или хронологические этапы) можно было бы сравнивать, выделив устойчивое ядро значимых различительных признаков, подсчитывая их в каждом конкретном случае и ранжируя сходство. Другой характеристикой культуры может быть степень ее разнообразия, т. е. количество включенных в нее типов вещей. В том случае, если наблюдается большое число признаков с малой вероятностью каждого из них (что может объясняться поиском форм или большим количеством инноваций) при недостаточно стереотипизированном опыте, выражающемся в достаточно жестких установлениях культурной традиции, мы называем такую культуру «обширной».

На необходимость максимально дифференцировать те параметры, по которым происходит сравнение, справедливо указывал К. Леви-Строс, говоря, что необходимо «расчленив культуры на искусственно выделяемые элементы и установить не между самими культурами, а между элементами одного типа внутри различных культур... взаимоотношения родства и прогрессивной дифференциации»³¹. При ареальных исследованиях, когда мы наносим несколько признаков (например, различные типы погребальных сооружений) на карту, сохраняя единство времени, мы получаем возможность сопоставить эти признаки между собой, акцентируя общее и особенное для каждого из них, характер распределения памятников в зависимости от вертикальной зональности, гидрографической сети и расположения в пространстве. При нанесении однотипных, но равномерных признаков мы получаем возможность рассматривать явление в развитии, что позволяет ставить вопрос о пути проникновения того или иного явления культуры на данную территорию, направлении и характере движения. В конечном счете, даже имея лишь финальные этапы какого-либо процесса, по характеру изменений во времени можно судить и о начальном моменте, и о направлении первоначального импульса.

Наложение ареалов при диахронии позволяет выделить первичные и вторичные традиции. Продуктивен также анализ наложения ареалов явлений разного типа на одной карте. Следовательно, КТ рассматриваются ретроспективно, сверху вниз. От современности (или какой-либо избранной нами точки отсчета в прошлом) мы постепенно углубляемся, изучая проявление КТ на разных этапах.

Инновации в АК служат свидетельством ее развития, изменения среды обитания или социального окружения. Они характеризуют исторические события внутренней жизни оставившего ее населения и сношения (мирные и враждебные) с близкими или далекими соседями. По происхождению инновации могут быть эндогенными или экзогенными (возникшими эволюционным или революционным путем, благодаря прямым, сложно-контактным или стимулированным импульсам). Разные элементы культуры обновляются в разном ритме, зависящем от культурно-исторического периода и характера сношений носителя данной культуры с окружающими. Научная процедура исследования инноваций отлична от анализа КТ, так как происходит «снизу вверх», с момента их появления.

Исследование АК в диалектическом единстве культурных традиций и инноваций при изучении их количественного соотношения и специфично-

сти с опорой на объективный анализ всех учтенных компонентов открывает нам путь сопоставления между собой археологических культур (локальные варианты, этапы) и выяснения фундаментальных закономерностей в их развитии.

- ¹ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: Века и народы. М., 1984. С. 114—121; Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. М., 1987. С. 148—208.
- ² Шер Я. А. Методологические вопросы археологии // Вопросы философии. 1976. № 10. С. 75.
- ³ Розова Е. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 6—59.
- ⁴ По А. Я. Брюсову, они появляются в неолите (Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 18) или в позднем палеолите (Брюсов А. Я. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР // СА. 1959. № 4. С. 6). А. П. Смирнов говорит о них лишь для первобытной археологии (Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3). И. С. Каменецкий доводит их до эпохи древних государств. М. И. Артамонов считает, что культура и цивилизация означают одно и то же, причем цивилизация — это археологическая культура классового общества (Артамонов М. И. Этнос и археология // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969).
- ⁵ Жуков Б. С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп: По материалам волго-финских погребенных культур // Культура и быт населения ЦПО. М., 1929. С. 34.
- ⁶ Blume E. Die germanischen Stamme und ihre Kulturen zwischen Oder und Passarge zur romischen Kaiserzeit // Mannus Bibliothek. Würzburg, 1912.
- ⁷ Childe G. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929; Телегин Д. Я. Племена неолитической эпохи // История Украинской ССР. Киев, 1980. Т. 1. С. 59.
- ⁸ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре. С. 4.
- ⁹ Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 16.
- ¹⁰ Аникович М. В. Содержание понятия «археологическая культура» // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 20.
- ¹¹ Черных Е. Н. Проявление рационального и иррационального в археологической культуре: К постановке проблемы // СА. 1982. № 4. С. 8.
- ¹² Хлобыстина М. Д. К социальной интерпретации археологической культуры: По материалам погребальных комплексов // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований Западной Сибири. Томск, 1981. С. 105.
- ¹³ Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 55—58; Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37—51; Захарук Ю. Н. Идея развития в археологии // Материалистическая диалектика как общая теория развития: Проблемы развития в современных науках. М., 1983. С. 400.
- ¹⁴ Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18—36.
- ¹⁵ Кудрявцева О. М. К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 89.
- ¹⁶ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре. С. 10.
- ¹⁷ Каменецкий И. С. Археологическая культура. . . С. 24.
- ¹⁸ Массон В. М. Культура в понятийном аппарате археологии // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 6.
- ¹⁹ Ковалевская В. Б., Погожев И. Б., Погожева (Кусургашева) А. П. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала // СА. 1976. № 3. С. 26—39.
- ²⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы . . . С. 132—150.
- ²¹ Артамонов М. И. Этнос и археология. С. 29.
- ²² Захарук Ю. Н. Проблеми археологічної культури // Археологія. Київ, 1964. № 17. С. 39.
- ²³ Брайчевський М. Ю. Теоретичні основи дослідження етногенезу // УІЖ. Київ, 1965. № 2. С. 18.
- ²⁴ Мелконян Э. Л. Проблема типологического обобщения в археологии и этнографии // Историизм в археологии. М., 1976. С. 52.
- ²⁵ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: К постановке вопроса // СЭ. 1965. № 4. С. 4—10.
- ²⁶ Там же. С. 4; Балакин С. А. Концепция хозяйственно-культурного типа: Современное состояние и перспектива применения в археологическом исследовании // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 91—106.

²⁷ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 257.

²⁸ Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Археологические культуры, хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Историзм в археологии. М., 1976. С. 49, 50.

²⁹ Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики: Теат. докл. Нальчик, 1978. С. 2.

³⁰ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 68.

³¹ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 10.

Э. В. САЙКО

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ III—II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ до н. э.

В изучении особенностей, характера культурно-исторического процесса одной из кардинальных выступает проблема древнейшего города, появление которого фиксирует исторически определенный уровень, ступень развития общества. Поэтому теоретическое осмысление города как важного фактора развития общества составляет необходимое условие раскрытия закономерностей естественноисторического процесса. Такое понимание города обуславливает необходимость раскрытия его социально-исторической сущности как всеобщезначимого феномена. Особую значимость приобретают вопросы генезиса города как специфического социального организма, поскольку именно в генезисе города, в формировании закономерностей постоянного функционирования заключены тенденции его развития.

Зарождение древнейшего города выступает как особый момент процесса урбанизации — становление, в отличие от урбанизации общества уже при наличии этого нового типа поселения, оказывающего активное воздействие на развитие общества. Его развитие совершается в рамках старых форм организации жизнедеятельности общества, но как сложение, вызревание принципиально нового типа поселений, а поэтому в противопоставлении прежним формам социально-поселенческих организмов. Это и обуславливает особенности древнейших городов. В частности, это определяет важность не только потенциала и сформированности новых социально-экономических связей, обуславливающих необходимость появления города, но и условий, обеспечивающих возможности его самостоятельного функционирования в конкретных областях.

Предпосылкам и условиям появления города уделяется все большее внимание в литературе. В качестве предпосылок обсуждаются разные по содержанию и значению явления: значительный рост населения, увеличение его плотности, рост прибавочного продукта, усложнение социальной структуры, рост коммуникабельности, ирригация и др., называемые вместе или при подчеркивании преимущественного значения некоторых из них. В числе предпосылок формирования города наряду с другими выдвигается разделение труда, рассматриваемое в общем плане как отделение ремесла от земледелия. Но эти или другие предпосылки, совокупность их не раскрывают причинности генезиса и установления законов функционирования города, определяя лишь действительные условия, в большей или меньшей степени обеспечивающие возможности появления города, а не сам город.

Существуют различные точки зрения на историческую обусловленность появления города. В одних случаях он связывается с кумулятивными явлениями в процессе эволюции, и его возникновение отодвигается вплоть

до неолита (Л. Мамфорд, Дж. Мелларт и др.)¹. В других — возникновение города устойчиво связывается с глубокими перестройками в развитии общества, имеющими выраженный характер, и явление урбанизации рассматривается как составной момент процесса цивилизации и перехода от доклассового общества к классовому (Г. Чайлд, В. М. Массон)².

Рассмотрение становления города как всеобщезначимого явления и в связи с глубокими социальными преобразованиями, приведшими к формированию классового общества, требует поиска фундаментальных основ этих изменений. В качестве таковых выступают особенности развития и изменения в структурной организации производства как главного основания культурно-исторического процесса, важнейшей характеристикой которого становится, как уже отмечалось, не просто разделение труда, а разделение труда на уровне разделения производства³. И именно таким было разделение труда, связанное с отделением ремесла от земледелия, обусловившее углубление дифференциации и специализации всех видов деятельности⁴, что определило более сложные связи между ними, а также появление особых социально-организационных связей. Все это послужило основанием для самого глубокого кардинального разделения — на материальное и духовное производство. Именно появление новых отношений в результате разделения производства стало причиной и основанием возникновения особой социальной структуры — поселения, интегрирующего отношения, выходящие за рамки прежних общинно-поселенческих структур, — города. Это — главная предпосылка, включающая, реализующая и порождающая все остальные предпосылки.

Однако изучение реальной истории процесса урбанизации выявляет разные уровни этого процесса и степень его реализации в конкретно-исторических обществах. Здесь особую значимость приобретают конкретно-исторические условия, обеспечивающие возможности и тенденции его развития. В этом плане изменения в жизнедеятельности раннеземледельческих обществ разных культурно-исторических областей, втянутых в процесс древнейшей цивилизации в период IV—III тысячелетий до н. э., раскрывают сложную картину урбанизации в конкретных формах ее проявления. В частности в варианте это наблюдается в южных областях Средней Азии. Здесь процессы урбанизации, которые четко фиксируются археологически на территории южного Туркменистана в конце III — начале II тысячелетия до н. э., не сохраняют тенденции дальнейшего прогрессивного развития на протяжении II тысячелетия до н. э. и реализуются в полной мере, широко и устойчиво значительно позже.

Внутреннее развитие анауских племен, населявших прикопетдагские области южного Туркменистана, привело здесь к явным и глубоким изменениям во всех сферах жизнедеятельности в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Поселение Алтындепе в рассматриваемый период выступает как довольно крупное (26 га). Поселение имело оборонительные сооружения, достаточно сложную планировку, дифференциацию жилых комплексов (дом вождя, обычные жилые дома), выделенные производственные участки, культовый центр и т. д.⁵ Экономическим основанием функционирования общества Алтындепе выступали земледельческо-скотоводческое хозяйство и развитие на уровне высших технико-технологических стандартов своего времени специализированных производств, в том числе металлообрабатывающего и керамического. Исследование особенностей керамического производства, использующего высокоорганизованный гончарный круг, развитые конструкции печей, в которых, как показали исследования, могли достигаться высокие температуры, стандартизация условий изготовления изделий и т. д. свидетельствуют о наличии здесь технико-производственного уровня, свойственного ремесленному производ-

ству. Высокого развития достигло металлообрабатывающее производство (сложные приемыковки, литья)⁶. Алтындепе «в целом выступает как раннегородской организм с сословно престижным членением территории, как поселение, выполняющее функции центра сельскохозяйственного округа и ремесла, а также идеологического лидера», отмечает В. М. Массон. «Пока в Намазгадепе и Алтындепе можно видеть центры . . . двух оазисов, предвестника двух городов-государств»⁷.

В то же время поселение Алтындепе, безусловно, не может идти в сравнение с крупными развитыми городскими центрами Шумера.

Для южномесопотамских областей степень изменений (в частности, дифференциация поселений и характер усложнения их иерархических связей, топография поселений и выделение монументальных построек и престижных зон, развитие ирригации и торговли, усложнение социальной структуры, восстанавливаемое опосредованно, достижения в сфере духовного производства (письменность, искусство) и т. д.) более значительна. Основанием и условием изменений были высокий общий экономический потенциал общества, глубина дифференциации и специализации производственной деятельности, емкость и разработанность технической базы и т. д., предполагающие новый, более сложный характер общественных отношений. Город здесь выступал компонентом новой социально-поселенческой структуры организации жизнедеятельности общества, кумулируя и интегрируя эти новые отношения.

В областях Средней Азии процесс урбанизации, подготовленный всем ходом внутреннего развития местного земледельческого общества, но в общей системе обществ раннеземледельческих культур Переднего Востока, в сложных и многоплановых связях с ними, совершался на ином уровне и в менее сложно организованной форме. Это во многом обуславливало неустойчивость новых форм организации жизнедеятельности в южном Туркменистане, более того — практическое замирание раннегородского центра во II тысячелетии до н. э. При этом Алтындепе «в свете археологических работ выступает не как катастрофическое явление, а как постепенный упадок и замирание»⁸. Фактически одновременно возникают поселения, несущие технико-производственный потенциал и культурные традиции прикопетдагских памятников. Это поселения Маргианы и бактрийские памятники (Сапаллитепа). Исследователи предполагают передвижение части населения прикопетдагских памятников в указанные области. Запустение же последних объясняется комплексом причин, в том числе ростом населения при отсутствии возможностей его обеспечения, аридизацией климата, связями со скотоводческим миром.

В то же время отмечается чрезвычайно важный факт, требующий особого объяснения и имеющий значение в раскрытии содержания и закономерностей процесса урбанизации. Речь идет о соотношении уровней и характера организации жизнедеятельности жителей, например, Алтындепе и бактрийского Сапаллитепа или маргианских поселений.

В литературе отмечаются отличия в планировке Сапаллитепа — более четкой и одновременно простой, в какой-то степени стандартной. Поселение в первоначальный период было укреплено, и в нем фиксируется восемь своего рода кварталов. Определяя поселение Сапаллитепа, А. Аскарв пишет: «Перед нами укрепленное родовое поселение, состоящее из восьми больших общинных домов, условно названных нами жилыми кварталами»⁹. Однако для Сапаллитепа отмечается более высокий уровень развития специализированных производств — металлообрабатывающего, ткацкого, чем достигнутый в прикопетдагских областях в конце III—II тысячелетия до н. э. (в частности, в Алтындепе), и обеспечивающий здесь материально-техническую базу процесса урбанизации.

Анализ образцов керамики Сапаллитепа, представляющих наиболее характерные ее типы, свидетельствует о сохранении технико-технологических норм в рамках, достигнутых в предшествующий период в основных областях цивилизации. Это проявляется, например, в реконструируемых рабочих возможностях гончарного круга, температурного режима обжига. Эти технические традиции устойчивы и продолжают в последующие периоды в Джаркутане и Мололи. При сохранении и развитии технико-технологического потенциала и общих принципов организации хозяйственной деятельности здесь намечается иной уровень социальной организации. По существу это определенный шаг назад, на более устойчивые позиции в социальной организации, менее сложной по характеру.

Во многом с бактрийскими поселениями перекликаются поселения Мургаба — другой области экспансии населения прикопетдагских районов.

Для поселений Мургаба В. И. Сарияниди отмечает сложный технологический уровень гончарного производства и металлообработки, когда «можно с определенной степенью уверенности предполагать, что ремесло уже выделилось в особую отрасль древнего хозяйства». О далеко зашедшем «уровне социального развития свидетельствуют укрепленные крепости — места обитания выделившихся семей и целых кланов»¹⁰. Важно отметить, что при накоплении определенных новых моментов (более четкая дифференциация поселений по размерам — три типа), характеризующих воздействие процесса урбанизации на развитие общества, уровень социальной организации рассматриваемых групп поселений в целом предстает как менее сложный, чем прикопетдагский. Американский археолог Ф. Кол, обращаясь к проблеме «исчезновения цивилизации» в областях Средней Азии, говорит о сложности объяснения создавшейся ситуации, когда, по его словам, диффузные и эволюционные подходы не позволяют однозначно характеризовать процессы, которые происходили в Средней Азии в течение II тысячелетия до н. э. Подчеркивая, что общества, обитавшие в поселениях Маргианы и Бактрии, представляются менее сложными, чем предшествующие им на юге Туркменистана, он считает, что «модели эволюционного развития (в данном случае они представляются им в упрощенном варианте. — Э. С.) от простого к сложному общественному строю становятся непригодными вообще или представляют собой чрезвычайное упрощение исключительно сложного исторического процесса»¹¹.

В этом плане гипотезы об экологических условиях, дельтовых сдвигах, контактах с кочевым миром как факторах, обеспечивающих возможности таких изменений, должны быть дополнены, как считает Ф. Кол, с учетом роли насильственных факторов, субъективно определяемых. Ф. Кол полагает, в частности, что все изменения и прежде всего появление укреплений и керамических изделий из степей необходимо интерпретировать, делая упор на политический характер происходящих процессов¹².

Однако своего рода упадок городов или протогородов на территории Средней Азии не может быть объяснен только внешними причинами (хотя и глубокого характера) и при сведении внутренних условий саморазвития лишь к политическим факторам. Он был обусловлен комплексом сложных причин. Но главное, в своего рода замедлении прогрессивного развития и нереализации урбанистических тенденций проявились глубинные закономерности урбанизации и цивилизации как особых социо-культурных явлений естественноисторического процесса.

Важнейшими исходными позициями в объяснении рассматриваемых явлений должны стать, как представляется, следующие положения. Прежде всего, урбанизация является особым, необходимым моментом процесса цивилизации в том понимании, когда цивилизация определяется как

переход к исторически новому этапу общественного развития, к обществу классовому, и поэтому она приобретает всеобщность, во-первых, и необратимую значимость, во-вторых. Далее, данный период обусловлен не просто накоплением нового и большими изменениями в жизни общества, а изменениями принципиального характера в самих основаниях его.

Рассматривая с этих позиций явления урбанизации в Средней Азии и подъем двух новых земледельческих оазисов в Маргиане и Бактрии, необходимо связывать их в единый сложный процесс освоения исторически нового уровня в южных областях Средней Азии в период IV—II тысячелетия до н. э.¹³

Единый всеобщезначимый процесс цивилизации, знаменующий стадиальные изменения в общественном развитии и выступающий как формирование исторически новых форм организации экономических и социальных структур, обусловленных глубинными производственными преобразованиями, втягивал в свой поток общества земледельческих культур огромного региона при разных уровнях, формах и степени их участия. Это определялось комплексом внутренних и внешних условий: степенью подготовленности экономической базы производительного труда, дифференциацией и специализацией его, нормой прибавочного продукта, степенью сформированности новых социальных связей и производственных отношений, объемом и глубиной их дифференциации и стратификации. Города возникали как новые структурные формы организации социальных связей, интеграции новых производственных отношений, выходящих за рамки общинных норм и противостоящих им по характеру.

Но отличные по существу от предшествующих поселений, они должны были иметь достаточно мощное экономическое основание не только своего присутствия, функционирования, но и дальнейшего развития. Необходимы были достаточно выраженный разрыв, противопоставление прежним структурным формам организации общества, дифференциация поселений по объему и содержанию, прежде всего производственной деятельности.

Для прикопетдагских областей рассматриваемого периода можно отметить отсутствие, например, технико-производственной дифференции (не по объему, а по содержанию, наличию) для крупных и мелких поселений. В качестве примера американским ученым приводится сельское поселение Тайчанакдепе (1 га), где были обнаружены следы гончарного и металлообрабатывающего производства, соответствующий инвентарь в жилищах и определенный характер самих жилищ¹⁴.

При всей глубине и широте исследования Алтындепе возникает еще много вопросов в оценке его общества при решении проблем урбанизации среднеазиатских областей. Но очевидна определенная уровневая граница проявления здесь этого процесса, обусловленная как глубинными внутренними причинами (потенциалом сложившейся экономической базы, степенью развернутости процесса дифференциации и специализации производственной деятельности, структурой социальной организации и т. д.), так и факторами внешнего порядка (географические, внешние контакты и т. д.).

Несостоятельность «полной реализации» процесса цивилизации на уровне максимального его проявления в наиболее перспективно развивающихся областях определила необходимость оптимального выхода «прикопетдагского» общества, уже измененного и перешедшего за рамки общинных норм и условий функционирования, из создавшейся сложной ситуации. Освоение же новых земель, расширение общей сферы и новых дифференцированных условий функционирования и т. д. потребовали соответствующей подготовленности социальных форм организации, устой-

чивых и маневренных. Это и определило разную степень своего рода отступления рассматриваемого общества на более прочные и устойчивые позиции и прежде всего на более прочные позиции социальных норм отношений и организации жизнедеятельности. Осваивались их более стабильные и устойчивые формы, как бы консервирующие имеющиеся культурные и социальные достижения. Произошла своего рода специализация — консервация завоеваний технических, технологических, производственных, но в рамках более устойчивых норм организации, связанных еще в значительной степени с общинными формами построения жизнедеятельности.

Многое еще неясно в характеристике поселений, оценке уровня и исторической значимости областей Бактрии и Маргианы. Но во всех случаях сложение маргианского и бактрийского оазисов не может быть сведено к передвижению определенных групп прикопетдагских племен в результате ухушения климатических условий, усложнения общей политической обстановки, политических притязаний и т. д. Особенности поселений в дельте Мургаба и в Бактрии — очень характерного типа, с укреплениями (нового элемента, не показательного для общинных поселений, хотя и стимулированного, возможно, здесь условиями контактов с соседями), со многими не свойственными собственно земледельческому обществу явлениями, прежде всего в организации производственной деятельности (высокий технологический уровень керамического и металлообрабатывающего производств и т. д.) — позволяют говорить о своего рода специализации — консервации определенного уровня организации общества в процессе цивилизации.

Возникшие в южном Туркменистане на местной экономической базе и социальной основе, городские организмы находились еще в обществе, скованном родовыми путями. Они еще не противостояли дифференцированно по закономерностям и нормам функционирования иным, собственно сельским формам организации поселений. В усложнившихся условиях развития (включая экономические, контактные и т. д.) они не смогли сохранить в полной мере освоенные формы социальных отношений, и именно родовые отношения как более устойчивые стали условием их самосохранения. Не случайно возникают поселения, во-первых, менее сложной организации, чем Алтындепе, во-вторых, разноуровневые по структуре. При многих фактах сходства в организации поселений Бактрии и Маргианы, отмечаемых В. И. Сарияниди¹⁵, различия (характерно, что различия намечаются и для разных групп поселений Маргианы) в культурных и производственных (расположений печей — поквартальное в Сапаллитепа и сконцентрированное — для некоторых поселений Маргианы) явлениях свидетельствуют о разном и сложном выражении процесса консервации в соответствующих социальных формах технико-производственного уровня земледельческих племен эпохи бронзы.

Процесс урбанизации как необходимый момент цивилизации и результат разделения труда исторически осуществляется не по прямой, а как пульсирующее движение, в разной степени реализованное. Однако во всех случаях оно связано с реальным разрывом прежних экономических структур общинных организаций общества и началом формирования новых связей. Но в тех случаях, когда процесс не реализовался в полной мере, происходила особая специализация — консервация социальных организмов, несущих традиции новых технико-технологических и собственно производственных норм, но в рамках старых, хотя и измененных, форм организации жизнедеятельности. Эти поселения уже не могут быть названы общинными формами доурбанистического периода. Они иные, и не случайно при сохранении собственно земледельческих общинных

структур именно они служили своего рода закваской для начавшихся в Средней Азии процессов более активной урбанизации в последующие периоды. Более того, они имели свои внутренние особенности саморазвития (Сапалли—Мололи). Такая форма (как бы шаг в сторону) выхода с магистрального пути процесса цивилизации, которая фиксируется в случае формирования поселений в Маргиане и Бактрии на юге Узбекистана, раскрывает важную особенность процесса древнейшей урбанизации, возможно, одну из его закономерностей: разные уровни проявления имеют на древнейших этапах возможности консервации в рамках социальной организации, мобилизующей в значительной степени нормы общинных связей.

Такое конкретное проявление сложности прогрессивно направленного естественнo-исторического движения в полной мере соответствует марксистскому пониманию развития как многофакторно определяемого, многоуровневого процесса. Это никак не может быть связано с простыми, схематичными, собственно эволюционистскими объяснениями непрерывности процесса общественного развития.

¹ Mumford L. Concluding address // City invincible: A Symposium on urbanisation and cultural development in the Ancient Near East. Chicago, 1960. P. 232; Mellart J. Catal Huyuk. A Neolithic town in Anatolia. London, 1967.

² Childe G. The Urban revolution-town // Planning Review. London, 1950. P. 27; Массон В. М. Первые города: К проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 363.

⁴ Сайко Э. В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1972. С. 62—76.

⁵ Массон В. М. Алтындепе // ТЮТАКЭ. Л., 1981. Т. 18. С. 6, 35—80.

⁶ Сайко Э. В., Терезова Н. Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981. С. 72—122.

⁷ Массон В. И. Алтындепе. С. 108.

⁸ Там же. С. 129, 130.

⁹ Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 143.

¹⁰ Сарияниди В. И. Бронзовый век Маргианы // КСИА. М., 1985. Вып. 188. С. 68.

¹¹ Kohl Ph. Force, history and the evolutionist paradigm // Marxist perspectives in archaeology. Cambridge, 1984. P. 131.

¹² Ibid. P. 132.

¹³ Saiko E. V. Les conditions de formation d'une civilisation à Bactriane à l'Âge du Bronze // Actes du Colloque franco-soviétique „L'archéologie de la Bactriane ancienne“. Dushanbe, 27 oct.—3 nov. 1982. Paris, 1985. P. 135—140.

¹⁴ Щегренко И. Н. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы // Каракумские древности. Ашхабад, 1970. № 3. С. 33—50.

¹⁵ Сарияниди В. И. Бронзовый век... С. 88.

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДИСКРЕТНОСТИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ

Выявление естественного деления количественных признаков, т. е. установление дискретности групп значений мерных признаков, хорошо разработано в статистике. Применяется оно и в археологии¹. Значительно сложнее обстоит дело с установлением дискретности качественных признаков. Дело в том, что эти признаки формулируются уже в дискретной форме, но сама по себе дискретная форма еще не означает действительной

дискретности. Хорошо известны случаи, когда количественный по сути признак преподносится в дискретной форме. Например, всем известно, что цвет определяется длиной волны и по сути своей есть признак количественный непрерывный. Однако в быту, да и в нашей практике мы используем его как качественный, дискретный по форме, называя цвета и оттенки, например, при описании керамики: черный, серый, охристый, оранжевый, красный и т. п. До какого-то предела это нас удовлетворяет. Допустим, идет составление описи. Указание цвета в этом случае имеет лишь опознавательное значение. Оно облегчает поиск нужного фрагмента. «Ошибка» допустима здесь в довольно широких пределах — вместо оранжевого можно назвать желтый или красный. Неудобство мы начинаем испытывать лишь тогда, когда цвет используется как признак в дальнейшей исследовательской работе, когда по цвету начинается сортировка или даже классификация керамики. Вот тогда выясняется, что оттенки переходят друг в друга, что цвета не дискретны. В качестве примера приведу античную краснолаковую керамику, которую я пытался распределить по центрам производства, исходя из ряда признаков, в том числе используя и цвет. Попытка не увенчалась успехом.

В принципе почти каждый качественный признак можно перевести в количественный, мерный. Мы не делаем этого потому, что это не всегда нам выгодно. В ряде случаев мы получаем гораздо более громоздкое выражение того же свойства, которое становится менее понятным и более сложным в обработке. Иногда настолько сложным, что без помощи машин уже нечего делать. В других случаях более высокая точность, которая достигается с переводом признака в количественную форму, оказывается избыточной в конкретном исследовании. Наконец, некоторые алгоритмы классификации требуют использования именно качественных признаков. Игрет роль и традиция — археологи до последнего времени используют преимущественно качественные признаки, стихийно переводя в количественную форму даже мерные признаки, параметры. В этих условиях предмет, описанный только количественными признаками, оказывается не сопоставим со всей остальной совокупностью сходных предметов, описанных традиционным способом. Как видим, имеется достаточно много причин, по которым качественные признаки будут использоваться в археологии еще неопределенно долго.

Можно, конечно, специально для проверки дискретности перевести качественные признаки в количественные, а после этого использовать их в прежней форме. Однако это, как уже говорилось, во многих случаях очень трудоемкий процесс и для археологов пока не очень доступный при невозможности свободно работать с ЭВМ и, как следствие этого, при отсутствии навыка работы с ней. Поэтому естественно встает проблема прямого определения дискретности качественных признаков.

Следует определить, что же является дискретностью для качественных признаков. При работе с параметрами мы имеем непрерывную шкалу. Например, диаметр венчика сосуда теоретически может принимать любое значение, отличное от нуля. Мы ищем обособленные, т. е. дискретные, группы значений как бы внутри выделенного признака, среди полученных замеров. При работе с качественными признаками мы получаем несколько иную картину. Здесь группам соответствуют варианты. Они как бы выделяются заранее, до начала исследования. Например, внутри признака «форма края венчика» мы уславливаемся различать плоские, выпуклые, округленные, скошенные наружу, скругленные наружу и т. д. Так происходит, когда мы уже имеем готовую программу описания, т. е. код для описания керамики, разработанный заранее, теоретически или на других материалах. Код может создаваться и в процессе обработки. Тогда варианты

фиксируются (формулируются) по мере встречи с ними. Мы берем в руки венчик с плоским краем и вносим этот вариант в создающуюся систему описания. Потом берем венчик с выпуклым краем и дополняем систему этим вариантом. Оба пути существенно не отличаются. Только в первом случае при работе с каждой новой серией встает вопрос о соответствии имеющегося кода новому материалу.

Вопрос о дискретности встает после описания, независимо от того, как оно выполнено — по коду или без него. Выясняя дискретность выделенных вариантов признака, мы по существу должны установить, различали ли древние эти варианты, обращали ли они внимание на эти отличия. Мы, вооруженные современными методами измерения, профессионально натренированные на поиск различий в материале, можем делать практически неограниченно тонкие определения. Весь вопрос в том, делали ли их древние? Имело ли для них значение отличие плоского края от выпуклого или им это было безразлично?

Основной принцип нам известен и сформулирован он Б. И. Маршаком: осознанные различия порождают дискретность в материале. Иными словами, если древние производители придавали значение отличию плоского края от выпуклого, то они избегали сомнительных, промежуточных решений. Напротив, они должны были подчеркивать именно плоские и именно выпуклые края сосудов. Отсюда и обратное заключение: если мы обнаруживаем строгое разграничение в материале, то вправе предположить, что это результат сознательной деятельности, стремление разграничить эти варианты.

Я не могу дать универсального решения. Более того, я не знаю, возможен ли такой универсальный рецепт, используя который мы могли бы проверить любой качественный признак. Однако имеется ряд методов, которые позволяют получить хорошие результаты, причем в достаточно большом числе случаев. Думаю, что в ожидании общих решений они представляют некоторый интерес.

1. Метод экспертизы. Давно и хорошо известен за пределами археологии. Заключается он в том, что ряду специалистов предлагается описать одну и ту же серию материала по предложенной программе, т. е. коду. Наименьшее число экспертов — естественно, два, считая первым из них автора эксперимента. Описания сравниваются. Если их два, то определения выписываются в три группы: число одинаковых определений для одного варианта (плоский край), число одинаковых определений для второго варианта (выпуклый край), число различных определений, когда один эксперт определяет край как плоский, а другой — как выпуклый. Эту последнюю группу мы можем рассматривать как промежуточную. Если она оказывается количественно сопоставима с «чистыми» экземплярами, то мы можем отрицать наличие дискретности между плоскими и выпуклыми краями. Идеальный случай, когда «промежуточных» экземпляров столько же, сколько «чистых» или даже больше. Тогда в отсутствии дискретности нет сомнения. Если «промежуточных» меньше, то это означает неполную дискретность. Если число «промежуточных» составляет не более 5 % от общего числа определяемых экземпляров, то их можно рассматривать как результат ошибок (изготовителей и определителей) и дискретность считать полной. Понятно, что возможно выражать степень дискретности в точных цифрах, применяя тот или иной показатель.

При увеличении числа экспертов происходит следующее. Возьмем трех экспертов. Каждый венчик имеет теперь три определения, которые могут распределиться следующим образом — 3:0; 2:1; 1:2; 0:3. При четырех экспертах возможны следующие варианты распределения — 4:0; 3:1; 2:2; 1:3; 0:4. И так далее. Уже из приведенного ясно, что вариантов всегда будет

на один больше, чем экспертов. Ясно и то, что с увеличением числа экспертов мы получаем возможность более тонкого анализа.

Очевидно также, что для выяснения характера распределения мнений можно строить гистограммы, подобные тем, какие строятся для выяснения дискретности групп количественных признаков. Таким образом появляется возможность определить нужное число экспертов для описания исследуемой серии или определить размеры выборки для имеющегося числа экспертов. Напомню, что число интервалов для гистограммы² определяется по формуле $k = \sqrt{n} - 1$, а число экспертов, как мы установили, должно быть на 1 меньше, чем число интервалов. Поэтому формула для определения числа экспертов (ε) будет выглядеть так: $\varepsilon = \sqrt{n} - 2$. Следовательно, если мы хотим исследовать серию в 50 экз., нам нужно уговорить четырех коллег, считая себя пятым. Если серия насчитывает 100 единиц, то число экспертов должно быть 8, и т. д. Обратная задача решается по той же формуле, которая приобретает вид $n = (\varepsilon + 2)^2$. При этом оказывается, что при двух экспертах достаточный размер выборки равен 16, при трех — 25, при четырех — 36 . . . Это очень важно, так как трудность набора экспертов находится в прямой зависимости от величины выборки, которую следует описать.

До сих пор мы исходили в своих рассуждениях из того, что имеется только два варианта признака. Если их больше, то возможны два пути решения. Когда варианты не могут образовать ранжированный ряд, то все сводится к разобранной процедуре. Идет попарное исследование дискретности вариантов. Интереснее случай, когда варианты могут образовывать ранжированный ряд. Например, венчики плоские — уплощенные — выпуклые — округленные ($a - b - c - d$). По форме эти варианты признака остаются качественными, но по сути своей они становятся уже количественными дискретными, поскольку отражают количественную сторону свойства предмета — степень выпуклости края. Эти варианты не выражены числом, как в классическом определении количественного дискретного признака, но по сути это именно такой признак. И исследовать такой ранжированный ряд надо соответственно, т. е. строить на основе этого ряда гистограмму, беря значения из описи, и изучать полученное распределение. Для построения гистограммы с четырьмя интервалами требуется всего 25 экз. Интерпретация нам уже знакома: нормальное распределение означает отсутствие дискретности, U-образное распределение — наличие такой дискретности. Однако в этом случае мы можем определить дискретность только экземпляров, не являющихся соседними. А если дискретны именно соседние варианты? Проверить это можно уже знакомым нам способом попарного сопоставления, увеличивая число экспертов и наблюдений. Но можно, по-видимому, рассматривать и весь ряд сразу. Уже при двух экспертах мы получаем довольно длинный ряд оценок: $aa - ab - bb - bc - cc - cd - dd$. Для семи интервалов нам надо описать выборку в 64 экз. При трех экспертах описываемая коллекция должна возрасти до 124 экз. Встает, естественно, вопрос о сравнительной экономичности указанных путей. Число интервалов (k) при попарном рассмотрении равно $k = a\varepsilon - \varepsilon + 1 - a$, где « a » — число исследуемых вариантов признака, а « ε » — число экспертов. При рассмотрении ряда целиком число интервалов равно $k = a\varepsilon - \varepsilon + a$. Следовательно, размер необходимой серии во втором случае всегда будет больше. Правда, мне представляется, что этот проигрыш компенсируется большим изяществом решения. К сожалению, этого нельзя показать столь же убедительно. Поэтому путь попарного исследования представляется более выгодным, чем одновременное рассмотрение всего ранжированного ряда. Попутно укажем, что при отсутствии возможности ранжирования число попарных сопоставлений резко возрастает, так как возможны «промежуточные» экземпляры не только для «соседних» вариантов, но для

любых. Таким образом, образование ранжированных рядов дает существенную выгоду, не говоря уже о том, что в некоторых случаях позволяет обойтись без привлечения помощников.

Кроме указанных достоинств, данная методика имеет и существенные недостатки. Первый из них — необходимость привлечения других специалистов, что не всегда легко организовать, даже имея их в пределах досягаемости. Второе: сходные результаты, т. е. разнорядные в определениях, могут получаться не только при отсутствии дискретности между вариантами, но и при недостаточно четких определениях кода. Последнее приводит к тому, что у участников эксперимента закрепляются разные стереотипы, что и дает разнорядные в определениях. Некоторую роль играет также квалификация участников, вернее, разница в квалификации. Иными словами, результаты эксперимента могут быть ошибочно интерпретированы.

II. Метод промежуточных определений. Описывая материал по имеющемуся или создаваемому коду, мы стараемся однозначно определить вариант. В хорошо разработанном коде с этой целью указываются границы вариантов, и в спорных случаях мы проводим специальные измерения, рекомендованные кодом. Целесообразность такого подхода кажется очевидной. Собственно, одна из основных задач формализации (кодирования) — сделать описание однозначным. Однако возможен и другой, не менее целесообразный подход.

При формулировке варианта описывается прежде всего срединное его значение, если даже иметь в виду, что имеется некоторый интервал, в котором происходит варьирование значений варианта, независимо от того, принадлежит ли вариант количественному или качественному признаку. У количественного признака варибельность оговаривается в формулировке, например, в виде ошибки средней или нормального стандартного отклонения. Но надо учитывать, что показатели разброса не могут быть указаны до совершения обмеров, они (впрочем, как и сама средняя) есть результат этих обмеров. У качественного признака срединное значение вариантов формулируется до описания материала, мы навязываем материалу некоторую гипотетическую схему. Варибельность не указывается совсем. Но она существует в реальности. Допустим, мы имеем в действительности серию венчиков, где край демонстрирует ряд постепенных переходов от уплощенных к выпуклым. При описании мы, называя только срединные значения вариантов, как бы стягиваем к ним все промежуточные. После указанной процедуры стягивания (округления) мы получаем как бы дискретные группы, между которыми не оказывается промежуточных экземпляров. Таким образом, мы усугубляем или даже создаем дискретность, по существу искажая реальность. Для каждого отдельного экземпляра сдвиг значения невелик и как будто не играет принципиальной роли, укладываясь в допустимую ошибку «измерения». Но для общей картины эти искажения оказываются значимыми, так как делают описание неадекватным реальной картине.

Приступая к описанию, надо отказаться от попыток обязательно отнести полученные наблюдения к одному из двух имеющихся вариантов признака. Даже имея код, где указаны точные границы между вариантами, следует пренебречь этими указаниями и не пытаться граничные экземпляры путем замеров зачислить в одну из выделенных групп. Этот отказ вызван и тем, что в новой обрабатываемой коллекции границы могут оказаться сдвинутыми по сравнению с коллекцией, послужившей для создания кода. При описании мы во всех сомнительных случаях оговариваем свое сомнение, указывая в таблицах оба варианта, промежуточное положение, которое занимает описываемый экземпляр. Это относится не только к тем случаям,

когда экземпляр занимает настолько срединное положение, что мы просто не имеем основания отнести его к одному из двух вариантов, но и к тем, когда явна его большая близость к одному из вариантов, но он отличается от него. Я во всех этих случаях указываю отношение к варианту так — «2 или 3» (2\3). Соответственно для исследуемой пары признаков получается три значения, как и в случае оценок двух экспертов со всеми вытекающими отсюда статистическими следствиями. Можно увеличить число градаций, выделив экземпляры варианта А; экземпляры, отличающиеся от А; экземпляры, промежуточные между А и В, и т. д., что дает нам уже пять вариантов оценки и позволяет построить более убедительную гистограмму.

Таким образом, мы определяем наличие или отсутствие дискретности между парой вариантов, после чего должна следовать корректировка первоначального деления признака на варианты. При отсутствии дискретности варианты должны быть объединены, сформулированы в более общей форме, а на основании установленной дискретности определены границы этих новых вариантов.

Если на основании предложенной методики можно объединять варианты, укрупнять их, то для обратного процесса я не могу предложить рецепта. Я не знаю, как выявить два варианта внутри одного, излишне общесформулированного. Имеется, естественно, в виду какой-то столь же простой способ. В запасе у нас всегда остается перевод качественного признака в количественный с последующим выделением вариантов (групп) уже на этой основе и переводом их обратно, в качественную форму. Но это путь, в данной статье не обсуждаемый. Поэтому можно только порекомендовать прислушиваться к внутреннему голосу, т. е. полагаться на интуицию, а в помощь ей на первом этапе использовать достаточно дробные варианты признаков.

Как и предыдущий, данный метод также имеет недостатки. Они носят психологический характер. Хотим мы этого или не хотим, но отменив четкую границу между исследуемыми вариантами, мы вносим иные границы, гораздо более дробные. Это границы между вариантами и промежуточным значением (или значениями). Так как эти границы не фиксированы точно, то постоянно существует опасность их смещения. Это происходит часто даже при одновременном описании серии. Сначала мы исходим из предварительных установок, а затем постепенно меняем эти установки, если материал неточно им соответствует. Иными словами, мы полусознательно нащупываем более правильное, более адекватное материалу деление. И это, конечно, положительный процесс. Но для данной серии замеров он будет отрицательным, так как оказывается, что конец серии описан по другим критериям, чем ее начало. Происходящее смещение стирает, размывает границы и меняет конечный результат. При этом надо учитывать, что когда я говорю о более правильных границах, то имею в виду не истинную границу между вариантами, т. е. не дискретность (хотя теоретически допустима и такая возможность), а скорее удобство распределения материала по намеченным рубрикам. Если этот «дрейф» понятий осознается, что довольно часто имеет место, то появляется желание вновь описать весь материал по установленным новым критериям. И, по-видимому, надо рекомендовать удовлетворение этого желания. Опасность смещения критериев многократно возрастает, если описание совершается не одновременно, а в несколько приемов, и возрастает при увеличении перерывов между описаниями. При этом можно и не заметить происшедшего «дрейфа».

Вторая опасность аналогичного свойства. Поскольку от выделения промежуточных экземпляров зависит определение дискретности, то есть опасность выделить большее их число, чем имеется в действительности. Просто из-за большего к ним внимания. Мы получаем как бы обратное тому,

что происходит, когда мы стремимся распределить предметы по вариантам, не предполагая наличия промежуточных экземпляров.

III. Метод двойных определений. Не требует никаких отступлений от кода и в этом смысле более строг и последователен. Продолжая использовать все тот же пример с краем сосуда, обратим внимание, что даже при высокой тщательности формовки происходит некоторое варьирование. Это варьирование тем больше, чем грубее приемы изготовления. Поэтому возьмем лепную керамику. Описывая ее, часто обнаруживаешь, что на разных участках венчика край оформлен различно, причем это различие может быть настолько значительным, что пересекаются границы вариантов. Например, на разных участках край может быть уплощенным и округленным, или плоским и скошенным наружу и т. п. Вот это явление и использует описываемый метод. В описании следует аккуратно фиксировать все представленные варианты. В таблицах я пишу «2—3» или «2, 3», но способ записи, понятно, особого значения не имеет. Чем больше сохранившийся фрагмент, тем больше вероятности, что мы встретим различия в его оформлении. Естественно, что наибольшая вероятность двойного оформления — для целых сосудов. Такой разнотип характерен не только для венчика, но и для других частей сосуда. Напомню о дискутируемой (к сожалению, всегда устно) проблеме рисования асимметричных сосудов, у которых не только детали, но и основные части, и параметры варьируют по окружности в довольно значительных размерах. Понятно, что у сосудов, изготовленных на круге, а тем более с применением шаблонов, отмеченное явление представлено значительно слабее. Но и там оно все же присутствует.

Обычно мы объясняем это небрежностью исполнения. И это справедливо. Но мы редко задаемся вопросом, что стоит за этой небрежностью, чем она вызвана? Я думаю, что объяснение может быть только одно — древние не придавали значения этим вариациям, они были для них несущественны. И следовательно, совмещающиеся варианты на самом деле не дискретны. Конечно, в ряде случаев можно объяснять совмещение слабой квалификацией мастера, но таких предметов не должно быть много, при осознанном отличии такие экземпляры не должны были доходить до обжига.

Для каждой пары признаков мы должны подсчитать число ординарных определений и число двойных, в результате чего получаем три группы: А—АВ—В. Очевидно, что по смыслу группа двойных определений равна группе промежуточных определений в предшествующей методике и группе разных определений в первой методике. Поэтому обработка полученных данных сводится к тем же процедурам. И интерпретация полученных распределений также: если мы имеем U-образное распределение, то оно свидетельствует о наличии дискретности; если распределение нормальное, биномиальное, Пуассона, то дискретность между вариантами отсутствует. Что касается распределения Пуассона, то учитывая качественный характер вариантов, оно может давать кривую, понижающуюся вправо, но и понижающуюся влево, так как варианты могут быть поменяны местами. Все варианты распределения между нормальным (биномиальное считаем частью его) и U-образным свидетельствуют о неполной дискретности. Конечно, здесь берутся не все промежуточные между теоретически рассчитанными. Об отсутствии дискретности свидетельствует не только нормальное распределение и даже не только t-распределение, но и те случаи, когда кривая приобретает вид горизонтальной прямой. Собственно, между этой горизонтальной линией и U-образным распределением и находятся разные стадии искомой дискретности.

Как и предыдущие методы, этот также имеет недостаток, впрочем, присущий и двум предыдущим. Дело в том, что дискретность варианта может быть вызвана не только осознанием его производителями, но и некоторыми технологическими причинами. Например, на Ново-Золотов-

ском городище (недалеко от Таганрога) ведущей формой сосудов были горшки с прямыми стенками расширяющегося горла. Как мне представляется, они, если и не формовались, то сушились вверх дном. После этого их снимали при помощи какого-то инструмента типа ножа. В результате все они имеют удивительно ровный, скошенный внутрь и одновременно горизонтальный край. Эта систематическая повторяемость производит впечатление нарочитости, осознанности. Конечно, возможно, что так оно и есть, но не менее вероятно, что это единообразие, вызванное часто технологическими причинами, не играло существенной роли. Просто так получалось, и этому не придавали никакого особого значения. Этот и подобные ему случаи при применении всех трех методов дадут типичную картину дискретности. Собственно, так мы и должны ее воспринимать. Однако надо помнить, что такая дискретность может быть неосознанной, хотя и реально существует. Это очень серьезно, так как в этом случае мы не можем использовать признак для типологической классификации. Впрочем, вопрос этот не очень ясен, так как если существует разница в технологии производства, то уже она сама по себе, так же как и порожденные ею особенности, по-видимому, может служить для выяснения типологии.

Наконец, отметим, что промежуточные и двойные определения тесно связаны не только в смысловом отношении. Если имеется двойное определение, то это автоматически означает, что где-то на фрагменте имеется зона промежуточного варианта, ибо плоский край не может переходить в выпуклый скачком. Должен быть хотя бы короткий переход. Поэтому фрагменты двойного определения можно приравнять к промежуточным без всяких натяжек. Следовательно, мы можем совместить оба метода, ведя единый подсчет. Это, конечно, увеличит число средней группы, но и приблизит нас к действительности. Отметим, что не только двойные определения можно рассматривать как промежуточные. Если бы мы не использовали двойных определений, то в рамках второго метода мы должны бы были фрагменты двойного определения все равно описывать как промежуточные, поскольку присутствие двух значений не разрешимо в пользу одного из них.

И еще отметим, что вычисленное нами количество экземпляров для исследования является минимальным, а не оптимальным. Оно достаточно для надежного вывода. При увеличении же числа повышается надежность этого вывода, степень вероятности. Поэтому, используя второй и третий методы, целесообразно в подсчеты включать всю исследуемую серию. Ведь это, в отличие от первого метода, не требует дополнительных затрат труда. Вся коллекция ведь все равно проходит через процедуру описания. Значит, дополнительные затраты сводятся только к увеличению объема подсчетов. Для первого же метода эти минимальные цифры являются и оптимальными, ибо увеличение выборок резко сокращает возможность привлечения коллег к работе.

¹ *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников: Возможности формализованного подхода. М., 1975. С. 22, след.; *Каменецкий И. С.* Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 19, след.

² *Каменецкий И. С., Узянов А. А.* О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 45, формула (11).

О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ КОНВЕРГЕНТНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ГОНЧАРНЫХ ГОРНОВ

В 1950—1970-е годы при изучении сельского гончарства на территории европейской части СССР были выявлены различные теплотехнические устройства для обжига керамики. По общим особенностям в конструкциях все они распадаются на три множества: очажные, печные и горновые.

Очажные и печные представлены сооружениями с одним внутренним объемом. Но первые не имеют постоянного перекрытия над этим объемом, а вторые, напротив, его имеют.

Гончарные горны известны как с перекрытием над внутренним объемом, так и без него. Однако сам этот объем разделен в них на три функциональных блока: топочный, теплопроводно-разделительный и обжиговой. По особенностям направления движения горячих газов через теплопроводно-разделительные блоки, представляющие собой горизонтальные или вертикальные перегородки со специальными каналами, все горны разделяются на три класса: 1 — с вертикальным ходом горячих газов; 2 — горизонтальным; 3 — с вертикальным и горизонтальным (рис. 1, А, а—в).

Горны класса 3 возникли на основе смешения принципов организации движения горячих газов, которые использовались в горнах классов 1 и 2. Вопрос же о путях формирования горнов с вертикальным (класс 1) и горизонтальным (класс 2) ходом горячих газов до сих пор по существу оставался открытым¹.

Накопленные к настоящему времени этнографические материалы о способах организации обжига глиняной посуды позволяют внести некоторую ясность в этот вопрос. Оказалось, что горны классов 1 и 2 могут формироваться в разных местностях, вырастая из очажных и печных устройств.

В свете этнографических данных возникновение такого рода процессов объясняется не внешними, а внутренними причинами — особенностями традиционных приемов организации обжига в очагах и печах. Напомню, что обычно в них в одном общем объеме помещаются и сосуды, и топливо. В очагах, как правило, вначале размещается слой топлива, на него устанавливаются изделия, которые сверху перекрываются еще одним слоем топлива. В печах сосуды тоже устанавливаются на слой топлива, но сверху им не перекрываются.

При такой организации обжига менее всего подвергаются необходимому температурному воздействию изделия, примыкающие к внутренним стенкам очага или печи. Изделия, расположенные в центральной части зоны горения топлива, напротив, испытывают наибольшее его воздействие. Стремлением ослабить или вовсе устранить эти общие недостатки и объясняются изменения в организации обжига и возникающие в этой связи новые приемы конструктивного оформления внутреннего пространства очагов и печей. Предметные проявления этих стремлений мы и фиксируем в современном сельском гончарстве. Наиболее подробные сведения о них удалось собрать при изучении украинского гончарства². Сложение гончарных горнов происходило здесь на основе очагов и печей, причем гор-

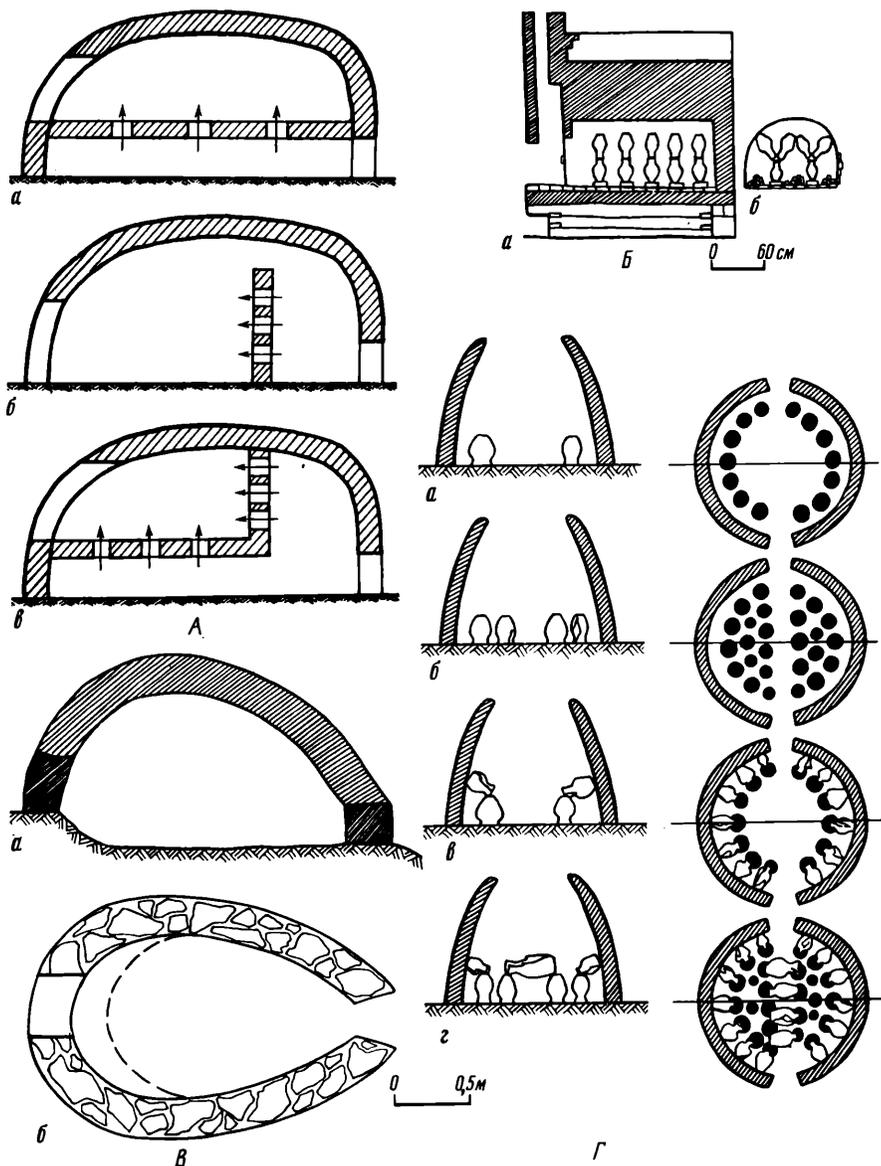

Рис. 1. Схемы горновых, печных и очажных устройств для обжига керамики

A — схемы движения горячих газов через теплопроводно-разделительные блоки у горнов различных классов: *a* — класс 1, *б* — класс 2, *в* — класс 3; *B* — образец временных горизонтальных теплопроводных каналов при организации обжига в русской печи (д. Новотрюмово, Череповецкий р-н Вологодской обл., 1971 г.): *a* — продольный разрез, *б* — поперечный разрез; *B* — образец напольной печи для обжига керамики (с. Старые Куты, Косовский р-н Ивано-Франковской обл., 1963 г.): *a*, *б* — разрезы; *Г* — схемы наземных очажных устройств для обжига керамики с временными топочными блоками или их компонентами (с. Ольховка, Иршавский р-н Закарпатской обл., 1963, 1980 гг.): *a*—*г* — разрезы

нов класса 1 — на основе очагов и печей, а горнов класса 2 — только печей.

Определяющими для горнов класса 1 были процессы формирования горизонтальных теплопроводных каналов, а для горнов класса 2 — топочного пространства. В том и другом случае происходило отделение продуктов горения от обжигаемых изделий. Но у горнов класса 1,

сложившихся из очажных устройств, оно происходило по вертикали (топливо оказывалось ниже обжигаемых изделий), а у горнов класса 2, выросших из печей, — по горизонтали (топливо располагалось на том же уровне, что и изделия, но занимало свой определенный участок, а изделия — свой).

Печи с частично или целиком выделенным в плане топочным пространством (имеющие соответственно яйцевидную или грушевидную в плане форму) способны выполнять функции горновых теплоустройств, так как в них может быть обеспечено раздельное расположение сосудов и топлива. Но конструктивно они становятся горнами только тогда, когда топочное пространство отделяется от обжигового специальной перегородкой — вертикальной, горизонтальной или смешанной.

В этой статье мне хотелось бы кратко рассказать о некоторых этнографических материалах, характеризующих процессы независимого возникновения горнов в современных гончарных производствах. По существу речь пойдет о сложении в очагах и печах трех основных компонентов, из которых состоят топочные блоки горнов классов 1 и 3: 1 — горизонтальных теплопроводных каналов; 2 — перекрытий над ними; 3 — вертикальных теплопроводных каналов. Самым важным компонентом среди них являются горизонтальные теплопроводные каналы, с которых и начинается, судя по восточноевропейским материалам, образование топочных блоков. Два других компонента (перекрытия и вертикальные каналы) конструктивно оформляются на основе горизонтальных каналов.

Различаются три вида горизонтальных каналов: 1 — бокового действия; 2 — центрального; 3 — общего. Боковые сооружаются вдоль внутренних стен, центральные проходят через центральную часть основания внутреннего пространства очагов или печей, а каналы общего действия занимают большую часть площади основания очагов и печей.

Зафиксированы наземные, земляные и смешанные приемы создания всех этих каналов. При наземных способах компоненты топочных блоков возводятся на поверхности основания очагов или печей, при земляных — они сооружаются в грунте, ниже этого основания, а при смешанных — используются те и другие приемы. В русском и украинском гончарстве наиболее полно выявлены пока признаки сложения топочных блоков, которые сооружались с помощью наземных приемов. Именно эти признаки и рассматриваются в статье.

В этнографических материалах мы имеем дело с фактами, в которых проявились процессы независимого формирования горнов, о чем позволяют судить сведения об очажных и печных устройствах с временными или частичновременными топочными блоками или их компонентами, предметно фиксирующими само их превращение в горны.

Временными являются топочные блоки или их компоненты, которые сооружаются непосредственно перед очередным обжигом, а после его завершения целиком разбираются. Частичновременными названы топочные блоки, составленные из постоянных и временных конструктивных частей. Постоянные части сооружаются при строительстве теплоустройства, а временные — каждый раз перед очередным обжигом.

Приведу некоторые конкретные данные о вызревании горнов на основе очажных и печных устройств, выявленные на территории европейской части СССР. Начну со сведений об использовании временных топочных блоков или их компонентов в русском и украинском гончарстве. Так, при обследовании гончарного ремесла в деревнях Новотрюмово и Горки Череповецкого р-на Вологодской обл. было отмечено, что вплоть до 1960-х годов местные гончары для обжига посуды использовали русские печи (с дымоходом). Они сооружались в жилой части избы. В так

называемых черных печах (без дымохода) и в печах с дымоходом изделия для обжига традиционно размещали на слое топлива. Здесь же отмечен другой способ организации обжига. Из подготовленных к обжигу сосудов сооружали в печи горизонтальные теплопроводные каналы с перекрытиями. Обычно для этого на «под» печи вначале ставят два или три ряда подкладок из обломков кирпичей, а на них — днищами книзу — сосуды. Мы наблюдали сооружение из сосудов трех теплопроводных каналов, параллельных друг другу. Сосуды ставились в два ряда на расстоянии около 20 см один от другого. В каждом ряду было по пять сосудов. На них днищами кверху устанавливалось под углом по два других сосуда, создававших перекрытие над каналами. Сами каналы шириной около 30—35 см каждый служили для размещения и сжигания топлива (рис. 1, Б, а, б). Естественно, что после завершения обжига эти каналы целиком разбирались.

Такой же способ организации обжига в русской печи Л. С. Китицына зафиксировала в 1928 г. в д. Погост Ярославской обл. Здесь тоже в качестве «строительного материала» для сооружения горизонтальных теплопроводных каналов использовались сосуды, подготовленные к обжигу. Они расставлялись на подставках из обломков кирпичей неплотно друг к другу в четыре ряда (в каждом ряду примерно по семь сосудов). Поверх каждого ряда боком устанавливали другие сосуды, образуя из них перекрытие над каналами. Выше этих сосудов посуду клали в разных положениях. Местные гончары использовали печи больших размеров, чем в деревнях Новотрюмово и Горки. В среднем в печь для одновременного обжига входило от 50 до 100 изделий. По бокам от основного топочного устья в лицевой стенке печи имелись четырехугольные отверстия («прогары») для подкладывания дров в топочные каналы³. В зависимости от размеров печи число «строительных материалов» (сосудов), из которых сооружались временные горизонтальные каналы, может сильно варьировать. В деревнях Новотрюмово и Горки на подставки из обломков кирпичей устанавливалось 10 сосудов (в два ряда), в д. Погост — 28 сосудов (в четыре ряда). Но во всех случаях фиксируется множественность «строительных материалов», с помощью которых сооружались временные горизонтальные каналы. Сведения о подобной организации обжига глиняной посуды в русских печах известны и по опросным данным (например, по территории Кировской, Костромской и ряда других областей), но в большинстве своем они менее детальны.

Использование временных горизонтальных каналов при обжиге в печах зафиксировано и в украинском гончарстве. Такая организация обжига выявлена в ряде очагов сельского гончарства на территории Львовской, Хмельницкой, Тернопольской и некоторых других областей. Например, в с. Старые Куты Косовского р-на Ивано-Франковской обл. УССР отмечено использование для обжига однокамерных печных устройств, немного углубленных в землю. Сооружаются они из камней и вальков глины. Стенки с внутренней и внешней сторон дополнительно обмазываются слоем глиняного раствора. В плане эти печи имеют яйцевидную форму, снабжены загрузочным отверстием в виде люка округлых очертаний диаметром чуть более 50 см. Напротив него, с другого конца печи, находится расположенное ниже топочное отверстие высотой около 30 см и примерно такой же ширины. Толщина стен печи около 30 см. Длина внутренней (рабочей) части измеренного образца печи от топки до загрузочного устройства около 1,8 м, ширина в средней части у основания 1,1 м, наибольшая высота сводчатого перекрытия 1,1 м. Для проведения обжига в таких печах местные гончары вначале каждый раз сооружают в них горизонтальные теплопроводные каналы («слёсы»). Но, в отличие от русских гончаров, используют для этого не изделия, подготовленные к обжигу, а бракованные сосуды, оставшиеся от предыдущих обжигов. Их расставляют, судя по описанию, рядами по всей

площади пода (спіда) печи. Подробности сооружения каналов, к сожалению, не выяснены, но известно, что для их устройства требовалось не менее 10—15 бракованных сосудов. На сооруженном с их помощью помосте размещали подготовленные к обжигу изделия (рис. 1, Б, а, б).

Более подробные сведения о временных топочных блоках зафиксированы у гончаров, которые используют для обжига очажные приспособления. У них прослежены и проявления формирования таких блоков. Наиболее широко очажные обжигательные устройства известны сегодня в западных областях УССР, в частности, на территории Черновицкой и Закарпатской областей. Здесь они отмечены во многих сельских очагах гончарства (села Дубовинка, Гудя, Виноградово, Драгово, Мирча, Ольховка и др.).

Для обжига используются наземные круглые в плане очаги в форме усеченного конуса (рис. 1, Г, а—г), которые сооружаются в некотором удалении от жилых построек на специальной платформе или просто на поверхности грунта. В самой нижней части конуса друг против друга делаются два или четыре прямоугольных отверстия шириной около 25 см и высотой около 20 см. Они выполняют функции топок и поддувал. В плане эти отверстия получают форму расширяющихся наружу или во внутреннюю часть очага каналов, или же они имеют прямые параллельные стенки.

Традиционный способ организации обжига в подобных устройствах (размещение изделий на слое топлива) местными гончарами не практикуется. Как и русские гончары, о которых речь шла выше, украинские тоже прибегают к более совершенным приемам организации обжига. Перед очередным обжигом они сооружают во внутреннем пространстве очагов временные топочные блоки или отдельные их компоненты. В литературе отмечены случаи использования для этой цели самих обжигаемых изделий⁴. В с. Ольховка Иршавского р-на Закарпатской обл., где удалось провести наиболее обстоятельные наблюдения за особенностями организации обжига, в качестве «строительного материала» отмечены бракованные сосуды, их обломки, сочетающиеся иногда с обожженными кирпичами. Но этот строительный материал у четырех разных гончаров, за которыми велись наиболее подробные наблюдения, использовался для создания разных временных сооружений. У одного — только для постройки вдоль внутренних стен боковых горизонтальных каналов без перекрытия, функцию которого выполняли обжигавшиеся сосуды (рис. 1, Г, а), у другого — для создания и стенок, и перекрытия над боковыми каналами (рис. 1, Г, в). Наконец, два других мастера строили целиком весь топочный блок из бракованных сосудов: боковые и центральные каналы, перекрытия над ними (рис. 1, Г, г). Отмечены и некоторые другие варианты сооружения временных топочных блоков из бракованных сосудов и их обломков (рис. 1, Г, б). По существу все отмеченные различия характеризуют процессы вызревания самих компонентов топочных блоков в местной среде, т. е. самые начальные предметные проявления их формирования.

Но в украинском гончарстве отмечены и теплоустройства, фиксирующие сформированное состояние одного из компонентов топочных блоков, — горизонтальных каналов бокового действия. Они выявлены у гончаров Черновицкой обл. (с. Вашковцы и ближайшие от него селения). Местные гончары (поляки и украинцы) примерно до 1935 г. пользовались для обжига специальной «земляной печкой»⁵. Ее сооружали в глинистом грунте. Выкапывали две ямы: одну — приблизительно круглой формы, с некоторым расширением кверху, глубиной около 1,5 м и наибольшим диаметром у поверхности около 1,2 м; другую — прямоугольной формы такой же глубины. В стенке между ямами, на уровне их основания, прокапывался канал, расширявшийся в сторону круглой ямы. Он имел длину около 60 см, высоту — тоже около 60 см, а ширину у устья — около 40 см. Канал служил

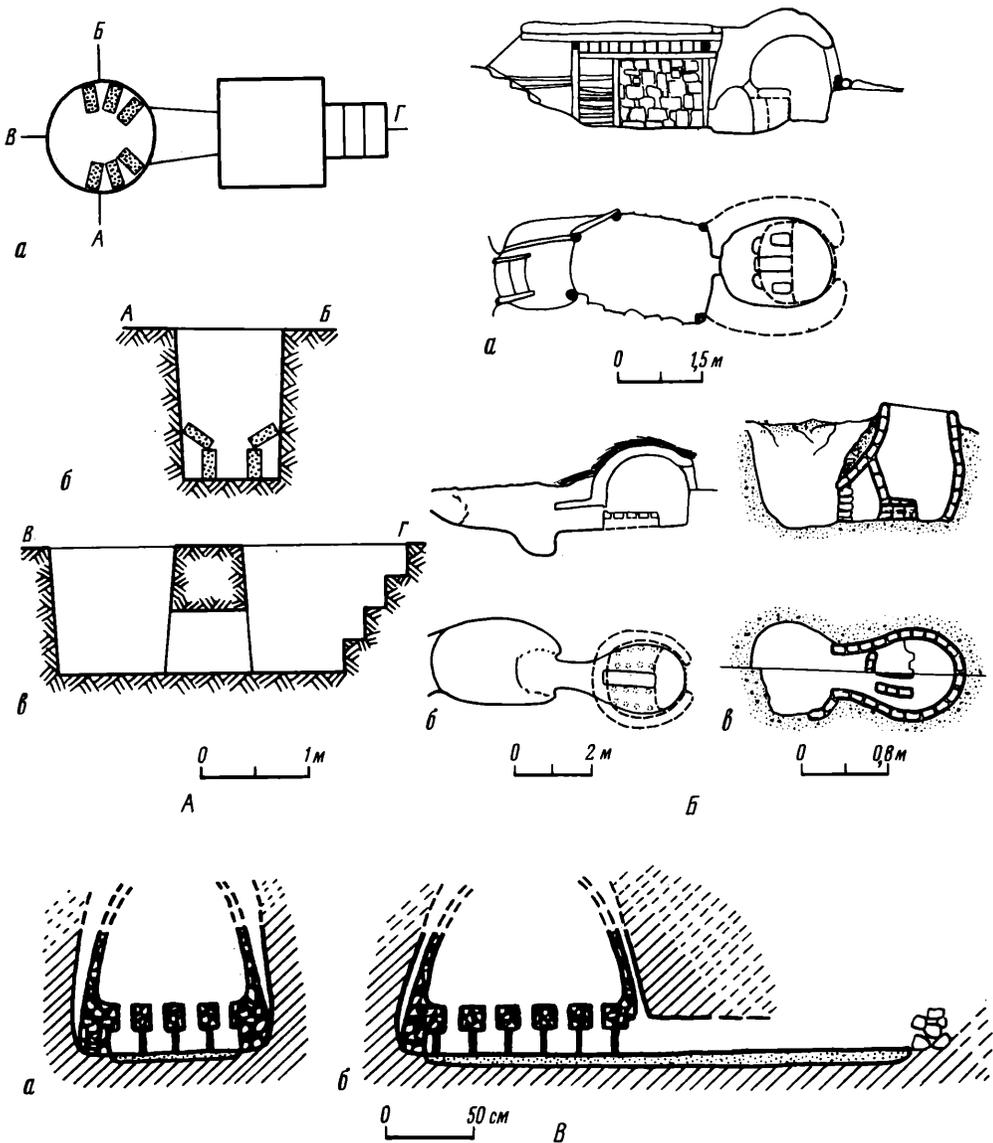

Рис. 2. Образцы устройств для обжига керамики с частично и полностью сформированными топочными блоками

A — «земляная печь» с частичносформированным топочным блоком (с. Вашковцы, Черновицкая обл., до 1935 г.); *a* — план, *б, в* — разрезы, *Б* — разрезы и планы гончарных горнов с постоянными и временными элементами в конструкциях топочных блоков: *a* — с. Залесье, Збаражский р-н Тернопольской обл., 1963 г.), *б* — с. Млиев, Городищенский р-н Черкасской обл., 1963 г.), *в* — с. Гушечны, Калиновский р-н Винницкой обл., 1966 г.); *В* — разрезы остатков горна № 1 со сформированным топочным блоком в Асардере-Плиске (Болгария): *a* — поперечный, *б* — продольный

топкой, а круглая яма — для обжига изделий. Уже при сооружении «печки» вдоль стен этой ямы, слева и справа от топки, строились из кирпича горизонтальные каналы шириной около 20 см и высотой около 25 см. Кирпичи, служившие стенкой этих каналов, ставились неплотно друг к другу, на расстоянии примерно 10—12 см один от другого. Ставились они «на попа», а сверху под углом на них плашмя ставился другой кирпич, опиравшийся одной стороной на стенку ямы. Кирпичи скреплялись глиняным раствором.

Общая длина каналов около 60 см. Они выходили к задней части ямы, наиболее удаленной от топки. С их помощью в этот участок более интенсивно поступали горячие газы при обжиге. Способствовали каналы и более равномерному распределению горячих газов вдоль стенок обжигового пространства (рис. 2, А, а—в).

В конструкции этих постоянных каналов привлекает внимание одна особенность: они сооружались из элементов, которые ставились неплотно друг к другу, весьма напоминая этим временные горизонтальные каналы из сосудов. По-видимому, в этом проявилась строительная традиция, оставшаяся от практики сооружения именно временных каналов.

Данное сооружение выполняло функции горна, но эти функции в нем не оформлены конструктивно, так как между топочным и обжиговым участком отсутствует перегородка. Поэтому его следует квалифицировать как углубленное в землю частичносформированное горновое сооружение для обжига. Конструктивное оформление таких устройств в сформированные горновые могло произойти только при дополнительной организации внутреннего пространства, в частности, путем создания в его центральной части дополнительных горизонтальных каналов.

По этнографическим материалам конкретные проявления формирования таких дополнительных каналов не прослежены. Но в украинском гончарстве хорошо известны горны, которые фиксируют итоговую часть этого процесса. Речь идет о горнах с частичновременными топочными блоками. Они обнаружены в сельских очагах гончарного ремесла, расположенных на территории Черкасской, Винницкой, Тернопольской, Хмельницкой и некоторых других областей. Все эти горны характеризуются конструктивной завершенностью внутреннего пространства обжигового блока только со стороны, примыкающей к топке. Здесь имеются обычно вертикальная перегородка и сформированный участок топочного блока с горизонтальными каналами, перекрытием и вертикальными каналами, хотя последние известны не у всех таких горнов (рис. 2, Б, а—в). Но конструктивно оформленная часть топочного блока занимает только часть обжигового пространства, оставляя совершенно свободным самый удаленный от топки участок. В одних горнах этот свободный участок занимает примерно половину площади основания обжигового блока, в других — треть и т. д. Но, как правило, он активно используется. На этом участке перед очередным обжигом делаются продолжения горизонтальных каналов и перекрытия над ними. Используются для этого обычно бракованные сосуды и их обломки. После завершения обжига временные части конструкции топочного блока разбираются.

Эти горны характеризуют наиболее массовые проявления хода их независимого формирования в современном украинском гончарстве. Их возникновение именно на местной основе подтверждают данные о вызревании отдельных компонентов, слагающих топочные блоки, приведенные выше.

В современном русском гончарстве горны с частичновременными топочными блоками мне неизвестны. Зафиксированы в основном лишь целиком сформированные горны, широко представленные и в украинском гончарстве. Но слабые признаки незавершенности процесса их формирования в некоторых районах РСФСР все же отмечены. Например, на территории Калининской и Калужской областей выявлены горны с временными перекрытиями над горизонтальными каналами топочных блоков. Они действовали еще в 1960-х годах. Однако на основании столь слабых признаков конструктивной незавершенности этих горнов пока сложно обсуждать вопрос об их связи с процессами самостоятельного сложения такого рода специализированных теплоустройств в русском гончарстве.

Отмеченные признаки вызревания гончарных горнов не единичны. В статье приведены лишь признаки, которые удалось проследить по топочным блокам, складывавшимся с помощью наземных способов их сооружения. Но и их перечень невозможно считать полным. В этом убеждают данные археологии, также располагающей, как оказалось, материалами о конвергентном ходе возникновения горнов в разных местностях. Приведу один пример.

В 1959 г. при раскопках поселения IX—X вв. в Асардере-Плиске (Болгария) обнаружены остатки четырех гончарных горнов одной и той же конструкции. Они были вполне сложившимися теплотехническими сооружениями⁶. Но в их конструкции сохранились элементы, указывающие на то, что возникли они на основе более простых в техническом отношении теплоустройств — очагов или печей. Во всех горнах горизонтальные теплопроводные каналы выполнены из «глиняных столбиков» диаметром около 4—5 см и высотой около 15 см. В трех горнах с их помощью сооружено по четыре канала, а в одном — три. При строительстве каналов эти глиняные столбики ставились в каждом ряду не плотно, а на расстоянии примерно 20—25 см друг от друга (рис. 2, В, а, б).

В зависимости от размеров горнов использовано различное число этих строительных деталей. В горне 1 — 18 столбиков, в горне 2 — 10, в горне 3 — около 15, в горне 4 — около 12. На них удерживалось довольно массивное перекрытие («под») толщиной около 10 см.

Множественность строительных деталей, их расположение на почтительном расстоянии друг от друга, вытянутая форма самих глиняных столбиков — все это удивительным образом перекликается с ситуациями, с какими мы имели дело при знакомстве с временными топочными блоками или их компонентами у современных гончаров. Напомню, что горизонтальные теплопроводные каналы они тоже делают из множества строительных деталей, оставляя между ними свободное пространство. Только в этой роли выступают у них обычно сосуды (часто кувшиновидной формы), а не глиняные цилиндры.

Изготовление специальных деталей столбчатой формы при сооружении горнов с постоянными компонентами всей конструкции, по-видимому, было продиктовано практическими соображениями — они более надежны и долговечны, чем бракованные сосуды. Но в самих этих фактах отразилось традиционное представление о приемах создания именно временных топочных блоков в очагах или печах. Дело в том, что только с такими блоками, судя по данным этнографии, связано рождение самой традиции использования при их сооружении множества строительных деталей. Все это приводит к мысли, что отмеченные особенности в конструкции топочных блоков могут рассматриваться в качестве признака конвергентного возникновения горнов из поселения Асардере-Плиска.

В заключение отмечу, что, как мне представляется, дальнейшее изучение признаков такого возникновения гончарных горнов поможет выработать более дифференцированные подходы к вопросам о происхождении горнов из археологических раскопок.

¹ В литературе неоднократно высказывались предположения о происхождении гончарных горнов. Сошлюсь хотя бы на двух современных исследователей — П. Дюамеля (Франция) и Г. Дрекса (ФРГ). В работах этих авторов имеются интересные мысли и наблюдения, но в предложенных ими схемах зарождения горнов практически не использованы документальные проявления хода их формирования, почерпнутые из данных археологии или этнографии. Осмысление этих данных, по-видимому, еще не началось в западноевропейской науке. Все сводится пока к констатациям состояний, через которые якобы проходили печи в ходе эволюции. См.: *Duhamel P. Morphologie et évolution des fours céramiques en Europe Occidentale — protohistoire, monde celtique et Gaule romaine // Acta praehistorica*

et archaeologica. Berlin, 1978—1979. Н 9/10. Р. 49—76; Drews G. Entwicklung der Keramik-Brennhöfen // Ibid. Р. 33—48.

² В статье использованы главным образом этнографические материалы, собранные в 1960—1970-е годы Комплексным отрядом по изучению гончарства ИА, работами которого руководил автор.

³ Китицына Л. С. Прimitивные формы гончарства Костромской обл. // СА. 1964. № 3. С. 149—164.

⁴ Лащук Ю. Закарпатська народна кераміка. Ужгород, 1960. С. 29.

⁵ Сведения записаны со слов бывшего гончара Н. И. Лахнюка, 1910 г. р., украинца, проживавшего ко времени опроса (1963 г.) в с. Сад-Гора Кицманского р-на Черновицкой обл. Рисунок «земляной печки» выполнен по описанию и рисунку Н. И. Лахнюка.

⁶ Милчев Ат. Археологически разкопки и проучвания в местността Асардере-Плиска // Годишник на Софийския университет. София, 1959. Т. 53. С. 34—50.

Е. В. ВОЛКОВА

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ НЕОЛИТА: ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Цель данной работы заключается в сравнительном изучении культурных традиций в области составления формовочных масс и орнаментирования глиняной посуды. Основными задачами являются: 1) изучение культурных традиций подготовки формовочных масс и орнаментирования глиняной посуды; 2) сравнительное изучение тех и других традиций; 3) выяснение на этой основе особенностей изменения орнаментов.

Исследованиями А. А. Бобринского установлено, что в доремесленную эпоху возникновение смешанных технологических традиций, в частности, в сфере подготовки формовочных масс, отражает процесс смешения самих носителей этих традиций и более того — населения в целом¹. Именно поэтому изучение таких традиций важно для реконструкции процессов смешения в древности.

В статье использованы результаты изучения керамического материала из раскопок 16 разновременных нестратифицированных неолитических памятников, расположенных в Подесенье, на границе лесной и лесостепной зон. Исходным источником информации о тех или иных гончарных традициях служат образцы изделий, а не обломки от них. Поэтому необходимо было в первую очередь определить, каким количеством сосудов мы располагаем для сравнительного изучения. С этой целью была проведена работа по выявлению обломков, относящихся к одному и тому же сосуду. При этом учитывалось сходство или различие фрагментов керамики каждого памятника по следующим признакам: 1) исходное сырье; 2) качественный состав формовочных масс; 3) инструмент, которым наносился орнамент. Черепки, в которых совпадали все три признака, условно принимались за один сосуд.

Этому анализу подверглись 309 обломков керамики от 299 сосудов: Лунево II — 20 сосудов, Витховка — 18, Витховка I — 5, Витховка III — 5, Чернетово I — 25, Чернетово II — 12, Устье Свени II — 19, Устье Ревны II — 26, Устье Ревны IV — 13, Партизанское IV — 10, Жерено I — 19, Жерено II — 10, Жерено III — 25, Жеренская Протока — 17, Красное VI — 46, Красное X — 29².

Качественный состав формовочных масс керамики изучался по методике А. А. Бобринского путем микроскопического анализа свежих

изломов и последующего сопоставления полученных данных с экспериментальными образцами. В результате были выделены четыре культурные традиции (табл. 1), одна из которых относится к несмешанным, а остальные — к смешанным.

Таблица 1
Качественный состав рецептов формовочных масс *1

Памятники	Рецепты формовочных масс			
	помет птиц+ +глина	помет птиц+ +дресва+ +глина	помет птиц+ +шамот+ +глина	помет птиц+ +дресва+ +шамот+глина
Лунево II	1 (5,0) *2	19 (95,0)	—	—
Витховка I	—	—	4 (80,0)	1 (20,0)
Витховка III	—	3 (60,0)	2 (40,0)	—
Витховка	1 (5,6)	17 (94,4)	—	—
Чернетово I	1 (4,0)	16 (64,0)	7 (28,0)	1 (4,0)
Чернетово II	3 (25,0)	4 (33,0)	5 (42,0)	—
Устье Свени II	—	4 (21,0)	1 (5,3)	14 (73,7)
Устье Ревны II	15 (57,7)	5 (19,2)	6 (23,1)	—
Устье Ревны IV	10 (76,9)	2 (15,4)	—	1 (7,7)
Партизанское IV	10 (100)	—	—	—
Жерено I	13 (68,4)	—	4 (21,1)	2 (10,5)
Жерено II	10 (100)	—	—	—
Жерено III	24 (96,0)	—	1 (4,0)	—
Жеренская Протока	13 (76,5)	—	4 (23,5)	—
Красное VI	1 (2,2)	21 (45,7)	19 (41,3)	5 (10,9)
Красное X	4 (13,8)	9 (31,0)	13 (44,8)	3 (11,5)

*1 В таблице учтены неорнаментированные фрагменты сосудов из памятников Жерено I (5), Жерено III (5), Жеренская Протока (5), которые в дальнейшем при анализе орнаментов не рассматриваются. За 100 % берется число сосудов с памятника.

*2 Первая цифра означает количество сосудов, цифра в скобках — процент.

Если учесть, что массовым принято называть рецепт, представленный на памятнике более 30 %, а доминирующим — 60 % и выше, то из данных табл. 1 следует: использование несмешанного рецепта помет водоплавающих птиц+глина доминирует на памятниках, расположенных ниже Брянска по течению Десны: Устье Ревны II и IV, Жерено I—III, Жеренская Протока и Партизанское IV. Доминирование смешанного рецепта помет птиц+дресва+глина отмечено на памятниках, расположенных севернее Брянска: Лунево II, Витховка и Чернетово I. На памятниках Чернетово II, Красное VI и X выделяются два массовых рецепта: помет птиц+дресва+глина и помет птиц+шамот+глина. Здесь же зафиксирован и третий сложный рецепт — помет птиц+дресва+шамот+глина, который преобладает на памятнике Устье Свени II.

Таким образом, предварительно могут быть намечены три культурные зоны, где массово представлены различные традиции составления формовочных масс: I — памятники ниже Брянска — рецепт: помет птиц+глина (от Устья Ревны II до Жеренской Протоки); II — памятники выше Брянска — рецепт: помет птиц+дресва+глина (от Устья Свени II до Лунево II); III — памятники выше Брянска — рецепт: помет птиц+шамот+глина (Чернетово II, Красное VI и X) (рис. 1, e—з).

Различия традиций подготовки формовочных масс отражают культурные особенности древнего населения по этому признаку. Образование смешанных рецептов отражает процесс смешения носителей разных

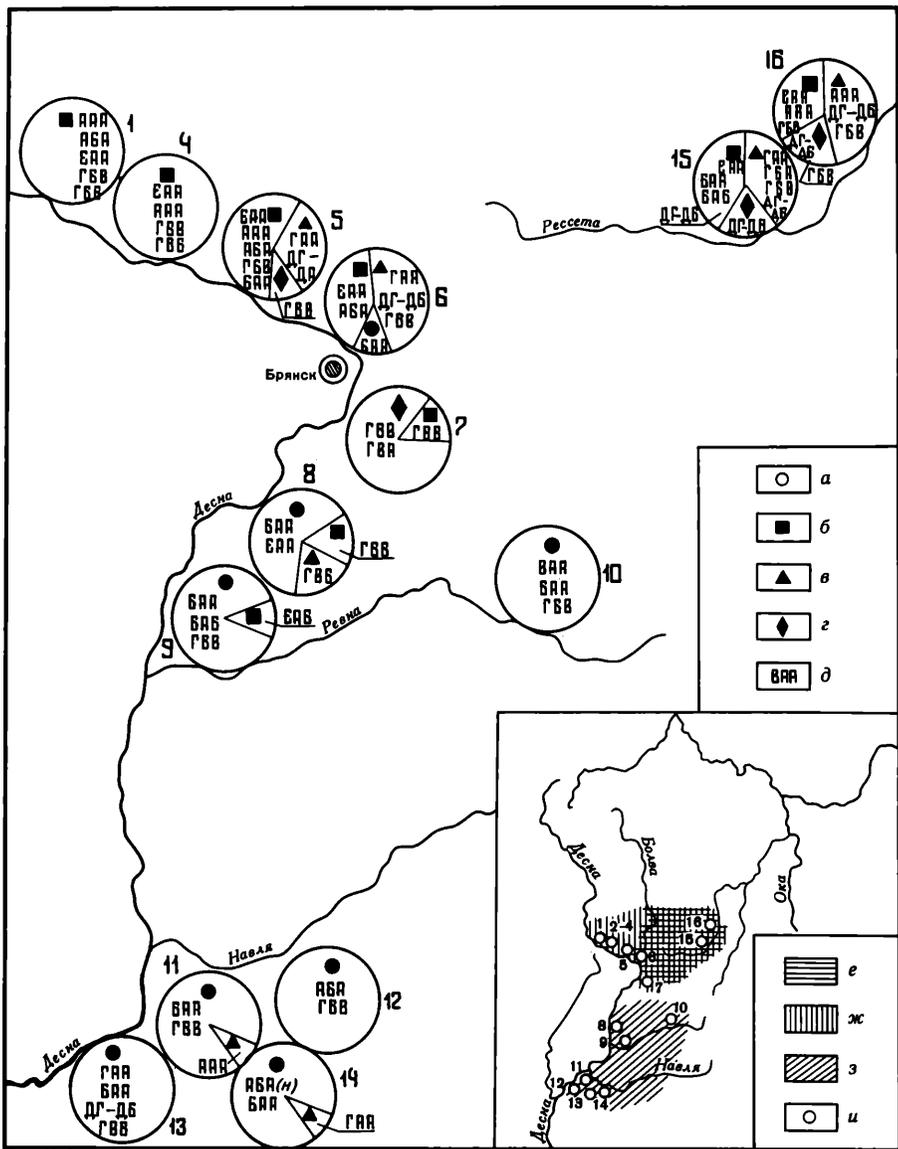

Рис. 1. Схема распространения на территории Подесенья разных культурных традиций составления формовочных масс и ornamentации глиняной посуды

a — керамика с рецептом помет птиц+глина; б — керамика с рецептом помет птиц+дресва+глина; в — керамика с рецептом помет птиц+шамот+глина; г — керамика с рецептом помет птиц+дресва+шамот+глина; д — код инструмента для нанесения ornamentа; e — зона III; ж — зона II; з — зона I; и — памятники: 1 — Лунево II, 2 — Витховка I, 3 — Витховка III, 4 — Витховка, 5 — Чернетово I, 6 — Чернетово II, 7 — Устье Свени II, 8 — Устье Ревны II, 9 — Устье Ревны IV, 10 — Партизанское IV, 11 — Жерено I, 12 — Жерено II, 13 — Жерено III, 14 — Жеренская Протока, 15 — Красное VI, 16 — Красное X

традиций, фиксируя начальные его этапы. Доминирующий рецепт зоны I (помет птиц+глина) является начальным по отношению к другим рецептам, имеющимся на памятниках этой зоны в незначительном количестве (табл. 1). В то же время на памятниках зоны II — Лунево II, Витховка, Чернетово I — керамика с этим рецептом представлена единичными случаями, отражая продвижение незначительной части населения (инфильтрат) зоны I на север. Небольшой процент керамики

с массовым для зоны III рецептом помет птиц+шамот+глина на памятниках зоны I заставляет предполагать здесь инфильтрат населения зоны III.

Традиция зоны I (помет птиц+глина) скорее всего местная. Для образования смешанного рецепта помет птиц+дресва+глина необ-

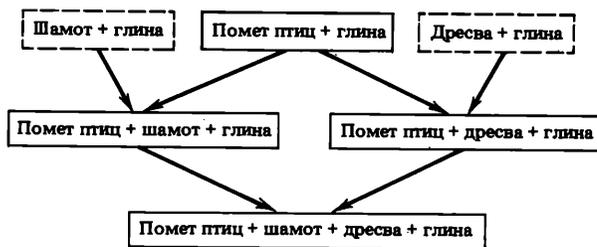

Рис. 2. Схема образования смешанных культурных традиций составления формовочных масс керамики Подесенья

ходимо было смешение носителей традиций двух чистых рецептов: помет птиц+глина и дресва+глина. Поскольку керамика с чистым рецептом дресва+глина на памятниках Подесенья не зафиксирована, рецепт помет птиц+дресва+глина сложился за пределами изучаемой территории, вероятнее всего, севернее ее, так как памятники с этим исходным рецептом наиболее северные (Луново II, Витховка, Чернетово I). Традиция зоны III также сложилась не на этой территории, поскольку отсутствует один из обязательных компонентов для ее сложения: рецепт шамот+глина (рис. 2).

Население зон II и III в целом одновременно. На памятниках Чернетово I и II, Красное VI и X традиции обеих зон достаточно представительны. Но производный от этих двух традиций рецепт помет птиц+дресва+шамот+глина, зафиксированный на памятниках Чернетово I, Устье Свени II, Устье Ревны IV, Красное VI и X, свидетельствует об одновременном существовании населения зон II и III на протяжении небольшого отрезка времени.

Для того чтобы проследить, как эта сложная ситуация смешения отражается на орнаменте посуды, необходимо выделить разные традиции в этой сфере человеческой деятельности.

При описании орнамента обычно ориентируются на особенности отдельного отпечатка и на композицию (сочетание) этих отпечатков. По тем мелким фрагментам, которые были исследованы, изучать композицию не представляется возможным, и в данной работе будет рассматриваться только основной элемент орнамента — отпечаток.

По изученным материалам может быть выделено 13 различных орнаментальных групп (круглоямочный орнамент, ромбический с рубчиком, лапчатый, накольчатый отступающий, накольчатый поздний, тычковый, ямчатый, гребенчатый, отступающий ложношнуровой, гусеничный штамп, треугольные ямки, насечки)³. Однако, как будет показано ниже, близкие отпечатки могут быть получены как разными способами, так и разными инструментами.

С помощью микроскопа по отпечатку и его слепку изучались следы работы, и по этим следам реконструировалась рабочая часть инструмента⁴. Рабочую часть инструмента принято описывать тремя основными группами признаков. Для удобства употребления каждый признак в группе имеет свой код.

Группа I — форма горизонтального сечения рабочей части инструмента в наиболее удаленном от конца рабочей части месте: А — круглая; Б — квадратная; В — треугольная; Г — овальная; Д — прямоугольная; Е — ромбическая.

Группа II — форма двух взаимноперпендикулярных вертикальных сечений рабочей части инструмента (для эллипса и прямоугольника сечения берутся по осям симметрии): А — треугольная+треугольная; Б — сегментовидная+сегментовидная; В — сегментовидная+треугольная; Г — прямоугольная+прямоугольная; Д — прямоугольная+треугольная.

Группа III — характер оформления рабочей части инструмента: А — гладкая; Б — с нарезками (искусственными или естественными); В — с бечевкой.

Так, например, инструмент, которым наносился лапчатый орнамент, представляет собой овальную в плане, закругленную на рабочем конце «палочку», на которую вдоль длинной оси намотана бечевка. Код этого инструмента будет ГВВ, где порядок каждой буквы соответствует номеру групп признаков: Г — группа I, В — группа II, В — группа III.

Группы I и II полностью описывают форму рабочей части инструмента, группа III указывает на наличие какого-либо дополнительного оформления или его отсутствие (гладкая поверхность).

В большем числе случаев для нанесения разных орнаментов использовались инструменты с разной рабочей частью. На рис. 3 показана наиболее вероятная связь рабочей части инструмента и принятого в литературе названия орнамента. Видно, в каких случаях может быть установлено строгое соответствие между самим инструментом и получаемым с его помощью отпечатком в глине, а в каких случаях ситуация имеет альтернативный характер. Уточнению такой ситуации способствует изучение способов работы тем или иным инструментом. Сюда относятся случаи нанесения торцовых и наклонных отпечатков, особенности наклона орудия при извлечении его из глины, деформация предыдущих отпечатков последующими и т. д. В альтернативных случаях особое внимание уделялось поведению глины при нанесении отпечатков разными инструментами. Для этого смоделированными инструментами делались отпечатки разными способами и изучалось течение глиняной массы в зависимости от способа и инструмента. Таким путем было выявлено, что часть сосудов с ромбическим отпечатком орнаментирована инструментом с квадратной в горизонтальном сечении, пирамидальной рабочей частью (БАА), а ромб получается благодаря наклону этого инструмента при нанесении. Таким же образом выбирался один из двух инструментов, которыми могли наносить накольчатый отступающий орнамент. В результате анализа предпочтение было отдано орудию ГАА. Инструмент АБА может дать два различных отпечатка: накол и круглую ямку. Первый отличается от второго меньшим диаметром и тем, что не деформирует внутреннюю поверхность сосуда. Более мелкий инструмент будет обозначаться АБА(н).

В случаях с очень мелким отпечатком — например, орнамент наклонная гребенка, где затруднительно было сделать выбор между какими-либо двумя признаками, ставились коды двух признаков через тире, показывающие, что с одинаковой вероятностью может иметь место один из этих признаков.

Таким способом было выделено 10 основных форм рабочей части инструментов: АА, АБ, БА, БГ, ВА, ГА, ГБ, ГВ, ДГ—Д, ЕА. Для некоторых из них характерна гладкая поверхность (АА, АБ, ВА, ГА), для других — и гладкая, и с нарезками (БА, ГВ, ЕА), для инструмента ГБ — гладкая, с нарезками, с бечевкой, а для инструмента ДГ—Д — только с нарезками.

При сравнительном изучении рецептов формовочных масс и инструментов, которыми наносился орнамент, выяснились преимущественные связи тех и других между собой. В результате выделились случаи как наличия, так и отсутствия таких связей (табл. 2).

Код инстру-мента	Рабочая часть инструмента	О р н а м е н т					
		Накольчатый			Круглоямчатый		
		Отступающий			Ямчатый		
ААА							
АБА							
ГБА							
ГББ							
ГБВ							
ГВА							
ГВБ							
ГАА							
ВАА							
БАА							
БАБ							
ЕАА							
ЕАБ							
Б-ДГА							
ДГ-ДБ							

Рис. 3. Элементы орнамента на посуде и инструменты для их нанесения

О р н а м е н т

Р о м б и ч е с к и й					Гребенчатый			Лопчатый
С рубчиком					Лопочный-рубри	Гусеничный		

Таблица 2
Распределение сосудов с разными рецептами
формовочных масс по видам орнамента

Код рабочей части инструмента	Рецепты формовочных масс			
	помет птиц + глина	помет птиц + дресва + глина	помет птиц + шамот + глина	помет птиц + дресва + шамот + глина
ААА	2(7,4)*	18(66,7)	7(25,9)	—
АБА	4(30,8)	9(69,2)	—	—
ЕАА	10(33,3)	20(66,7)	—	—
ЕАБ	—	1(100)	—	—
ГББ	—	9(100)	—	—
ДГБ	—	2(100)	—	—
БАА	31(83,8)	6(16,2)	—	—
БАБ	5(38,5)	8(61,5)	—	—
АБА(н)	5(100)	—	—	—
ВАА	2(100)	—	—	—
ГВБ	7(46,7)	—	8(53,3)	—
ГАА	6(28,6)	—	15(71,4)	—
ГБА	—	—	3(100)	—
ГВВ	22(32,4)	15(22,1)	17(25,0)	14(20,5)
ДГ-ДБ	4(15,4)	5(19,2)	11(42,3)	6(23,1)
ГВА	—	—	—	5(100)

* Первая цифра означает число сосудов, цифра в скобках — проценты, причем проценты взяты от общего числа сосудов, орнаментированных инструментами одного вида.

При картографировании оказалось, что культурные зоны I—III, выделенные по традициям составления рецептов формовочных масс, сочетаются с определенным набором инструментов. При замене одного инструмента из набора другим из этого же набора достаточно устойчиво сохраняется традиционный рецепт каждой зоны. Этот набор инструментов для зон следующий: I — АБА(н), ВАА, БАА; II — ЕАА, ААА, АБА, ГББ; III — ГАА, ГБА (рис. 1).

Легко заметить, что выделенные зоны имеют некоторые общие инструменты (рис. 2). Для зон I и II их четыре: ЕАА, АБА, БАА и БАБ. Но для зоны I массовый инструмент БАА, а для зоны II — ЕАА, АБА и БАБ. Использование инструмента БАА в зоне II сочетается с рецептом этой зоны, а в единичных случаях использования инструментов ЕАА и АБА в зоне I керамика, орнаментированная этими орудиями, имеет рецепт зоны I. Так, на памятниках Жеренская Протока и Устье Ревны II керамика с орнаментом, нанесенным инструментом ЕАА, а на памятнике Жерено II — керамика, орнаментированная инструментом АБА, сохраняет традиции составления формовочных масс, свойственные зоне I (помет птиц + глина). А на памятниках зоны II Чернетово I и Красное VI есть керамика, орнаментированная традиционным для зоны I инструментом (БАА), но формовочная масса ее составлена по рецепту зоны II. Эти явления дают возможность предположить, во-первых, что инструменты ЕАА, АБА, БАА и БАБ одновременны; во-вторых, что между населением зон I и II во время использования этих инструментов существовали контакты, выраженные скорее всего в брачных связях.

Зоны I и III имеют два общих инструмента ГАА и ГВБ, хотя инструмент ГАА по преимуществу связан с зоной III. На юге он фиксируется в двух памятниках — Жерено III и Жеренская Протока. На памятнике Жерено III он сочетается с рецептом помет птиц+глина, что свидетельствует о приходе сюда небольшого количества населения зоны III. А на памятнике Жеренская Протока этим инструментом наносился орнамент на керамике, сделанной по рецепту зоны III. Так как процент этой керамики на памятнике незначителен, здесь можно также предполагать инфильтрат населения зоны III.

Зоны II и III имеют три общих инструмента: ААА, ГВБ, ДГ—ДБ. Инструмент ГВБ массовый в обеих зонах, а инструмент ААА имеет большую связь с зоной II, инструмент ДГ—ДБ — с зоной III. Керамика с орнаментом, нанесенным инструментами ГВБ, ДГ—ДБ, сочетается также с рецептом помет птиц+дресва+шамот+глина. Вероятно, эта керамика существовала одновременно и главным образом в период смешения населения зон II и III. Ярким отражением начала процесса смешения является керамика памятника Красное X, где часть керамики, орнаментированной инструментом ААА, имеет рецепт помет птиц+шамот+глина, а часть — рецепт помет птиц+дресва+глина, где керамика, орнаментированная инструментом ГВБ, сочетается с тремя рецептами: помет птиц+дресва+глина, помет птиц+шамот+глина и помет птиц+шамот+дресва+глина, а керамика, орнаментированная инструментом ДГ—ДБ, сделана как по рецепту помет птиц+шамот+глина, так и по рецепту помет птиц+дресва+шамот+глина. На памятнике Красное VI к этому периоду можно отнести керамику, орнаментированную инструментом ДГ—ДБ, которая делалась по всем трем смешанным рецептам.

На некоторых памятниках прослеживается четкая связь между изменениями традиции составления формовочных масс керамики и изменением культурной традиции в орнаментике, т. е. выделяются слои, оставленные населением с разными традициями. На памятнике Устье Ревны II три таких слоя: 1 — керамика с рецептом помет птиц+глина, орнаментированная БАА; 2 — керамика с рецептом помет птиц+шамот+глина, орнаментированная ГВБ; 3 — керамика с рецептом помет птиц+дресва+глина, орнаментированная ГВБ. Слои 2 и 3 — предположительно более поздние, так как традиции, прослеженные в керамике этих слоев, связаны с зонами II и III и появление их на памятниках зоны I может говорить о продвижении этих групп населения на юг.

Смена традиций в рецептуре при смене орнамента видна на памятниках Чернетово I и II, Красное VI (рис. 1). На памятнике Чернетово II три слоя керамики: 1 — с традициями помет птиц+глина+БАА; 2 — с традициями помет птиц+шамот+глина+ГАА; 3 — с традициями помет птиц+дресва+глина+ЕАА, АБА. Три слоя выделяются и на памятнике Чернетово I: 1 — керамика с традициями помет птиц+шамот+глина+ГАА; 2 — с традициями помет птиц+дресва+глина+ЕАА, ААА, АБА; 3 — с традициями помет птиц+дресва+шамот+глина+ГВБ. Три слоя керамики и на памятнике Красное VI: 1 — с традициями помет птиц+шамот+ГАА, ГБА; 2 — с традициями помет птиц+дресва+глина+ЕАА, ААА; 3 — с традициями помет птиц+дресва+шамот+глина+ДГ—ДБ. Замена одного набора орудий на другой при смене рецептов формовочных масс на этих памятниках подтверждает высказанное выше предположение о разновременном в целом характере зон II и III. А связь рецепта помет птиц+дресва+шамот+глина с инструментами, которые применялись в зонах II и III (ГВБ, ДГ—ДБ), еще раз указывает на то, что был какой-то период их сосуществования. Так как инструмент ГВБ в равной мере сочетается со всеми рецептами, а ДГ—ДБ в большей степени связан

с рецептами помет птиц+шамот+глина и помет птиц+дресва+шамот+глина, можно предположить, что в смешении населения зон II и III наибольшее влияние оказало население последней.

По существующей периодизации керамики Подесенья, построенной на основании аналогий⁵, к раннему неолиту относится накольчатая (по моим обозначениям — АБА(н), ГАА, ВАА, ГБА) и гребенчатая (ГВБ, частично ДГ—ДБ) керамика. А керамика с вытянутым ромбом (ГВА), лапчатая (ГВВ) и гученичная (ГББ) рассматривается как наиболее поздняя.

Опираясь на эту периодизацию и на конкретные данные о смешении населения с разными культурными традициями в области подготовки формовочных масс и орнаментирования глиняной посуды, можно наметить общую последовательность появления на этой территории отдельных групп населения с разными культурными традициями в гончарстве.

Население зон I и III с традициями в орнаментике ВАА, АБА(н), ГАА, ГБА, ГВБ — наиболее древнее. Скорее всего пришлым было население зоны III, у которого традиция составления формовочных масс посуды сложилась вне изучаемой территории. Население зоны II, вероятно, продвигалось с севера, с верховьев Десны, несколькими волнами. Население, пришедшее с первой волной, орнаментировало посуду инструментами ЕАА, АБА, ААА. Переселенцы второй, наиболее поздней волны, оставили керамику с орнаментом, наносившимся инструментом ГББ.

Таким образом, сравнительное изучение культурных традиций в сфере составления рецептов формовочных масс и орнаментации глиняной посуды позволило, во-первых, предположить существование в эпоху неолита на рассматриваемой территории как минимум трех разных в культурном отношении групп населения (это проявилось в особенностях тех и других традиций); во-вторых, наметить зоны их преимущественного распространения и уточнить процессы смешения; в-третьих, прийти к выводу, что культурные традиции в области орнаментации глиняной посуды имеют специфическую логику развития, которая определенным образом связана с развитием традиций в области технологии гончарного производства, в частности, традиций подготовки формовочных масс глиняной посуды.

Дальнейшая работа в этом направлении позволит выяснить конкретный механизм развития орнаментальных традиций как в условиях смешения разных в культурном отношении групп древнего населения, так и при отсутствии такового.

¹ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 92—99.

² Выражаю благодарность начальнику Деснинской экспедиции ИА А. С. Смирнову за предоставленный для изучения керамический материал.

³ Смирнов А. С. Новые неолитические памятники Брянского Подесенья // СА. 1982. № 2. С. 76—80; Он же. Неолитические стоянки Жеренских озер // СА. 1982. № 3. С. 111.

⁴ Выражаю благодарность Ю. Б. Цетлину за консультации при подготовке данной работы.

⁵ Смирнов А. С. Новые неолитические памятники. . . С. 79, 80; Он же. Неолитические стоянки. С. 119; Он же. Формирование ранненеолитической культуры Подесенья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. Оренбург, 1986. С. 45, 46.

КЕРАМИКА КАК ЭТНИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ В СВЕТЕ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Обломки глиняных сосудов — одна из наиболее массовых категорий археологических материалов, а для ряда исторических эпох (неолита, энеолита и бронзового века) это — основной, а порой и единственный вид археологических остатков. Вот почему археологи, изучающие эти эпохи, придают керамике особое значение, нередко рассматривая ее как главный критерий вычленения тех или иных культурных общностей. При этом некоторые авторы идут еще дальше, отождествляя археологические культуры, выявленные по керамическим комплексам, с этническими (племенными) группами¹. Вместе с тем социальная реальность, скрывающаяся за такими общностями, оказывается порой более сложной и многообразной, чем кажется на первый взгляд.

Изучению такой социальной реальности помогает этноархеологический подход, позволяющий анализировать взаимоотношения между материальной культурой и социальной средой, как они наблюдаются в живой этнографической действительности². В частности, это дает возможность рассмотреть социальный контекст гончарного производства и особенности распространения гончарных изделий в пространстве.

Настоящая работа посвящена лишь одной из сторон этой широкой проблемы, а именно — некоторым социальным факторам, влияющим на формирование и бытование широких керамических ареалов. Объектом изучения служат некоторые общества Африки, Азии и Америки с отсталым земледельческо-скотоводческим хозяйством, находящиеся в той или иной степени на стадии разложения первобытнообщинных отношений³. Гончарство, зафиксированное у них, отличалось большим архаизмом: оно было сезонным маломощным производством, обжиг производился в открытых ямах или на каменных подставках, не было ни гончарных горнов, ни гончарного круга (но поворотный столик в виде тарелки или дощечки иногда встречался). В этих обществах гончарством занимались преимущественно женщины, и нигде оно не являлось для них основной сферой деятельности. В тропических районах сосуды лепили, как правило, лишь в течение сухого сезона, причем во время земледельческих работ, требовавших большого женского участия, его интенсивность резко падала.

Набор керамических изделий нередко был довольно скудным. В некоторых обществах он ограничивался сосудами одного (тангу Новой Гвинеи) или двух (кикуйю и нджемпе Кении) типов. Объем гончарного производства тоже был невелик. Так, мастерицы фогни диола (южный Сенегал) изготавливали по 200 сосудов за три недели, гончарки нджемпе (район Баринго, Кения) — около 10—15 сосудов за месяц, а доробо (плато Лероги, Кения) — по 30 сосудов за месяц. В юго-западном Судане, где производство сосудов велось в течение всего года, его интенсивность составляла в земледельческий сезон по 8—10 сосудов в неделю, а после сбора урожая — вдвое больше. У фульбе северного Камеруна женщины занимались гончарством не чаще двух сезонов за три года.

Каким бы экстенсивным ни казалось это производство, оно отвечало запросам соответствующих обществ и допускало регулярный обмен керамическими изделиями: горшки продавались как в домохозяйствах отдельных мастериц, так и на особых рынках. Все это идет вразрез с представлениями, которые увязывают начало широкого обмена гончарными изделиями с превращением гончарства в особое ремесло, а археологическими критериями последнего считают появление специальных гончарных горнов и круга быстрого вращения⁴. Больше того, обмен посудой как будто бы вообще не был жестко связан с наличием гончарного круга. Так, и калинга Лусона, и диола Сенегала использовали нечто вроде поворотного столика, но у первых обмена керамикой не было, а у вторых он шел относительно интенсивно. А гончарки юго-западного Судана, изготавливавшие посуду на продажу, умели повышать производительность труда и без гончарного круга, поворачивая сосуды ногой и делая их одновременно сразу несколько.

В рамках племени такое гончарство могло иметь либо централизованный, либо рассредоточенный характер. В первом случае оно локализовалось в какой-либо одной общине или в одном узком районе, а во втором — было так или иначе представлено в разных общинах. Как это могло влиять на распределение керамических стилей в пространстве?

Централизованное гончарное производство встречалось у кас диола (южный Сенегал), апа тани (северо-восточная Индия), яноама (Венесуэла), тангу (Новая Гвинея) и поком (Мексика). Иногда межобщинная специализация вызывалась тем обстоятельством, что гончарные поселки располагались в малоплодородных районах и производство сосудов на обмен являлось для их обитателей единственным способом получения дополнительной земледельческой продукции и ряда других необходимых изделий⁵. В других случаях (яноама) специализация вызывалась не экологической, а социальной потребностью — желанием поддерживать дружеские отношения между общинами, что было возможно лишь в условиях налаженного дарообмена⁶. Ясно, что при такой централизации производства керамика, которой пользовались люди на всей племенной территории, относилась либо к единому общинному стилю, если она происходила из одной единственной общины (апа тани, кас диола), либо к нескольким локальным вариантам, если происходила из нескольких общин. Во втором случае локальные варианты могли различаться по самым разным параметрам: по характеру сырья, отощителям, наличию ангоба, орнаменту и т. п. При этом, если для производства посуды использовали местную глину, то глину для ангоба и краски могли получать издалека⁷.

В условиях рассредоточенного гончарного производства мастерицы могли обитать в самых разных местах в пределах племенной территории. Разумеется, и в этих случаях гончарные мастерские устраивались прежде всего там, где имелись подходящие глина и отощители, однако такие места встречались достаточно часто. Если в таком обществе господствовала патрилокальность, то многие женщины могли по несколько раз в жизни менять местожительство, переходя из поселка в поселок в случае разводов и повторных браков или следуя за своими мужьями. Это вело к нивелировке различий в их керамических стилях или же, если таковые сохранялись, к их хаотическому распределению в пространстве. В результате картина распространения керамических стилей в пространстве при наличии как централизованного, так и рассредоточенного керамического производства могла быть весьма сходной, хотя это и вызывалось разными причинами: широким обменом сосудами из одного центра в первом случае и высокой мобильностью женщин — во втором⁸.

Следовательно, обе ситуации могут дать сходную археологическую

картину, хотя надо считаться и с вероятностью выявления во втором случае каких-либо, пусть очень размытых, локальных, вариантов. Однако путь к археологической дифференциации таких ситуаций видится все же не столько в типологических наблюдениях, сколько в поисках самих гончарных мастерских. Ясно, что централизованной модели будет соответствовать скопление мастерских в одном или нескольких немногих поселках, а рассредоточенной модели — широкое распространение мастерских по всей племенной территории.

Размытость границ локальных вариантов керамических стилей в условиях рассеянной модели могла вызываться не только переселениями женщин, но и межобщинным обменом. Так, изучая сосуды в домохозяйствах этнической группы месакин в горах Кордофана, Я. Ходдер подсчитал, что в одном случае из 41 сосуда в домохозяйстве 36 были местными, а пять происходили из других общин. Зато в другом домохозяйстве 13 из 15 сосудов были изготовлены в других общинах или даже других этносах. А в одном домохозяйстве этнической группы моро лишь шесть из 28 сосудов были местными, а остальные были получены из соседних общин⁹. В районе оз. Баринго (Кения) несколько гончарок нджемпе снабжали гончарными изделиями всех своих соплеменников, продавая посуду либо прямо в мастерской, либо на специальных рынках. При этом изделия отдельных мастериц распространялись в радиусе 26 км. Для сравнения отмечу, что у соседних этносов туген и покот рыночная посуда распространялась соответственно на 47 км и более чем на 70 км¹⁰.

Итак, выделение локальных керамических стилей и увязка их с определенными общинами или мастерскими в рамках племени оказывается делом нелегким. Но, может быть, эти трудности исчезают, коль скоро речь идет об общеплеменном стиле, и правы те авторы, которые стремятся отождествить археологическую культуру с этносом?

Действительно, во многих случаях обладающий некоторым опытом специалист, очевидно, может отличить творения разноэтнических горшечниц. Наиболее четкой представляется та ситуация, когда каждое племя пользовалось посудой только своих собственных мастериц. Такая картина встречалась, например, в районе оз. Баринго в Кении, где, даже обитая поблизости от гончарной мастерской иного племени, люди предпочитали получать посуду пусть и издалека, но от соплеменников. Однако здесь на это были свои причины. Изученные этносы (нджемпе, туген, покот) обитали в сходных природных условиях, вели сходный скотоводческо-земледельческий образ жизни и поэтому постоянно соперничали друг с другом из-за одних и тех же территорий. Это порождало напряженность, вызывало вооруженные столкновения и рост этнического самосознания. Определенные категории материальной культуры, а к ним относились и глиняные горшки, служили здесь символами этнической солидарности, и межплеменной обмен ими был немислим. Не следует думать, что люди здесь в принципе отвергали идею использования иноэтнической керамики. В 70-е годы XX в. все этносы района оз. Баринго стали выменивать некоторые виды посуды из района Кисуму, расположенного у оз. Виктория. С создателями этой керамики они встречались редко, не враждовали, и поэтому она представлялась им этнически нейтральной, т. е. вполне доступной для употребления¹¹.

Иначе говоря, отношение к использованию посуды иноэтнического происхождения не являлось чем-то заведомо определенным, оно варьировало в зависимости от характера межэтнических контактов. Рассмотрим ряд примеров межэтнического обмена керамикой. Наиболее сложна ситуация, когда разные этносы живут на одной территории дисперсно. В этом случае возможны две прямо противоположные модели поведения. Одна из них зафиксирована в северном Камеруне, где в поселках совместно обитали

представители трех этносов (фульбе, джисига, ламе), у каждого из которых имелись гончарки, изготовлявшие керамику соответственно трех разных стилей, сильно отличавшихся друг от друга. Так как керамика служила здесь одним из символов этнической принадлежности, то межэтнического обмена керамикой, очевидно, не наблюдалось¹². В такой ситуации археолог смог бы выделить три строго локализованных керамических стиля в каждой общине. И оставалось бы гадать, отражают ли они наличие трех разных рабочих или родовых групп одной этнической принадлежности или трех различных этносов.

Другая ситуация была встречена в ряде районов Восточной Африки, где многие этнические группы, сами не занимаясь гончарством, получали глиняную посуду от горшечниц иноэтничного происхождения. На плато Лероги в Кении в таких взаимоотношениях находились пришедшие сюда сравнительно недавно скотоводы самбуру и обитавшие здесь издавна охотники и собиратели доробо, женщины которых и изготовляли всю местную посуду¹³. В юго-западном Судане и в некоторых соседних районах гончарством занимались широко расселенные в иноэтничной среде представители замкнутой эндогамной группы, мужчины которой являются профессиональными металлургами, а женщины — горшечницами. По этой причине в ареалах расселения разных этносов (например, скотоводов баггара, земледельцев фура и скотоводческо-земледельческих групп загава) керамика обладала идентичными стилистическими особенностями¹⁴. Очевидно, по одной только керамике археолог не сможет правильно оценить специфику рассмотренных этнических ситуаций.

Можно ли это сделать с помощью более широкого культурологического подхода? Если рассмотреть взаимоотношения доробо и самбуру в исторической перспективе, то выяснится, что в прошлом, когда между ними отмечалась враждебность, они сильно отличались друг от друга по культуре, в том числе и материальной. И лишь с прекращением войн и установлением дружеских контактов культурные различия стали постепенно стираться. В настоящее время в обстановке мира и взаимопомощи здесь происходит процесс слияния этих групп в единый этнос. Археологически такой процесс мог проявиться в виде постепенного смешения двух разных археологических культур и их превращения в одну культуру. Вместе с тем, так как керамическая общность сложилась здесь задолго до завершения процесса этнического слияния, археолог, взявшийся судить о последнем преимущественно по керамике, мог бы оказаться в заблуждении.

Еще сложнее ситуация, встреченная в юго-западном Судане. Там в связи с узостью местного рынка горшечницы со своими семьями широко расселялись среди разных этнических групп. Сохраняя родственные связи друг с другом, они перенимали материальную культуру и язык у окружающих этносов, но в силу своего приниженого положения не сливались с ними полностью. Так, если в некоторых районах юго-западного Судана сами они относили себя к арабам баггара, то те отказывались считать их таковыми, отвергая саму идею этнического родства с ними. Горшечницы и их мужья — металлурги — были здесь социально обособлены от остального населения, в межэтнических браках они не участвовали. Общность материальной культуры, несомненно, помешает археологу уловить специфику описанной ситуации. Археологическая культура, выделенная здесь по керамике, будет включать несколько неродственных этносов, и встает вопрос, сможет ли археолог правильно разобраться в такого рода картине.

Межэтническое разделение труда местами могло возникать и из-за неравномерности распределения сырьевых ресурсов, и в этом случае фиксируемая археологически картина могла напоминать ту, которая отмечалась в условиях централизованного гончарного производства внутри

этнической общности. Это было известно, например, в верховьях р. Шингу в центральной Бразилии, где две аравакские общины (каждая со своим языком!) снабжали кухонными и церемониальными сосудами представителей семи других языковых групп, относящихся к трем разным языковым семьям¹⁵.

Единая керамическая традиция могла распространиться на территории обитания соседних этносов и по другой причине — когда один этнос заимствовал навыки гончарства у другого. Так произошло в Аризоне (США) в районе древнего обитания шоноязычных хопи, куда около 300 лет назад переселились таноаноязычные хопи-тева. Обитая рядом и активно общаясь, оба этноса сохранили свою этническую обособленность (четкое самосознание, язык, религию, церемонии, одежду и т. д.), но хопи-тева заимствовали у своих соседей гончарные навыки, и поэтому по особенностям керамического производства эти этносы было невозможно отличить¹⁶. Таким образом, и здесь встает вопрос, какими средствами археолог, оперирующий керамическими показателями, сможет установить истинное соотношение между древними этносами.

Еще одно явление, которое заслуживает рассмотрения, это — межэтнический обмен керамикой. Судя по этнографическим данным, наличие местного гончарства само по себе не препятствовало такому обмену, хотя он и имел свою специфику. В прошлом и археологи, и этнографы неоднократно отмечали необходимость проводить различия между этнически нейтральными и этнически значимыми формами материальной культуры, получившими в последние годы названия соответственно культуры этноса и этнической культуры¹⁷. Судя по этноархеологическим данным, разграничительная линия между теми и другими не разделяла отдельные категории материальной культуры, а проходила внутри таких категорий. Особенно наглядно это видно на примере межэтнического обмена гончарными изделиями.

Интересные особенности такого обмена отмечались в южном Судане, где обитали родственные этносы азанде и беланда. Оба знали гончарство, причем по технике производства, формам и мотивам орнамента их керамические изделия были похожи друг на друга. Отличия заключались лишь в некоторых чертах орнаментации и в формах венчиков сосудов. Выменивая сосуды у беланда, азанде стремились получать у них только орнаментированные сосуды и никогда не использовали неорнаментированные горшки, в которых беланда варили пиво. Азанде утверждали, что они намеренно не покупали эти сосуды, а по словам беланда выходило, что последние и не продавались. Более того, те гончары беланда, которые переходили работать к азанде, за редчайшими исключениями, не изготавливали такие горшки¹⁸. Все это только подчеркивает особую роль горшков для пива у беланда, где питье пива имело особое социально-престижное значение.

Еще показательнее данные из южного Сенегала, куда в недавнем прошлом вторглись мусульмане фульбе-банде, покорившие местных язычников бедик. Несмотря на некоторую напряженность во взаимоотношениях между этими этносами, они регулярно общались и в настоящее время у них по-прежнему много сходного в материальной культуре. В отличие от бедик, сами фульбе-банде не изготавливали глиняную посуду, предпочитая выменивать ее у соседей. При этом для готовки женщины фульбе предпочитали использовать тонкостенные сосуды, которые они получали с юга от родственных групп фульбе Фута-Джаллона. Зато для многих других нужд они выменивали сосуды у соседей бедик. Но это не касалось специальных форм, которые мусульмане не использовали. Интересно, что среди этих форм также фигурировали горшки для готовки пива, игравшие у бедик важную роль в социальных ритуалах¹⁹.

Любопытный пример межэтнического обмена керамикой зафиксирован в юго-западном Судане, где, изготавливая глиняные сосуды трех разных видов (кувшины, чаши, горшки), горцы Кордофана поставляли арабам баггара только горшки, которые те высоко ценили, используя их наряду с изделиями местных мастеров²⁰.

Число аналогичных примеров можно было бы продолжить, однако и так ясно, что распределение керамики в пространстве подчинялось общему правилу, согласно которому разным уровням социальных и этносоциальных групп соответствовала и своя система общепризнанных знаков, имевшие важное социальное значение²¹. Предметы материальной культуры, имевшие такую знаковую функцию, были более жестко привязаны к соответствующим социальным группам, чем другие, занимавшие нейтральное положение. Очевидно, определенную сигнификативную функцию имели и некоторые виды керамической продукции, и это открывает интересные перспективы для выявления определенных социальных группировок путем изучения остатков глиняных сосудов, найденных на древних памятниках.

Анализ рассмотренных материалов показывает, что выявление истинного смысла ареального распространения керамических стилей настоятельно требует совершенствования методики обработки керамических материалов. Если, как порой случается, археологические находки представлены преимущественно или только керамикой, исследователь должен проявлять максимальную осторожность при этноисторической интерпретации выделенных групп, так как за идентичной, на первый взгляд, картиной могут скрываться весьма различные этносоциальные явления.

Одним из путей совершенствования методики являются целенаправленный поиск и тщательное изучение остатков гончарных мастерских и их связей с теми или иными домохозяйствами или общинами. Картографирование этих мастерских поможет отличить централизованную модель организации гончарного производства от рассредоточенной. Большое значение имеет также изучение происхождения исходного сырья для гончарного производства, причем не только глины для лепки сосудов, но и отощителя, красок, глины для ангоба, так как все они могли происходить из различных районов. Полученные таким образом данные полезно соотнести с выявленными керамическими стилями, что позволит обнаружить реальные места гончарного производства и те ареалы, которые оно обслуживало.

Так как в условиях архаического гончарства женщины не только занимались созданием глиняной посуды, но и являлись основными потребителями этой продукции, необходимо помнить, что пространственное распределение остатков древней керамики, как правило, являлось результатом деятельности женщин, которая лишь частично отражала общеэтническую модель поведения. Поэтому керамические материалы нельзя считать достаточными для выявления отдельных этнических общностей по археологическим данным. Не менее важной задачей представляется анализ остатков мужской деятельности и прежде всего производства и использования каменных орудий. Совместное картографирование керамических стилей и особенностей обработки каменных орудий способно выявить картину, в большей мере соответствующую этнической, чем картографирование какой-либо одной из этих групп источников.

В этом смысле определенный интерес представляет исследование, проведенное Дж. Райтом в области расселения алгонкиноязычных племен оджибве²². Там комплексы каменных орудий отличались определенным единством, тогда как керамика относилась к нескольким разным стилям, каждый из которых был связан с теми или иными южными соседями индейцев оджибве. Так как в изученном районе своего гончарства не было,

Райт пришел к закономерному выводу о том, что керамические сосуды попали сюда в результате контактов с различными группами более южного населения. И хотя из-за малочисленности некерамических материалов автору не удалось археологически различить разные алгонкинские племена, избранный им путь анализа представляется перспективным.

Наконец, определенный интерес вызывает картографирование отдельных видов тех или иных категорий материальной культуры, одни из которых играли большую этническую или социальную роль, а другие были в этом отношении нейтральны. Только детальный анализ ареалов различных видов археологических источников и взаимоотношений между ними даст основания судить о том, деятельность каких именно групп населения (половозрастных, социальных, этнических) отражает их пространственное распространение.

- ¹ См., например: *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА.М., 1952. № 29; *Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс и археология // СА. 1962. № 4. С. 6; *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 6; *Гурина Н. Н.* К вопросу об этнокультурных областях лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита // Тр. VII МКАЭН. М., 1970. Т. 5; Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973; *Третьяков В. П.* Неолитическая керамика и археологические культуры // СА. 1984. № 1; *Лозе И.* Нарвская культура и ее роль в этногенезе народов восточной Прибалтики // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.
- ² *Шнирельман В. А.* Этноархеология — 70-е годы // СЭ. 1984. № 2.
- ³ Африканские общества представлены некоторыми группами южного Сенегала (*Linares de Sapir O.* Diola pottery of the Fogy and the Kasa // Expedition. Philadelphia, 1969. V. 11, N 3; *Atherton J. H.* Ethnoarchaeology in Africa // The African archaeological review. Cambridge, 1983. V. 13), северного Камеруна (*Davis N., Henning H.* The Ethnography of pottery: A Fulani case seen in archaeological perspective // Current trends in anthropology: Theory, methods and content. Reading Mass., 1972. V. 4, N 21), южного Судана (*Haaland R.* Ethnographic observations of the pottery-making in Darfur, Western Sudan, with some reflections on archaeological interpretation // New directions in Scandinavian archaeology. Copenhagen, 1978; *Braithwaite M.* Decoration as ritual symbol: A Theoretical proposal and an ethnographic study in Southern Sudan // Symbolic and structural archaeology. Cambridge, 1982; *Hodder I.* Symbols in action: Ethnoarchaeological studies of material culture. Cambridge, 1982) и Кении (*Hodder I.* Symbols in action. . .); азиатские и океанические — апатани северо-восточной Индии (*Fürer-Heimendorf C.,* von. The Apa Tanis and their neighbours. London, 1962) и тангу Новой Гвинеи (*Burridge K.* Tangu traditions: A Study of the way of life, mythology and developing experience of a New Guinea people. Oxford, 1969); американские — индейцами-пуэбло Аризоны (*Stanislawski M. B.* If pots were mortal // Explorations in ethnoarchaeology. Albuquerque, 1978), индейцами-поком Гватемалы (*Arnold D. E.* Ceramic variability, environment and culture history among the Pokom in the valley of Guatemala // The Spatial organization of culture. London, 1978), яноама Венесуэлы (*Chagnon N. A.* Yanomamö: The fierce people. N. Y., 1968) и некоторыми другими группами.
- ⁴ *Balfet H.* Ethnographic observations in North Africa and archaeological interpretations: The Pottery of the Maghreb // Ceramics and man. Chicago, 1965.
- ⁵ *Arnold D. E.* Ceramic variability. . .; *Burridge K.* Tangu traditions. . . P. 52—53; *Linares de Sapir O.* Diola pottery. . . P. 9.
- ⁶ *Chagnon N. A.* Yanomamö. . . P. 21, 100.
- ⁷ *Arnold D. E.* Ceramic variability. . . P. 46—48.
- ⁸ *Linares de Sapir O.* Diola pottery. . . P. 11.
- ⁹ *Hodder I.* Symbols in action. . . P. 142, 143.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 40.
- ¹¹ *Ibid.* P. 44—47.
- ¹² *Davis N., Henning H.* The Ethnography of pottery. . .
- ¹³ *Hodder I.* Symbols in action. . . P. 92, 93.
- ¹⁴ *Haaland R.* Ethnographic observations. . .
- ¹⁵ *Basso E. B.* The Kalapalo Indians of Central Brazil. N. Y., 1973. P. 55.
- ¹⁶ *Stanislawski M. B.* If pots were mortal.
- ¹⁷ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 22; *Арутюнов С. А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 31, 32.

¹⁸ Braithwaite M. Decoration as ritual symbol... P. 84, 85.

¹⁹ Atherton J. H. Ethnoarchaeology... P. 91, 92.

²⁰ Hodder I. Symbols in action... P. 142.

²¹ Atherton J. H. Ethnoarchaeology... P. 91.

²² Wright J. V. A Regional examination of Ojibwa culture history // Anthropologica. Ottawa, 1965. V. 7, N 2.

П. Ю. ЧЕРНОСВИТОВ

ЭВОЛЮЦИЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

На наш взгляд, главное, что дало для науки развитие такой теоретической дисциплины, как кибернетика, — это осознание того, что любой объект материального мира, который может быть представлен функционально как система, способная вести себя и корректирующая свое поведение с помощью обратной связи, есть система автоматического управления (регулирования) независимо от того, чем этот объект еще является, а, следовательно, его поведение может быть строго формализовано и прогнозируемо. Вряд ли сегодня стоит специально доказывать, что все это касается как Живого, так и Социального: это положение общеизвестно, поэтому раздающиеся иногда в адрес системных исследований в области Социального обвинения в «биологизации» Социального порождены некомпетентностью критиков. С другой стороны, необходимо отметить, что применение системного подхода к изучению различных сторон Социального, его эволюции, отнюдь не исчерпало своих возможностей.

В частности, в археологии число работ, в которых сделаны попытки подойти с системных позиций к осмыслению человеческой истории, а тем паче к собственно археологическому ее аспекту, весьма невелико¹ и не идет ни в какое сравнение с широтой применения системного подхода в биологии. Правда, следует отметить, что ряду археологов присущ «стихийный» системный подход к осмыслению исторических процессов, что находит отражение в комплексном характере изучения древней истории². Системный подход пробивает себе дорогу в гуманитарных науках. Им иногда пользуются лингвисты, когда пытаются осмыслить причины эволюции языковых систем как систем коммуникации, органически входящих в социальную систему³. Это вполне естественно, так как невозможно себе представить развитие и усложнение структуры какой-либо саморегулирующей системы без совершенствования средств коммуникации, т. е. средств перемещения энергопотоков и информации, а именно к последним относится язык. Но к коммуникативным средствам в системе «социум» относятся и прочие атрибуты культуры, материальные проявления которой попадают в сферу познавательной деятельности археологии. Именно это обстоятельство послужило основанием Л. С. Клейну выступить с предложением рассматривать проблему смены культур с позиций теории коммуникаций⁴.

С другой стороны, объекты культуры, будучи продуктом производства социума, воспроизводятся из поколения в поколение населением социума и тем самым как бы «самовоспроизводятся» через посредство деятельности

своих производителей. Происходит процесс многопоколенного копирования этих объектов, а этот процесс неизбежно связан со спонтанно возникающими ошибками при копировании, отбором наиболее рациональных форм этих объектов, выбраковкой (элиминацией) наименее пригодных. Это дало право Б. И. Маршаку и М. И. Маршаку предположить, что имеются формальные основания для изучения процессов эволюции культуры в сравнении с эволюционными процессами в биологии, так как и там и тут происходит многократная передача из поколения в поколение некоей исходной информации⁵.

Итак, с одной стороны, культура как система коммуникации, будучи полноправной и очень важной подсистемой в системе «социум», является тем самым саморегулирующейся системой, способной сохранить свою устойчивость в окружающей среде, т. е. в среде других культур. С другой стороны, как ее носители, так и ее собственные элементы способны к «самовоспроизведению» через копирование. Поскольку материальные элементы культуры подвержены износу, они, выбывая из пользования, «археологизируются», попадая при этом в поле зрения археологии. Следовательно, археология имеет возможность изучать эволюцию в пространстве и времени коммуникативной системы социума через изучение изменений ее материальных элементов. Все эти рассуждения справедливы и для экономической системы социума, так как последняя также является саморегулирующейся системой и базируется на «самовоспроизводящихся» материальных элементах. Понятно, что нельзя провести резкую грань между коммуникативной и экономической системами. Они сильнейшим образом взаимосвязаны: традиционность в формах орудий труда — результат воздействия культуры на экономику, а развитость форм коммуникаций (богатство материальной и духовной культуры) — результат воздействия экономики на культуру. Поэтому археологическая культура — это, конечно, законсервированные остатки всех подсистем системы «социум».

Полезность приведенных рассуждений, на наш взгляд, заключается в том, что позволяет нам при изучении археологического материала глубже осмыслить причины изменений состояния оставивших этот материал человеческих коллективов. Чем отличается человеческий коллектив, социум, от любой популяции животных с точки зрения способностей к самосохранению? Главным образом тем, что человеческий коллектив обладает мощным прогностическим поведением, позволяющим ему предвидеть последствия как собственного поведения, так и возможных воздействий на него внешней среды. И если популяция животных при резких изменениях внешней среды подвергается естественному отбору за счет потери части своего состава, не сумевшей выжить в новых условиях, т. е. расплачивается за выживание частью своего генофонда, то человеческий коллектив, благодаря социальной памяти, выражающейся в культуре, благодаря небологическим средствам адаптации (т. е. средствам защиты), опять-таки выражающимся в культуре, способен вывести из-под критического воздействия внешней среды подавляющее большинство своих членов, спасти почти весь генофонд. Однако «расплата» за такое спасение все равно неизбежна, и выражается она в необходимой перестройке небологических систем адаптации, в смене культуры, в потере какой-то части традиционной культуры и в больших затратах труда по созданию новых ее элементов и связей. Археологически это фиксируется как смена археологических культур.

Однако из предыдущего изложения следует, что за сменой культур вовсе не обязательно должна стоять смена населения. Действительно, если культура в целом — это адаптивная система, предназначенная главным

образом для энергообеспечения (экономика) и для самоуправления, для сохранения своей функциональной целостности (коммуникации), то по характеру изменений в археологических комплексах можно достаточно достоверно судить о характере событий, происходивших с носителями этих комплексов. Скажем, если археологически наблюдается смена в культурном комплексе состава орудий труда при сохранении традиций в производстве керамики, то это скорее всего свидетельствует о становлении новой системы энергоснабжения человеческого коллектива без смены его «наличного состава», т. е. без потери его целостности как единого социума. Если же археологически прослеживается смена в традиции производства керамики при сохранении того же комплекса орудий труда, то это, вероятно, свидетельствует о смене населения на данном местообитании или о каких-то существенных перестройках социума.

Разумеется, подобные построения страдают определенным схематизмом. Ведь и в производстве самих орудий труда соблюдается некая культурная традиция, прослеживаемая археологически. Функционально схожие орудия могут производиться разными путями. Поэтому, говоря о смене в комплексе орудийного состава, мы подразумеваем функциональную смену состава, так как именно последняя отражает изменения в системе жизнеобеспечения коллектива. И если археологически рассматривается докерамический комплекс, то о постоянстве населения остается судить по традиционным способам производства каменных орудий, даже если сменяется функциональный состав орудий, а о смене населения — по смене традиционных приемов производства орудий при сохранении их функционального состава.

Подход к эволюции в культуре и биологической эволюции с единых системных позиций дает возможность нетрадиционно взглянуть и на другую сторону археологических исследований. Всегда ли изменение культурных традиций в производстве материальных предметов отражает смену населения? До какой степени канонизирована эта традиционность производства? Любые ли инновации в производстве материальных предметов, будь то орудия труда или быта, отражают появление изменений в составе населения какого-либо социума? Если археологическая культура имеет достаточно большой ареал, то всегда ли локальные варианты этой культуры означают смещение ее с соседними культурами? Если смотреть на археологический материал, как на остатки небиологических адаптивных систем, с одной стороны, и как на совокупность объектов, несущих в себе информацию о традициях через сменяющие друг друга поколения, — с другой, то ответы на все эти вопросы могут быть далеко не традиционны. Рассмотрим простой пример. Пусть в некоем археологическом комплексе зафиксирована некая традиция в орнаментации керамики, выражающаяся в двухэлементном орнаменте, где каждый из двух элементов составляет 50 % от орнамента. Поскольку никакого «госстандарта» на производство лепной керамики никогда не существовало, то понятно, что вся керамика поселения, выполняемая в данной орнаментальной традиции и существующая на каждый момент времени, будет с той или иной точностью отвечать этой традиции, т. е. вся совокупность этой керамики будет распределяться по нормальному закону относительно модального типа, содержащего оба элемента в пропорции 50 на 50 %, но н и к о г д а не будет соответствовать ему в точности. Понятно также, что в этой совокупности будет небольшая часть керамики с достаточно сильным искажением пропорции, скажем, с соотношением элементов 20 и 80 % или даже больше. Это вполне понятно, так как производители керамики даже одного поколения, приступая к изготовлению какого-то очередного горшка, имеют перед собой не идеальный прототип, не канон, которого и вообще-то нет, а любой другой

горшок, произвольно взятый из всей совокупности. Этот пример имеет хорошую формальную аналогию с частотой распределения некоего (любого) признака в генофонде панмиксной биологической популяции. Отсюда неизбежно сходство и в дальнейшей судьбе рассматриваемого признака при расхождении популяции со своей изначальной территорией.

Если популяция расходится, раскалываясь на отдельные демы, то понятно, что каждый дем не в состоянии унести с собой весь генофонд популяции, со всем набором частот проявлений признака, он унесет только часть генофонда, в котором частота проявления признака вовсе не обязательно близка основной, модальной. В дальнейшем, живя на новой территории и дав в процессе размножения новую популяцию, дем заложит в нее «эффект родоначальника», т. е. для этой новой популяции модальная частота распределения признака будет не той, которая была присуща исходной популяции, а той, которая была присуща дему-родоначальнику. Все это имеет прямое отношение к нашему примеру с керамической орнаментальной традицией. Если под действием каких-либо факторов бытия, скажем, из-за роста демографического давления, какая-то группа обитателей поселения уходит на новое место, то она может унести с собой только часть керамики, которая вовсе не обязательно в большинстве горшков будет содержать модальное соотношение элементов орнамента — 50 на 50 %. Равновероятно, что основными в этой группе унесенных горшков будут те, которые орнаментированы в пропорции 30 на 70 %, или 20 на 80 %, или 80 на 20 %, или как-то еще — это не имеет значения. Важно отметить другое: для следующего поколения изготовителей керамики в такой ушедшей группе людей модальным орнаментом будет именно тот, с которым эти люди пришли на новое местообитание. Поэтому в дальнейшем производстве керамики может наблюдаться «эффект родоначальника», т. е. в археологических материалах этого местообитания исследователь может обнаружить керамику, резко отличающуюся по орнаментальной традиции от керамики соседнего, изначально более древнего поселения, которое, однако, может одновременно сосуществовать с новым местообитанием длительное время. Поскольку, как нетрудно понять, все эти рассуждения в равной степени справедливы для любых культурных признаков, то очевидно, что аналогичные изменения во всем облике материальной культуры можно ожидать при процессах спонтанной сегментации некогда единого населения и расселения его на обширной территории. Но означает ли археологическая фиксация этих изменений в облике материальной культуры, что наблюдается процесс с м е н ы культур, порождаемый сменой населения? Очевидно, нет. Так же, как и вовсе не обязательным признаком смены населения или хотя бы вторжения каких-то инородных групп населения будет появление каких-то новых черт культуры. Известно, что все Живое подвержено мутациям, т. е. спонтанным изменениям, носящим зачастую абсолютно случайный характер. Все это равно относится и к Социальному. Человек как биологический вид обладает наиболее развитым поисковым рефлексом, и даже глубочайший консерватизм некоторых социальных сред не способен задавить этот рефлекс окончательно. Именно этот поисковый рефлекс помогает человеку создавать разнообразнейшие типы небологических адаптивных систем и достаточно быстро перестраивать их в ответ на изменения воздействий внешней среды, как природной, так и социальной. С этих позиций появление инноваций в культуре может свидетельствовать именно о поисках актуальной адаптации, а не о привнесении ее со стороны. Исчезновение ее через ряд поколений — также необязательное свидетельство растворения пришлых носителей этой инновации в аборигенной среде. Это может быть свидетельством снятия того фактора среды, который эту инновацию породил. Говоря

языком эволюционной биологии, новый признак был элиминирован в процессе отбора как ставший неадекватным внешней среде.

С изложенных выше позиций представляется полезным взглянуть и на процессы «смещения культурных традиций», «формирования симбиотических культур в контактных зонах», столь часто наблюдаемых в археологии. Исследования на одной территории обнаруживают культуру с совокупностью признаков {A}, принадлежащую по ряду фундаментальных проявлений к определенному историческому периоду, на другой территории — культуру с совокупностью признаков {B}, на том же основании датируемую этим же периодом, а затем, в процессе дальнейших исследований, на близлежащих территориях выявляется «контактная зона обеих культур», т. е. обнаруживается ряд памятников, культурный облик которых характеризуется совокупностью признаков {AB}. При этом зачастую с удовлетворением отмечают, что обнаружение подобных памятников помогает уточнить датировку обеих исходных культур через их взаимную синхронизацию. Однако, если речь идет о памятниках дописьменной эпохи или дописьменных территорий, известно, что точность археологических датировок зачастую не укладывается в интервал в 200—400 лет (даже для эпохи бронзы), поэтому такая синхронизация памятников через «контактную зону» ничего не говорит нам об их истинном взаимном расположении на оси времени. Тем не менее, «чистые» культуры традиционно принято считать исходными, а «смешанную», т. е. характеризующуюся совокупностью признаков {AB}, — метисной.

Приведенный выше пример с керамикой, построенный как формальный аналог процессов дивергентной эволюции в живой природе, наводит на мысль, что традиционная интерпретация археологически фиксируемых процессов метисации различных культур зачастую соответствует действительности «с точностью до наоборот». «Метисная» культура {AB} может оказаться на самом деле «пракультурой», которая, дивергируя за счет расхождения по различным территориям отдельных групп исходного населения, дала «раскол» исходной группы культурных признаков на два произвольно, спонтанно сложившихся рукава: культуру {A} и культуру {B}.

Описанная исследовательская ситуация призвана заострить внимание на одной из важнейших, на наш взгляд, проблем археологии: на нашем неумении отличать метисные формы от протоформ и (вторая сторона медали) генетическое сходство от сходства, конвергентно возникшего. Попутно заметим, что подобная же «задача различения» стоит и перед биологами-эволюционистами. Приведенные примеры показывают, что эта проблема актуальна, что процессы метисации и дивергенции действительно имели место как в прошлом, так и в настоящем времени, и что отсутствие точных датировок в археологии (до двух-трех поколений!) не позволяет нам, как правило, отличить истинное направление этих процессов, что может существенно исказить историческую интерпретацию археологического материала.

Возвращаясь к трактовке экономической и коммуникативной систем социума как систем адаптивных, саморегулирующихся, можно показать, что подобная трактовка позволяет нам глубже понять процессы, стоящие за достаточно часто встречающимися в археологии фактами упрощения, редукции материального облика когда-то богатых культур. Эта редукция может достигать такого уровня, что часто трактуется как гибель, исчезновение исходной культуры. На самом же деле это вовсе не обязательно, и за этим явлением редукции далеко не всегда должна стоять гибель населения или даже существенное сокращение его численности. Нетрудно представить себе ситуацию, когда социум, обладающий системой производящей экономики, оказывается в силу мощных климатических

подвижек в среде, где эта экономическая система становится неадекватной задаче энергообеспечения. Обязательно ли это должно привести к гибели населения социума? Конечно, в ряде случаев подобная ситуация может стать катастрофической. Но если данный коллектив еще не потерял навыков охоты или рыболовства, то у него есть выход из положения: рассредоточиться из исходных мест обитания и перейти к более примитивным способам жизнеобеспечения. Очевидно, что при этом упростится, редуцируется не только экономическая система, но и вся организация, и коммуникативная система. Некогда монолитный коллектив, объединенный многочисленными социальными связями, вынужден будет разбиться в целях выживания на отдельные небольшие группы, ни структурно, ни функционально не связанные друг с другом. В такой ситуации определенные социальные институты станут просто излишними и неизбежно отомрут как неадекватные новым условиям существования. Последнее же не может не отразиться на облике материальной культуры, но за этим, как уже говорилось, не будет стоять гибель населения или приход на изучаемую территорию нового населения — носителя более примитивной культуры⁶.

Близкая ситуация может сложиться, если происходит отток избыточного населения из какого-то мощного, высокоиерархизированного культурного центра на новые малозаселенные территории. Попытка сохранить при этом привычные формы хозяйствования и привычные социальные институты, ставшие неадекватными в новых условиях, может привести к гибели переселенцев — так погибли скандинавские поселенцы в Гренландии. Но если своевременно произошел отказ от ставших ненужными атрибутов экономики и организации, — выживание переселенцев обеспечено. Именно так можно трактовать упрощение структур коллективов, вышедших из зон цивилизаций первого порядка и расселившихся на новых, малозаселенных территориях. При сохранении культурной традиции в материальном производстве они, очевидно, лишились ряда социальных институтов за ненужностью последних в новых условиях. По крайней мере, уровень социальной иерархизированности таких переселенцев явно снизился (как это наблюдается, скажем, в Сапаллитепа⁷).

Подводя итоги, можно заключить:

1. Как биологическая, так и культурная эволюция идет главным образом под действием триединого механизма: изменчивость — наследуемость — отбор, но если в биологической эволюции изменяются сами организмы как адаптивные саморегулирующиеся системы, то в эволюции культуры изменяются небиологические адаптивные системы: экономическая, коммуникативная и т. д.

2. Обращение к формальным аналогиям в процессах адаптации и в процессах передачи наследуемой информации в эволюции биологической при осмыслении эволюции культуры оказывается полезным, так как позволяет по-другому взглянуть на возможности исторической интерпретации археологического материала и поставить под сомнение некоторые традиционные интерпретативные штампы.

¹ См., например: *Лебедев Г. С.* Системный подход: Перспективы в археологии // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981; *Клейн Л. С.* Проблемы смены культур и теория коммуникации // Там же; *Маршак Б. И., Маршак М. И.* Сходные информационные процессы в развитии вещей и эволюции живых организмов // Там же; *Хмелев А. М.* Система, систематика, системный подход // Типы в культуре. Л., 1979; *Лебедев Г. С.* Археологический тип как система признаков // Там же; *Массон В. М.* Системный подход к исследованию палеоэкономических структур // КСИА. М., 1978. Вып. 152; *Черносвитов П. Ю.* Экологические и демографические процессы как факторы изменения археологических культур // СА. 1985. № 3.

² См., например: *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984.

³ *Мельников Г. П.* Системный подход в лингвистике // Системные исследования: Ежегодник.

- М., 1972; *Поликарпов А. А.* Аналитическое развитие — адаптивная реакция языка на условия его интенсивного распространения // *Количественные методы в гуманитарных науках*. М., 1981; *Он же.* От экологической семиотики — к социолингвистике // Там же.
- ⁴ *Клейн Л. С.* Проблемы смены культур. . .
- ⁵ *Маршак Б. И., Маршак М. И.* Сходные информационные процессы. . .
- ⁶ Подобная трактовка археологических данных имеется у М. Ф. Косарева (*Бронзовый век Западной Сибири*. М., 1981. С. 236, 237).
- ⁷ *Аскарлов А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 135—144, 154—156.

В. И. ГУЛЯЕВ

«НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В середине 60-х годов в мировой археологии сформировалось направление, получившее название «новой археологии». Оно заявило о себе в 1962 г., когда в журнале «Американская древность» появилась статья Л. Бинфорда «Археология как антропология»¹, но подлинным манифестом нового направления стал вышедший в 1968 г. сборник «Новые перспективы в археологии» под редакцией Л. и С. Бинфордов².

Суть теоретических взглядов «новых археологов» сводилась к нескольким принципиальным положениям. Одним из исходных было то, что задачей своей науки «новые археологи» считали не исторические реконструкции, а изучение закономерностей человеческого поведения и культурного развития. Соответственно археология провозглашалась дисциплиной, принадлежащей не к истории, а к культурной антропологии. Здесь нужно иметь в виду, что в американском употреблении понятие «история» заметно отличается от того значения, которое имеет этот термин в западноевропейской и тем более советской историографии. Для «новых археологов» термин «история» связывался с чисто фактологическим описанием без выявления каких-либо законов развития.

Ставя перед археологией задачу изучения закономерностей развития культуры, «новые археологи» понимали культуру как развивающуюся, диамическую систему адаптации человека, включающую такие компоненты, как технологический, социологический и идеологический, следы которых могут быть отмечены на археологическом материале. При этом изучение культуры и культурных процессов становилось самоцелью, заслоняя собой изучение общества, продуктом которого культура является.

В американской историографии описательные дисциплины (например, история в указанном выше понимании) традиционно не имеют статуса науки. Именно с этим связан призыв «новых археологов» превратить археологию в науку, снабдив ее научными методами компьютерного века. Важнейший из них — гипотетико-дедуктивный, когда исследование начинается с выдвижения гипотезы, которая затем подвергается проверке с помощью эксперимента. Традиционный для археологии индуктивный метод (от фактов к выводам) «новыми археологами» оценивается крайне негативно и практически отбрасывается.

Большое место в «новой археологии» занимает системный подход, позволяющий, по мнению ее сторонников, комплексно решать вопросы взаимодействия составляющих культуры как системы, строить «модели»

и использовать ЭВМ для решения важных археологических проблем. Широкое применение в «новой археологии» нашли математические методы исследования.

Появление нового течения вызвало бурную реакцию в мировой археологии. У «новых археологов» нашлись и убежденные критики, и преданные сторонники, считавшие их выступление настоящей революцией в археологии. В значительной мере это объясняется конкретной ситуацией в американской науке, где в 40—50-е годы ведущие позиции занимали археологи, связанные с теоретическими установками исторической школы этнографии³. Для их практической деятельности были характерны недооценка теоретических построений, фактологическая ориентация, стремление к формальному описанию культурных комплексов и разработке хронологических колонок.

Именно резким разрывом с практикой этой традиционной археологии и объясняется бунтарская, «революционная» окраска работ «новых археологов». На самом деле возникновение этого направления было отражением в археологии проходившего в 50—60-х годах в американской теоретической этнографии поворота к эволюционизму⁴. Основные постулаты «новой археологии» были генетически связаны и с теорией археологии традиционной, что очень убедительно продемонстрировал Б. Триггер⁵.

В СССР знакомство с работами «новых археологов» Запада было далеко не полным. В целом это направление не привлекло значительного внимания в среде советских ученых. Это произошло по ряду причин. Во-первых, на 60—70-е годы в советской археологии приходится завершающий этап периода эмпирических исследований, затянувшегося более чем на 40 лет в связи как с Великой Отечественной войной, так и с масштабами территории, подвергшейся археологическому изучению⁶. Основными задачами тогда были выявление, раскопки и историческое осмысление археологических памятников по всей стране, а теоретические исследования временно отошли на второй план, хотя никогда не прекращались полностью. Отдельные вопросы теории археологии приходилось постоянно решать в процессе практической работы. В целом же эта работа базировалась на теоретических принципах, которые были выработаны в бурных дискуссиях конца 20-х — первой половины 30-х годов, в период становления советской археологии⁷. Во-вторых, ряд основных положений «новой археологии» во многом совпадал с этими теоретическими принципами и поэтому не явился чем-то новым для советских археологов. В то же время философская база этого течения не представлялась для них приемлемой.

Тем не менее, в 70-е годы в советской археологической литературе появился ряд откликов на конкретные работы «новых археологов», а также оценка этого течения в целом⁸.

Что же случилось с «новой археологией» в дальнейшем, в период с 1975 г. по середину 80-х годов?

Ниже я кратко рассматриваю историю развития «новой археологии» в США и Англии за последнее время. Естественно, что этот обзор не претендует на полноту и глубину анализа, так как в нем намечены лишь общие тенденции развития «новой археологии» середины 70—80-х годов.

Прежде всего авторы археологических публикаций, как сторонники, так и критики «новой археологии», единодушно констатируют: к середине 70-х годов методы и концепции этого направления были восприняты большинством археологов США⁹. Вот что пишут на этот счет во втором издании своей книги «История американской археологии» Г. Р. Уилли и Дж. А. Саблов: «Новый дух господствует сейчас в американской археологии — идеи и положения, родившиеся в контексте „новоамериканского“ мышления, с отношением к артефактам как к отражению

человеческого поведения, с культурной экологией в широчайшем ее смысле, системным анализом и процессом как центральной концепцией культурной истории изменили и изменяют развитие американской археологии»¹⁰.

Итак, командные позиции в дисциплине завоеваны, целенаправленная критика смолкла, и для «новой археологии» наступил, по ироническому замечанию Дж. А. Саблова, короткий «медовый месяц»¹¹.

Чем же объясняется столь быстрый и для многих неожиданный успех идей и концепций группы Л. Бинфорда в разнородной среде американских археологов?

Если допустить субъективный фактор, то главное достижение «новой археологии», столь привлекательное для большинства археологов, — это более широкий и разнообразный набор аналитических методов и процедур для обработки фактического материала (в том числе с использованием новых технических достижений — ЭВМ и др.). К. В. Флэннери даже писал в этой связи: «Хотел бы я одновременно иметь аналитическую эрудицию „новой археологии“ и скромность и здравый смысл археологии традиционной»¹².

«Новые археологи» подняли общее значение археологической науки в рамках антропологии, когда они призвали своих коллег оторваться от чисто описательно-хронологических работ и направить свои исследования на выявление п р и ч и н культурных изменений, на объяснение п р о ц е с с о в развития культуры. Кроме того, было заявлено, что без четких теоретических задач традиционные археологи не имеют основы для решения, какие виды материала надо собирать и как их надо анализировать¹³.

Наконец, очень существенно и то, что многие идеи и концепции, взятые на вооружение «новыми археологами», родились и развивались, постепенно пробивая себе дорогу, задолго до 60-х годов (Дж. Стюард, Л. Уайт, К. Клакхон, У. Тэйлор, А. Сполдинг, Г. Кларк и др.)¹⁴. Таким образом, неверно говорить, что «новая археология» не внесла ничего нового в археологическую науку¹⁵, но, с другой стороны, она, бесспорно, основывается на ряде более ранних научных течений и традиций.

Представляется важным, что и многие критики этого научного течения, да и сам Л. Бинфорд, признают: «новая археология» не произвела на практике больших теоретических перемен; это была «революция» техническая (методическая)¹⁶. «Большинство авторов, — подчеркивает Ф. Л. Кол, — согласно, что „новая археология“ принесла заметную пользу, заставив археологов четко формулировать свои программы исследования и там, где возможно, проверять альтернативные гипотезы или объяснения конкретными данными. Другими словами, на уровне собирания фактов внедрение или широкое восприятие научного аналитического метода было, бесспорно, полезным»¹⁷.

Но столь же единодушные и теперь уже сугубо негативные отклики получила за эти годы теоретическая сфера деятельности «новой археологии». Самое главное в деятельности «новых археологов» за последние годы, — подчеркивает Дж. А. Саблов, — это «отсутствие прочных методологий с тем, чтобы закрыть лауну между новыми задачами археологической науки и постоянно растущими археологическими материалами»¹⁸.

На уровне теории, или объяснения явлений прошлого, — считает Ф. Л. Кол, — «новые археологи» не слишком преуспели и по сей день. «Когда Л. Бинфорд в США и Д. Кларк (а до некоторой степени и К. Ренфрью) в Англии провозгласили свои взгляды о рождении более объективной, научной дисциплины, они представили и некоторые теоретические постулаты, приняв в целом за основу сравнительно-эволюционную концепцию, базирующуюся на экологическом функционализме и системной теории. Их призыв заставил археологов приподнять головы над краем

траншей и попытаться интерпретировать свои находки в более широкой перспективе. Хронологические вопросы рассматривались «новыми археологами» как проблемы второго и даже третьего сорта и явно стоящие ниже рассмотрения процессов и законов развития культуры. Но еще в начале 70-х годов более самокритичные «процессуальные» археологи выразили свой скептицизм к реально достигнутым результатам и опровергли многие из так называемых законов, назвав их тривиальными и тавтологическими. Когда же прошло время, то расхождение между первоначальными утверждениями лидеров „новой археологии” и ее действительными достижениями стали еще более очевидными»¹⁹.

Показательно, что и сам Л. Бинфорд признает отсутствие сколько-нибудь приемлемой теоретической базы в современной американской археологии. «Термин „новая археология”, — пишет он, — используется очень часто. Однако при отсутствии прогресса в отношении общепринятой теории у нас нет новой археологии, а в лучшем случае есть антитрадиционная археология»²⁰.

Как же практически развивалась «новая археология» в 1975—1985 гг.? Отчетливо выявилась одна, прежде завуалированная, вещь: в действительности не было и не существует какой-то единой «новой археологии», с четко выраженными методами и концепциями. Практически перед нами почти ничем не связанная разношерстная масса, которую многое разделяет, а объединяет только одно — неудовлетворенность арсеналом традиционной археологии и критическое отношение к ней²¹.

Весьма характерно, что и сам Л. Бинфорд спешит отмежеваться от большей части «новых археологов», считая их действия неправильными, а их работы — искажением его первоначальных идей и постулатов²². Глава «новой археологии» (к этой школе он относит себя и своих учеников — Джеймса Хилла и Уильяма Лонгакра), учитывая самую слабую сторону направления — отсутствие четкой теоретической базы, выступил с целым рядом трудов теоретического характера²³. В чем состоит суть этих теоретических поисков? Во-первых, Л. Бинфорд выступил за разработку «теории среднего уровня» (middle-range theory), назначение которой — найти линии связи между культурными системами прошлого и получаемым сегодня археологическим материалом. Во-вторых, по мнению Л. Бинфорда, для постановки, разработки и проверки «теорий среднего уровня» большое значение имеет этноархеология²⁴.

Побочным ответвлением этого направления «новой археологии» явилась и так называемая поведенческая археология М. Шиффера: стремление выискивать в археологическом материале отражение человеческого поведения²⁵.

С другой стороны, археологи-практики, подобные К. В. Флэннери, занятые широкими исследовательскими программами, неизбежно включавшими в себя и значительную долю культурно-исторической интерпретации и реконструкции древних обществ, стали проявлять все большую нетерпимость по отношению к «новым археологам» — кабинетным теоретикам, заполнившим все археологические журналы однообразными и скучными статьями о природе археологического материала и законах культурного процесса²⁶.

Именно доведенные до абсурда попытки этих «кабинетных» представителей «новой археологии» обратиться к философии науки и на основе логической позитивистской школы создать, наконец, удобоваримую теорию археологии, потерпели неудачу и окончательно дискредитировали их²⁷.

Таким образом, к середине 80-х годов «новая археология» предстает как научное направление, весьма аморфное, лишенное четко выраженных теоретических концепций и поэтому с трудом отличимое от других

синхронно существующих. Оно объединяет обширное количество людей и групп, сильно отличающихся друг от друга по взглядам, но связанных некими общими перспективами в науке и неудовлетворенностью багажом традиционной археологии²⁸.

Какое же практическое влияние оказала «новая археология» на полевую работу и теоретические взгляды археологов в Новом и Старом Свете?

Следует со всей определенностью сказать, что, если не считать Англии, «новая археология» оставалась и до сих пор остается явлением чисто американским. Судя по отзывам специалистов, влияния «новой археологии» почти не ощутили ни в классической (греко-римской), ни в сиропалестинской археологии²⁹.

Что касается полевых работ, то «новая археология» в США явно стимулировала желание археологов извлечь более широкий набор информации с раскапываемых памятников за счет более изощренных методов и технических приемов, больше интереса стало проявляться и по поводу изучения регионального контекста памятников. В обработке фактического материала широко применяются методы формализации, сериации, компьютеризации и т. д. Лучше стали учитываться взаимосвязь и взаимовлияние культуры и окружающей природной среды, глубже осуществляться реконструкция экологического фактора³⁰.

Вместе с тем широковещательные заявления Л. Бинфорда, Д. Кларка и других «новых археологов» в 60-х годах о безграничных возможностях археологической науки в реконструкции древних культур и о том, что методы такой реконструкции уже созданы или почти созданы, оказались явно несостоятельными. И теоретическую базу в виде генерализующих «законов» и «объяснений» еще только предстоит создать³¹.

Весьма красноречиво говорит об этом и фраза К. Ренфрю в предисловии к книге Л. Бинфорда, названной им «необыкновенно важной монографией», написанной «выдающимся археологическим мыслителем нашего времени»: «Наиболее значительный момент, который надо осознать в связи с „новой археологией“, . . . — это то, что она началась, и в большей мере остается таковой и поныне, как ряд вопросов (Разрядка моя. — В. Г.) о человеческом прошлом»³². Не слишком радужный финал для столь известного на Западе научного направления!

С точки зрения советских археологов (если судить по опубликованным данным), «новая археология» содержит в своем методическом багаже ряд позитивных черт, заслуживающих внимания, — строгие аналитические процедуры в работе с археологическим материалом, формализация и математизация, широкое применение методов естественных наук, более строгое и продуманное использование этнографических аналогий для объяснения археологических находок. Близка нам и оптимистическая позиция «новой археологии» относительно познавательных возможностей нашей науки, способности по археологическим остаткам реконструировать не только экономику и материальную культуру, но и социально-политические и идеологические стороны общественной жизни.

Много общего у нас и в стремлении проследить динамику, процесс развития древних культур, выявить закономерности этого процесса.

С другой стороны, нам чужды позитивистская философская база «новой археологии», крайности ее системного подхода, на практике переходящие в плюрализм, ее объяснение причин развития культуры «внешним толчком», склонность к экономическому, экологическому и демографическому детерминизму, противопоставление дедукции и индукции и т. д.

Для советской археологической науки «новая археология» в известном смысле является «старой». Мы прошли через многие сходные явления в конце 20-х и в 30-е годы. Здесь можно назвать и внедрение марксизма

в археологию группой молодых московских ученых (А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев и А. П. Смирнов). Основное внимание они уделяли вопросу о том, что археология может и должна быть самостоятельной наукой и что она может, используя только свои средства, восстановить социальную структуру и верования древних обществ³³.

Для советских археологов (как и для «новых археологов» 30—40 лет спустя) в 30-е годы были характерны ожесточенная критика «голового вещеведения», типологического метода и т. д., выступления за «социологизацию» археологии³⁴. Эти же годы отмечены успешными разработками в области формализации и статистики в археологии, тщательной социальной интерпретации поселений, раскопок широкими площадями рядовых памятников, изучения массовых производственных материалов и отходов (публикации А. В. Арциховского, С. В. Киселева, А. Я. Брюсова, П. П. Ефименко и др.).

Таким образом, нам представляется, что «новая археология» — естественный этап в развитии англо-американской археологии, реакция на засилье эмпиризма, и в этом плане она повторяет немало черт и явлений, свойственных и нашей науке 20—30-х годов.

¹ Binford L. R. Archaeology as anthropology // American Antiquity. Washington, 1962. V. 28, N 2.

² Binford S. R., Binford L. R. (eds.). New perspectives in archaeology. Chicago, 1968.

³ См.: Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 95—99.

⁴ Там же. С. 198—258.

⁵ Trigger B. G. Time and traditions. N. Y., 1978.

⁶ Башилов В. А., Волков В. В. Советская археология в год 60-летия Великого Октября // СА. 1977. № 3. С. 5—11.

⁷ Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. 1963. № 4; Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.

⁸ Клейн Л. С. [Рецензия] // СА. 1973. № 2. — Рец. на кн.: Binford S. R., Binford L. R. (eds.). New perspectives in archaeology. Chicago, 1968; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; Массон В. М., Бочкарев В. С. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // КСИА. М., 1978. Вып. 152; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973; Семенов С. А. Системный подход и «Аналитическая археология» Д. Кларка // КСИА. М., 1978. Вып. 152; Федоров-Давыдов Г. А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. 1970. № 3.

⁹ Trigger B. G. Time and traditions. P. 2.

¹⁰ Willey G. R., Sabloff J. A. A History of american archaeology. San Francisco, 1980. P. 246.

¹¹ Sabloff J. A. When the rhetoric fades: A Brief appraisal of intellectual trends in american archaeology during the past two decades // Bull. of the American School of Oriental Research. Chicago, 1981. N 242. P. 1.

¹² Flannery K. V. (ed.). The Mesoamerican village. N. Y., 1976. P. 173.

¹³ Sabloff J. A. When the rhetoric fades... P. 1, 2.

¹⁴ Trigger B. G. Time... P. 3.

¹⁵ Dumond D. E. Science in archaeology: The Saints go marching in // American Antiquity. Washington, 1977. V. 42, N 3. P. 346.

¹⁶ Dunnell R. C. Trends in current americanist archaeology // American Journal of Archaeology. Boston, 1979. V. 83, N 4.

¹⁷ Kohl Ph. L. Symbolic cognitive archaeology: A New loss of innocence // Dialectical Anthropology. Amsterdam, 1985. V. 9. P. 106.

¹⁸ Sabloff J. A. When the rhetoric fades... P. 2.

¹⁹ Kohl Ph. L. Symbolic cognitive archaeology... P. 107.

²⁰ Binford L. R. Working at archaeology. N. Y., 1983. P. 39.

²¹ Stevens D. E., Agogino G. A. New vs. Old: The «Great Debate» in american archaeology // Anthropological Journal of Canada. Toronto, 1972. V. 10, N 3. P. 17.

²² Binford L. R. Working at archaeology. P. 3, 31.

²³ Binford L. R. For theory building in archaeology: Essays of faunal remains, aquatic resources, spatial analysis and systemic modeling. N. Y., 1977; *Idem*. Dimensional analysis of behaviour and site structure: Learning from the eskimo hunting stand // American Antiquity. Washington, 1978. V. 43, N 3; *Idem*. Willow smoke and dogs' tails: Hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation // American Antiquity. Washington, 1980. V. 45, N 1; *Idem*. Working at archaeology.

- ²⁴ *Sabloff J. A.* When the rhetoric fades... P. 3, 4.
²⁵ *Schiffer M.* Behavioral archaeology. N. Y., 1976.
²⁶ *Kohl Ph. L.* Symbolic cognitive archaeology... P. 107, 108.
²⁷ *Dunnell R. C.* Trends in current americanist archaeology. P. 84.
²⁸ *Trigger B. G.* Time... P. 17.
²⁹ *Dyson S. L.* A Classical archaeologist's response to the «New Archaeology» // Bull. of the American Schools of Oriental Research. Chicago, 1981. N 242. P. 7–14; *Dever W. G.* The Impact of the «New Archaeology» on Syro-Palestinian archaeology // Ibid. P. 15–29.
³⁰ *Trigger B. G.* Time... P. 15.
³¹ *Kohl Ph. L.* Symbolic cognitive archaeology... P. 107.
³² *Renfrew C.* Foreword // *Binford L. R.* In pursuit of the past: Decoding the archaeological record. N. Y., 1983. P. 31.
³³ *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. С. 101.
³⁴ *Монгайт А. Л.* Возникновение... С. 79, 80.

Ю. А. СМЕРНОВ, М. В. ТЕНДРЯКОВА

О РОЛИ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальные памятники каменного, бронзового и даже железного веков являются приоритетным источником для реконструкции социально-экономических отношений и религиозных представлений древних обществ. Хорошо известна (как, впрочем, и хорошо забыта) принципиальная трудность восстановления живой культуры на основе изучения ее материальных остатков, особенно если такая реконструкция не подкреплена письменными источниками.

Несомненно также, что, приступая к любым реконструкциям, археолог, как правило, уже обладает определенным набором априорных гипотез или, в данном случае, интерпретационных стереотипов, помогающих ему осуществить такую реконструкцию и проделать это, по крайней мере в первом приближении, без особых затруднений.

Почему и как это происходит? Практически в любом гуманитарном исследовании мы сталкиваемся с существованием двух способов (или типов) познания действительности — это научное познание и обыденное познание. О критериях, по которым их следует различать, и о свойствах, присущих тому и другому типу познания, уже не одно десятилетие ведется дискуссия, результатом которой пока является отсутствие дефиниций для обоих типов в современных философских, логических, психологических и других словарях (во всяком случае русскоязычных).

Поэтому, не вдаваясь здесь в тонкий анализ понятий, необходимо обозначить все же, что научное познание по сути дела есть метод, т. е. система стандартных и однозначных правил и приемов подхода к изучению накопленного материала¹. Такой способ исследования дает возможность не только сравнительно объективно анализировать имеющиеся данные, но и прогнозировать, а главное, контролировать полученные результаты.

Обыденное познание не подчиняется заданному «алгоритму» постижения действительности. Оно является продуктом повседневной деятельности человека, в которой не выделяются самостоятельные познавательные цели. Такой способ познания окружающего мира лежит в плоскости обыденного сознания и не исходит из научно установленных закономерностей,

а руководствуется открываемой и накапливаемой в повседневной практике людей логикой собственного бытия или тем, что часто называется «здоровым смыслом».

«Здравый смысл», по определению, кстати, уже выработанному нашей наукой, представляет собой «стихийно складывающиеся под воздействием повседневного опыта взгляды людей на окружающую действительность и самих себя»² и, очевидно, может быть соотнесен с обыденным познанием.

Абсурдом было бы, естественно, лишать гуманитарные исследования «здорового смысла» и тем более вовсе отказываться в них от его логики.

И все же, приступая к изучению «чужой» культуры, следует помнить, что обыденное сознание, житейский опыт, здравый смысл — это продукты общественно-исторического развития любой культуры, в том числе и собственной культуры исследователя. И то, что соответствует здоровому смыслу в одной культуре, в другой таковым может и не являться. Примеры тому многочисленны, особенно из области идеологических представлений, с которыми, как понятно, погребальные памятники связаны самым непосредственным образом.

Так что в любых исторических исследованиях, в особенности касающихся идеологии, логика обыденного познания («здравый смысл») должна иметь четко очерченную сферу применения и в качестве избираемого для какой-то процедуры способа анализа, и тем более в качестве критерия истинности при оценке полученных результатов.

Поэтому, если анализ материала не подчинен системе стандартных и однозначных правил, житейские культурные стереотипы неизбежно повлияют на результаты работы, создадут прецедент подмены одной логики другой. Неосознанно они будут использоваться исследователем как априорные гипотезы для интерпретации неизвестного.

Безусловно, каждая наука располагает известным набором априорных гипотез, которые определяют ее подход к предмету исследования, отражают ее общий уровень. В исторических науках априорные гипотезы весьма часто являются продуктом именно обыденного сознания, вследствие чего широко известное, хорошо изученное на материале одной культуры принимается, по выражению Ю. М. Лотмана, за стандарт человеческой культуры вообще³, или же известные нам общественно-исторические феномены (в том числе и феномены собственной культуры) проецируются на явления, может быть, хорошо знакомые нам по форме, но неизвестные по содержанию.

Что касается анализа археологических источников и в особенности таких специфических источников, как погребальные памятники, где уже изначально может присутствовать логика, обратная логике «здорового смысла» или в значительной степени его искажающая, то применение установок обыденного сознания может легко привести к «культурной проекции»: характерное (типическое) для одной культуры будет считаться таковым и для другой. Часто эффект «культурной проекции» возникает и в момент привлечения к анализу так называемого метода этнографических параллелей. Но прежде всего проекция присутствует в наших априорных гипотезах, источником которых и является в основном наше обыденное сознание.

Хотелось бы как раз указать на необоснованность ряда априорных гипотез или интерпретационных стереотипов, широко используемых при создании реконструкций общественных отношений «мира живых» по материальным остаткам «мира мертвых». Таких стереотипов множество, и касаются они практически всех компонентов погребального комплекса.

Погребальное сооружение. Часто приходится читать или слышать, что могила — это дом умершего и что форма могильной ямы, естественно, должна повторять форму его прижизненного жилища. Или могила — это

материнское чрево, или — погребальная колесница, или — вход в потустороннее царство, или. . ., но об этом несколько позже.

Ориентировка погребенного. Если умерший похоронен головой на запад, то, надо полагать, именно там, по представлениям людей, совершавших погребение, находилась «страна теней». Если головой на восток, то тоже в сторону местонахождения «царства мертвых». А поскольку солнце восходит именно там, то тут (т. е. в случае с погребенным) явно имела место идея возрождения или перерождения.

Головой по течению реки: «мир иной» — в устье; против — в истоке.

Головой к водному пространству: «страна мертвых» — «за водой».

При отсутствии же водного источника или другого «впечатляющего» ориентира, например одинокой горы, ориентировка погребенного (разумеется, если это не прямо на восток или на запад) указывает на местонахождение «страны предков», так сказать, сразу в двух ипостасях, как места, куда уходят, т. е. откуда не возвращаются, так и места, откуда пришли, т. е. «прародины». Если имеются отклонения в ориентировках отдельных индивидуумов («чужаков», по определению), то по этим ориентирам можно установить примерное местонахождение их рода/племени. Если «чужаки» — женщины, отклонения в ориентировке указывают на экзогамии и патрилокальные браки, а если мужчины, — то на матрилокальные. . .

Правда теперь, с распространением среди археологов увлечения астрономией, отклонения в ориентировках интерпретируются уже не как матримониальные показатели, а как отклонения, возникающие за счет движения светил по небосводу, а «отклоняющиеся погребения» — как совершенные в разное время года, в том числе и зимнее. Впрочем, еще и сейчас находятся скептики, которые считают, что зимой покойников не хоронили, а выдерживали их до лета, потому что даже теперь, несмотря на избрание стального лома, очень трудно копать мерзлую землю. . .

Останки погребенного. Один погребенный, в том случае, когда кости его скелета сохраняют анатомическую связь, а инвентарь отсутствует, казалось бы не предоставляет особых возможностей для интерпретаций и реконструкций. Но это только на первый взгляд. Ибо как раз «информативная скудость» источника и является самой что ни на есть плодородной почвой для «фантазий на тему», в особенности в контексте более крупного археологического объекта. Например, если такое целое и безынвентарное погребение единственное и обнаружено на поселении, а рядом имеется одновременный поселению некрополь, где погребенные снабжены инвентарем, то такое погребение обязательно будет интерпретировано как погребение «чужака», особенно если поза не соответствует стереотипу некрополя, или «заложного покойника», особенно если погребение находится на окраине поселения или на выезде из него. Если же погребение найдено в центре поселения, то это — «преступник» (свой, родной) или «колдун». А уж если на груди такого покойника обнаружатся остатки дерева, то, конечно же, это будет осина. Если же погребенный расчленен или в погребении присутствует часть покойника вместо целого, то это безусловно «враг». И это не выдумки — авторам не раз приходилось сталкиваться с такими интерпретациями в отношении погребальных памятников «всех времен и народов», по крайней мере от неолита до X в. н. э.

Если же в одной могиле погребенных двое и тем более трое или четверо (не говоря уже о более крупных коллективных захоронениях), то такое погребение вызывает на свет целый поток обиходных стереотипов. Скажем, более пяти погребенных — явные жертвы военных столкновений или эпидемий, или же кровные родственники.

Вообще родственные связи — наиболее ходовой материал для реконструкций.

Двое погребенных, из которых один массивный, а другой грацильный, — мужчина и женщина, т. е. понятно, что муж и жена.

Двое погребенных, из которых один взрослый, а другой ребенок, — мать и дитя.

Трое погребенных, из которых один ребенок, а двое взрослых, — парная семья.

Трое погребенных, из которых один покрупнее, а двое помельче, — полигамия, а если наоборот, то — полиандрия. Тут же возникает и образ так называемой подчиненной позы — жены, слуги, рабы и т. д.

Поза погребенного. Обычно она расценивается либо как позиция, фиксированная смертью (известно ведь, что трупы коченеют), либо как намеренно приданная телу вскоре после летального исхода. Ведь не могли же древние знать о существовании закона Нистена, отчего и спешили до «окончательного» окоченения тела придать ему нужную позу.

Несомненно, самыми привлекательными являются скорченные позиции: тут и связанные покойники — по определению, «вампиры», отсюда — и «Страх Смерти», и «живые (во плоти) мертвецы», и «блуждающие скелеты», и прочие вредоносные создания. Но тут же и поза роженицы при скорченной на спине позиции. А при скорченной на боку — излюбленная археологами «поза спящего», она же «утробная поза», она же «поза скачущего всадника» и т. д.

А если — «поза спящего», то это или любимая прижизненная поза умершего, которую он принимал во сне, или традиционная поза сна членов данного коллектива. Ведь смерть ассоциируется со сном у современных «примитивных» народов, а тем более у древних, которые, конечно же, не представляли себе причин естественной смерти, полагая (в своем невежестве), что умерший просто заснул, и поэтому в те далекие времена, естественно, его закапывали в «позе спящего». А поскольку в каменном веке мы постоянно сталкиваемся с погребениями, где умершие лежат в «позах спящих», то разумно полагать, что в каменном веке существовало представление о смерти как о сне.

Позднее, в раннебронзовом веке, когда древний человек наконец понял, откуда берутся дети (как известно, «примитивные» народы не связывают половой акт с актом деторождения), покойников стали без разбору укладывать в позах рожающих женщин.

А в среднебронзовом веке, когда древний человек, с одной стороны, стал лучше понимать свою природу, а с другой — все больше отрываться от реальной действительности, могила стала ассоциироваться с материнской утробой, смерть — с рождением, земля — с роженицей, могильный холм — с животом женщины в «интересном положении», а скорченная поза — с позой «зародыша во чреве матери».

В позднебронзовом веке, когда в тафологической практике повальное увлечение проблемами деторождения было, очевидно, отодвинуто на второй план проблемами коневодства, скорченная поза стала ассоциироваться с «позой скачущего всадника».

А когда в железном веке и это увлечение, видимо, прошло, умерший из рожающего, перерождающегося, а потом бешено скачущего превращается в покойного, т. е. расслабляющегося в могиле в вытянутом положении, очевидно, в «позе отдыхающего», а вернее, в позе успокоившегося, т. е. уснувшего навеки.

И, таким образом, все возвращается на круги своя, и опять (как в каменном веке) смерть ассоциируется со сном, а могила — с последним приютом, т. е. с домом умершего.

Погребальный инвентарь. Если он есть, то, естественно, мы имеем дело с имущим покойником. Если его много, то — с богатым. Мало — с бедным.

Нет — с неимущим. Отсюда всегда, точнее, начиная уже с мустьерского времени, мы, как оказывается, имеем четкую социальную стратификацию любого (!) общества, погребальные памятники которого нам известны. Или более конкретный пример, скажем, из эпохи бронзы: имеется серия однокультурных памятников разных хронологических периодов, обычно трех (мы всегда время бытования одной культуры делим на три периода).

Итак, ранний период: в погребениях много металлических изделий — расцвет металлургического производства; средний период: в погребениях мало изделий из металла — затухание производства; поздний период: в погребениях нет металла — прекращение производства. Если же оказывается, что металл привозной, то же самое (т. е. расцвет, затухание и прекращение) происходит с торговыми связями, из чего ясно видно, что инвентарь является прекрасным показателем социально-экономических отношений в древних обществах.

Помимо этого, он служит и превосходным показателем полового статуса погребенного. Существует даже такой специальный термин, как «археологическое определение пола».

Охотничье и / или военное снаряжение в погребении указывает на мужчину, а по украшениям и орудиям домашнего производства (ведь когда Адам пахал, Ева пряла) мы легко узнаем женщину.

Инструменты, например, литейная форма или льячка в погребении, тоже недвусмысленно указывают не только на пол, но и на профессию погребенного: ясно, что мы имеем дело с захоронением «литейщика» (мужчины, по определению), а те же предметы в детском погребении указывают на «сына литейщика» (если перед нами младенец), но может быть, и «ученика» (если погребенный — подросток, хотя вряд ли ученику стали бы класть в могилу такую ценную вещь, как литейная форма).

Ребенок же, наделенный многочисленными предметами разных категорий инвентаря, — «сын вождя» (т. е. опять-таки мальчик) или на худой конец — «шаман».

Ребенок же, похороненный с одним украшением, скорее всего девочка.

В случаях резкого несовпадения антропологических и археологических определений пола, т. е. когда «типично мужской» инвентарь оказывается в женских погребениях или наоборот, то либо возникают сомнения в правильности антропологических определений (ведь мечи или бусы — это не какие-то там углы на тазовых костях, часто, к тому же, сильно фрагментированных, да и о половом диморфизме археологи уже понаслышаны), либо рождаются очередные заключения о «воительницах» бронзового и железного веков или о «правительницах» каменного. . .

* * *

Какова же методика создания подобных реконструкций? К сожалению, ответить на этот вопрос невозможно (если говорить о методе), потому что ее нет.

Все перечисленные интерпретации погребальных памятников и опирающиеся на них реконструкции общественных отношений (как базисных, так и надстроечных), ну, может быть, за исключением некоторых, представленных здесь в несколько утрированном виде, могут показаться вполне обоснованными. Но происходит это как раз потому, что они в полной мере подчинены логике обыденного сознания, строятся на ассоциативном мышлении и апробированы здравым смыслом.

По-видимому, любой археолог легко может припомнить десяток-другой точно таких же или им подобных клише, которые встречаются в наших работах. И работы авторов тут не исключение, потому что мы тоже, как

и полоумный Журден, до поры до времени не подозревали, что можно говорить «или только прозой, или только стихами». И оказывается, что вот уже столько лет (при отсутствии здесь правил действия, стандартных и однозначных) мы говорим в основном только «прозой», используя для этого логику «здорового смысла», ибо там, где нет стандарта и однозначности, — нет правила, а значит, нет и метода.

И тем не менее, даже осознав это, мы продолжаем и, очевидно, будем продолжать интерпретировать наши находки, воссоздавая картину общественного развития. Но, спрашивается, ради чего?! Неужели ради того, чтобы случайно не лишить нашу науку ее исторического содержания, без которого она (как известно) превратится в «мертвую дисциплину о черепках и скелетах». Думается, все же, что нет. Ведь если отсутствует метод восстановления исторической реальности (а это утверждение довольно трудно оспорить), то какова цена наших реконструкций? Не получаем ли мы то же самое мертвое тело, только разубранное «мечами и бантами», т. е. ту же мертвую дисциплину?

Что же происходит? А точнее, что же произошло? Вероятно, в известный момент (а именно в 20—30-х годах XX в.) в данной области археологической науки произошла подмена еще не устоявшейся методики научного познания легко усваиваемой и вполне устойчивой логикой обыденного познания. И надо признать, что эта подмена совершилась под эгидой «историзма». Археология должна была наполниться историческим содержанием, и она им наполнилась. Иначе говоря, археологов, что называется, призвали поскорее увидеть за вещь человека, и они его тут же увидели, поскольку разглядели ни больше ни меньше как самих себя. И даже не то чтобы разглядели, ибо и в этом случае процедура «запредметного видения» не была разработана. Нет, мы просто спроецировали и продолжаем проецировать на материальные остатки частицы своего знания об историческом прошлом, отчего оно (прошлое) безусловно становится все более ясным на уровне обыденного познания и все более затемненным на уровне научного.

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 348, 349.

² Здравый смысл // Философ. энцикл. словарь. М., 1983. С. 190; Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. С. 181.

³ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3.

В. И. МЕЛЬНИК

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Общие вопросы, связанные с погребением и погребальным обрядом, в последнее время рассматривались в докладах и статьях Ю. А. Смирнова и В. С. Ольховского. В. С. Ольховский, в частности, обратил внимание на неправомерность отождествления понятия «погребальный обряд» с понятием «погребение» (в археологическом аспекте)¹. В археологической и этнографической литературе распространено также отождествление погребального обряда с погребальной практикой. Данная ситуация создает необходимость выяснения соотношения погребальной практики и погребального обряда.

Сложность вопроса заключается в том, что погребальный обряд, в отличие от некоторых других обрядов, входит в практическую целесообразную деятельность человека (в данном случае совершение захоронения) и тесно переплетается с ней почти на всех этапах. Так, этнографы, например, указывают: «То, что мы привыкли называть обрядом, подчас чрезвычайно трудно бывает отделить от других, необрядовых, сторон народной жизни»². Или более обстоятельно: «Обряды и ритуалы следует различать по характеру и принципам их соотношения с реальной действительностью. Они могут быть непосредственно включены в реальную жизненную прагматику, составляя обязательную часть ее: во многих обрядах огородной, охотничьей или военной магии подчас невозможно отделить ритуальную символику от реальных действий. Обряды могут как бы обрамлять реальное дело, обеспечивая его успех. Заметна роль тех ритуалов, которые функционально представляют собой традиционно разработанную обрядовую реализацию необходимых жизненных действий: таковы в сущности обряды ухаживания или похоронные обряды»³. Итак, погребальный обряд вплетается в погребальную практику. Каково же содержание погребальной практики? Каковы ее границы?

Широкая трактовка погребальной практики (погребения как процесса) охватывает фактически все формы обращения с умершим от его уничтожения до мумификации, причем как с сокрытием тела умершего или его останков, так и с открытым их содержанием. Такая трактовка погребальной практики свойственна этнографической литературе.

Узкая трактовка погребения была дана Ю. А. Смирновым. Она в какой-то мере отражает археологический подход, где для определения погребения важно доказательство преднамеренности захоронения. Ю. А. Смирнов рассматривает погребение в макроструктурном аспекте, в системе геосфер, и представляет погребение в виде процесса переноса останков из одной геосферы в другую. Преднамеренное погребение определяется им как целенаправленный перенос останков умершего из социоморосферы в социотафосферу, по терминологии автора. При этом отмечаются два определяющих фактора: целенаправленный и окончательный перенос останков умершего в тафосферу и полная их изоляция от среды первоначального окружения⁴.

Таким образом, понятие погребальной практики в узком смысле отражает лишь один из способов практики обращения с умершими. Многообразие этих форм заставило исследователей обратиться к поиску каких-то общих истоков. Так, по С. А. Токареву в основе развития форм погребений (в широком смысле) лежат инстинкты опрятности и социальной привязанности, на которых базируются соответственно противоположные стремления: избавиться от трупа или сохранить его⁵. Однако инстинкты опрятности и социальной привязанности сами по себе не противоположные инстинкты. Более того, опрятность в отношении трупа может вполне сочетаться с удержанием его при себе (например, в случае ношения мумифицированного трупа). Отсюда социальная привязанность — не альтернатива опрятности. Логически она составляет другое звено и образует противоположность с другими формами поведения, такими как безразличие, а позже — и боязнь по отношению к умершим. Инстинкт же опрятности заложил основу для обособления сферы обращения с умершими, этим необходимым звеном в жизнедеятельности человека.

Действия по отношению к умершему человеку наряду с действиями по отношению к человеку при его рождении или болезни являются фактически элементами обслуживания одних людей другими в жизненном цикле человека, т. е. там, где протекает непродуцирующая жизнь общества, — в сфере быта. Быт иногда и определяется как область социальной жизни,

основным содержанием которой является организация потребления и обслуживания⁶.

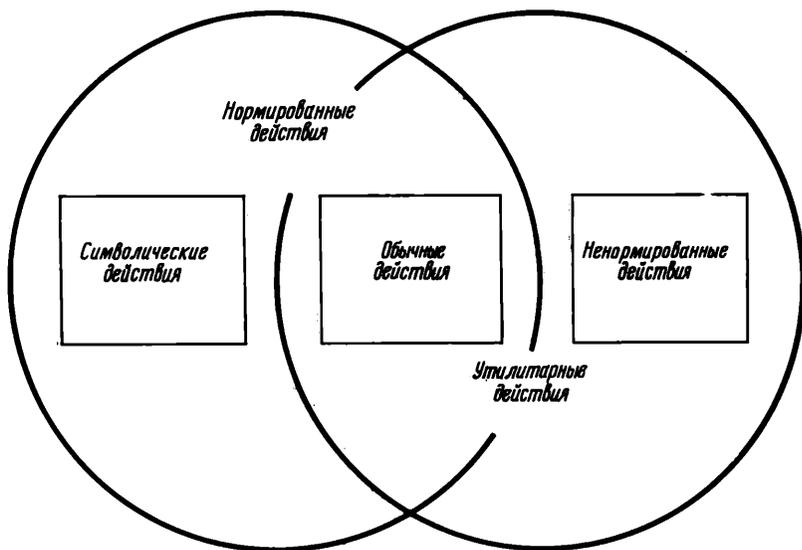
Обслуживание в сфере быта включает в себя такой важный элемент жизнедеятельности человека, как санитарно-гигиеническая деятельность. Подавляющее большинство способов обращения с мертвыми по существу реализует этот вид деятельности. Способ удаления умерших, при котором их выносят за пределы поселения, аналогичен хозяйственно-гигиенической деятельности на поселении, где таким образом осуществляется вынос за пределы поселка кухонных и других органических остатков, трупов животных и т. п., иногда в специально отведенные и оборудованные для этого места (хозяйственные ямы, свалки). Места концентрации умерших — собственно погребальные памятники и особенно могилы многоразового использования (например, склепы) — в аспекте бытовой жизни близки по функции объектам сосредоточения бытовых отходов.

Практика обращения с умершими как специализированная сфера быта представляет собой единый целесообразный процесс, направленный на избавление общества от смердения, гниения трупа путем его ликвидации, удаления или мумификации. По существу этот процесс реализует санитарно-гигиеническую потребность в жизни общества (за некоторыми исключениями) и обеспечивает коммунальное обслуживание как самого покойного, так и его семьи, коллектива некоторой группой лиц. Специфика этого рода деятельности позволяет говорить о нем как об особой сфере быта — некросфере.

Развитие некросферы, вероятно, шло по пути гигиенизации общества. Выбрасывание трупов, оставление умершего было, пожалуй, наиболее ранней формой обращения с телом покойного. У некоторых племен оно сохранялось до недавнего времени. Выбрасывание трупа, например, практиковалось у бушменов⁷. Разрезание трупа на части и выбрасывание его на съедение птицам известно на Тибете⁸. Следующим этапом практики обращения с умершими могло быть отведение специального места для выставления трупов без ограждения, а затем и с ограждением, как у парсов Индии («башни молчания»)⁹. И наконец, прообразом погребального сооружения, возможно, явилось использование естественных углублений для помещения туда тела умершего. Бушмены, например, всовывали мертвое тело в звериную нору или в расщелину скалы и замуровывали его там¹⁰. Таковы возможные этапы развития утилитарной основы практики обращения с умершими, идущие от непогребения к погребению.

Система некросферы едина и в совершенно другом аспекте, духовном его освещении, где сугубо практические цели завуалированы или вовсе подменены. Речь идет об обрядах обращения с умершими и о погребальном обряде.

Погребальный обряд в наиболее последовательной форме понимается как совокупность символических и реальных действий, совершаемых в соответствии с определенными нормами и представлениями при захоронении умершего¹¹. Специфика обряда состоит прежде всего в символическом характере действий, однако, помимо этого, участники обряда реальным, необходимым действиям придают особый, иллюзорный смысл. Думается, что такого рода действия следует отличать от действий сугубо условных, символических. Данное обстоятельство позволяет понимать обряд в узком значении лишь как систему условных, символических действий. Тенденция такой трактовки обряда ярко выражена Д. М. Угриновичем¹². Примером чисто символического погребения может служить сооружение погребения без покойника — кенотафа, однако и здесь возможно выделение утилитарных действий.

Структурная схема погребальной практики

Погребальный обряд, как правило, тесно связан с погребальными обычаями, стереотипными практическими действиями. Обычай воспроизводит целесообразные действия. Целью каждого действия, регламентированного обычая, является достижение какого-либо реального результата¹³. Однако обычай воспроизводит не любые практические действия, а лишь те, которые нормированы, регламентированы. Погребальный обряд является также системой нормированных регламентированных действий, но не утилитарных, практических, а условных, символических, как правило, сопровождающих действия реальные.

Из-за нечеткости определения обряда, а также из-за переплетенности обрядовых и обычных действий последние чаще всего не выделяются и рассматриваются в системе обряда, что и приводит к его расширительной трактовке. Исходя из этого, следует иметь в виду, что обычай, представляя традицию закрепленные формы утилитарных действий, несет основополагающую функцию в погребальном процессе как в целесообразном действии. В этом процессе с неизбежностью обнаруживаются и утилитарные ненормированные действия.

Таким образом, вся система погребальной практики (система некроферы) включает в себя 1) обрядовую практику — ритуальные, символические действия; 2) обычную практику — нормированные стереотипные утилитарные действия; 3) произвольную практику — ненормированные утилитарные действия (рис.).

Предложенная структура может найти свое приложение в археологическом исследовании погребений. Однако интерпретация данных археологии, особенно для бесписьменных периодов, чрезвычайно затруднена. Поэтому, чтобы наметить возможные варианты трактовки погребений как археологических объектов, обратимся к православной погребальной практике в ее конкретном археологическом проявлении.

В 1981 и 1982 гг. Северокавказской экспедицией Института археологии АН СССР было зафиксировано на древних курганах два христианских кладбища в Краснодарском крае, вероятно, конца XIX в.: могильник Греки 1—2 — 73 погребения; могильник Малаи 1—12 — 54 погребения.

Символические (обрядовые) элементы православного погребения фиксировались в ориентировке (ногами к востоку, археологически — головой к западу) и в положении рук (крестообразно на груди). Археологические данные не выражали столь четко канонических предписаний. Восточное направление ориентировки реализовывалось устроителями могил почти в 90° восточного сектора от северо-востока до юго-востока. Руки также не всегда находились на груди, что, вероятно, было следствием их движения в процессе разложения трупа.

Как элементы обычая, не несущего особой семантической нагрузки, в исследованных могильниках могут быть отмечены вытянутая поза погребенных, наличие дощатого гроба (в случаях, когда таковой фиксировался), размеры гроба и могилы соответственно росту погребенного.

Нерегламентированным элементом оказалось расстояние между могилами, что может объясняться родственными группировками или утратой надгробных сооружений. Часть погребальных элементов выражалась не всегда строго: в планировке — тенденция рядности, в могильной яме — устройство более широкой западной стенки (у головы) по сравнению с восточной.

Следует отметить особые случаи несомненно символического свойства, не канонизированные церковью и отражающие явно пережиточные явления. В ряде могил в районе пояса погребенного обнаружены медные монеты, в одном погребении — икона и еще в одном погребении — часть гончарного сосуда, стоявшего за гробом у изголовья.

Представленные данные обращают внимание как на сложность выделения структурных элементов погребальной практики, так и на возможность названного выделения при археологическом изучении погребальных систем.

¹ Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65—76.

² Бернштам Т. А. Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 181.

³ Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980. С. 88.

⁴ Смирнов Ю. А. Тафология: Попытка системного подхода // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Материалы совещания 25—26 января 1983 г. М., 1985. С. 17, 22.

⁵ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 163—171.

⁶ Харчев А. Быт и семья как категории исторического материализма // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 9.

⁷ Религии наименее культурных племен. М.; Л., 1931. С. 208.

⁸ Шурц Г. История первобытной культуры. СПб., 1910. С. 278, 279.

⁹ Там же. С. 278.

¹⁰ Религии наименее культурных племен. С. 208.

¹¹ Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность . . . С. 68.

¹² Угринович Д. М. Обряды: За и против. М., 1975. С. 21—27.

¹³ Там же. С. 17, 21.

ОПЫТ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОБЩЕСТВА СТЕПНЫХ СКОТОВОДОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ: ПО ПОГРЕБАЛЬНЫМ ПАМЯТНИКАМ ПРИКУБАНЬЯ

Палеодемографические исследования древних обществ как неотъемлемая часть «социологической археологии» получают все большее распространение, однако до сих пор ими затронуты почти исключительно общества собирателей, охотников и земледельцев, т. е. оседлые или малоподвижные, поскольку в основу разнообразных подсчетов, как правило, кладутся такие исходные данные, как занимаемая территория, число и площадь поселений, размеры жилищ и т. д.¹ Сложнее обстоит дело с изучением демографии подвижных племен, в частности, скотоводов эпохи бронзы евразийских степей, культура которых изучается главным образом по погребальным памятникам. Настоящая работа представляет собой попытку отработки методики палеодемографической реконструкции общества подвижных скотоводов периодов ранней и средней бронзы степного правобережья Кубани на материалах курганных могильников. Это объясняется не только стремлением оценить информативность данной категории археологических источников в интересующем нас плане, но и почти полным отсутствием на выбранной территории памятников иных видов.

Правобережье Кубани представляет собой равнину, полого понижающуюся от западных отрогов Ставропольской возвышенности в сторону Азовского моря, пересеченную долинами небольших степных речек и отделенную от моря полосой плавней и лиманов. Интенсивные раскопки степных курганов этого региона продолжают с конца 70-х годов. К настоящему времени только в этой части Краснодарского края раскопано около 300 курганов. В работе использованы сведения о 224 курганах эпохи бронзы из 53 курганных могильников и групп, расположенных в Большой дельте Кубани, долинах Понуры, Кирпилей, Бейсужка Левого и Бейсуга².

Основная масса захоронений раннего и среднего периодов эпохи бронзы принадлежит к четырем культурам или культурным общностям: майкопско-новосвободненской, древнеямной, новотиторовской и катакомбной. Такое разделение условно, поскольку существует определенное число комплексов со смешанными признаками, фиксирующих разнопорядковые связи этих культур между собой. Однако оно достаточно объективно отражает этнокультурную ситуацию в регионе и вполне подходит для наших целей. Майкопские и ямные памятники (вторая половина IV—III тысячелетие до н. э.) сравнительно немногочисленны, поэтому для анализа более подходят новотиторовские (400 погребений в 224 курганах) и катакомбные (437 погребений). Интересны они и тем, что новотиторовская культура, датируемая в пределах XXVII—XXII вв. до н. э., и местный вариант катакомбной общности, существовавший в XXI—XVII вв. до н. э.³, связаны между собой прямой генетической преемственностью⁴. Изучение именно этих образований позволяет наметить динамику некоторых демографических показателей во времени на примере единой скорее всего популяции.

Первый этап палеодемографической реконструкции включает определение половозрастной структуры и продолжительности жизни древнего населения. Такая работа возможна только на основе раскопанных могильников, для которых имеются половозрастные определения, выполненные антропологом. К сожалению, значительная часть материалов из раскопок разных

экспедиций не отвечает этому требованию, что резко снижает их научную ценность. Пригодная для работы серия новотиторовских и катакомбных захоронений происходит из раскопок Северокавказской экспедиции в нижнем течении Понуры и междуречье Понуры — Гречаной Балки, где только в могильниках Лебеди 1, Малаи 1 и 2, Останний определено 84 новотиторовских и 94 катакомбных костяка⁵. Половозрастная структура обеих серий может быть представлена в виде гистограмм (рис. 1). Возрастные интервалы в данном случае несколько отличаются от принятых в антропологии и даны с учетом конкретных определений, каждое из которых имеет свой доверительный интервал. Сходство обеих гистограмм свидетельствует об их объективности, по крайней мере в том, что касается возрастной структуры кладбищ обеих культур.

Сложнее обстоит дело с разделением погребенных по полу. Число женских погребений в обеих сериях заметно уступает числу мужских. Даже если подозревать ошибку в определении части захоронений, отнесенных к мужским лишь предположительно, общее количество достоверных женских и вероятных женских, причисленных к мужским, не превысит 36 % общего количества взрослых в новотиторовской и 40 % — в катакомбной сериях. Похоже, что в данном случае имеет место ошибка при определении разобранных костяков в камеральных условиях, объяснимая сильной матуризацией населения эпохи ранней—средней бронзы. Поэтому вопрос о соотношении мужских и женских захоронений требует дополнительной проверки на больших сериях и с присутствием антрополога на месте работ. Что касается средней продолжительности жизни, то она легко вычисляется по имеющимся данным и (с учетом детской смертности) оказывается весьма небольшой — 18—20 лет для новотиторовского и 20—23 — для катакомбного населения.

Однако структура кладбищ еще не дает представления о структуре живых обществ, оставивших эти кладбища. Для перехода от доли погребенных того или иного возраста к составу единовременно живущего населения необходимо установить, какое количество жителей разных возрастных групп было необходимо для образования кладбищ определенного состава. При таком пересчете нет нужды применять коэффициенты смертности. Допустим, что полученная суммарная половозрастная структура курганных кладбищ пропорционально отражает процентное соотношение представителей разных возрастных групп, умирающих в течение года. Тогда количество младенцев в возрасте до года в живом обществе должно равняться сумме младенцев, умирающих на первом году жизни, младенцев, которым суждено перейти в следующую возрастную группу детей от года до 10 лет и обеспечить (если это слово применимо в данном случае) ежегодную смертность известного по структуре кладбищ числа детей этой группы, и младенцев, которые доживут до возраста подростков и обеспечат соответствующую ежегодную смертность в этой группе, и т. д. Соответственно с учетом ежегодной смертности всех старших групп и их величины, зависящей от принятых возрастных интервалов, которая может быть выражена обобщенно через разницу средних возрастов соседних групп, производятся подсчеты и для всех последующих групп⁶. Результаты такого подсчета, выполненного на базе структуры новотиторовского и катакомбного суммарных кладбищ, и дают реальную структуру живого населения этих культур в процентном выражении (рис. 2), поскольку неизвестны ни реальное количество умерших за год, ни общая численность населения. Принятая система подсчета позволяет говорить лишь о том, что для ежегодного захоронения 84 «новотиторовцев» и 94 «катакомбников» необходимы были коллективы из 1606 и 2256 человек соответственно, иными словами, ежегодная смертность должна была равняться приблизительно 5 %.

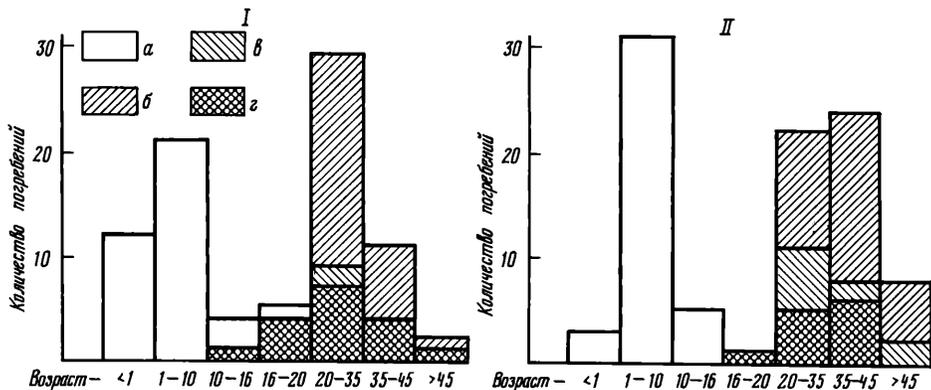

Рис. 1. Суммарная половозрастная структура подкурганых кладбищ новотиторовской (I) и катакомбной (II) культур (по материалам могильников Лебеди 1, Малаи 1 и 2, Останний)
 а — дети и подростки, пол которых неопределен; б — мужчины; в — мужчины (?); г — женщины

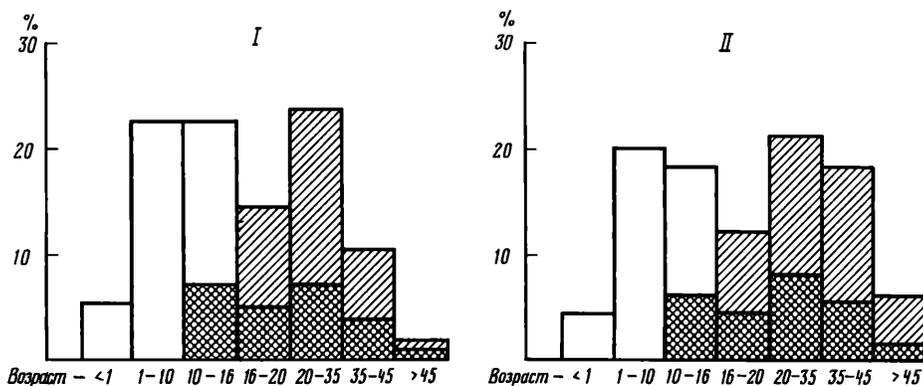

Рис. 2. Структура «живого», единовременно существовавшего населения новотиторовской (I) и катакомбной (II) культур
 Условные обозначения см. на рис. 1.

Анализ половозрастного состава суммарных кладбищ и реальных обществ новотиторовской и сменяющей ее катакомбной культур (рис. 1; 2) показывает определенные отличия, отражающие скорее всего динамику демографических процессов. Это некоторое увеличение среднего возраста «катакомбного» населения по сравнению с новотиторовским и неразрывно связанное с ним увеличение доли старших возрастных групп (старше 35 лет) с 12 % в новотиторовском до 24 % в «катакомбном» обществе. Больше сомнений вызывают различия в структуре детской смертности (рис. 1), то, что число детей, умерших на первом году жизни, резко снижается у «катакомбников», хотя общая доля умерших в детском возрасте примерно одинакова. Такая низкая смертность, как в группе «катакомбных» младенцев, по мнению Г. П. Романовой, неправдоподобна и не соответствует нормам смертности в примитивных обществах⁷. Этот вопрос остается открытым до накопления новых материалов. Отметим лишь, что, несмотря на различия в составе умерших детей и младенцев в обеих культурах, структура живых обществ в их детской части оказывается почти идентичной (рис. 2). Это служит доводом в пользу объективности полученной картины в целом и не подтверждает вероятного возражения, что часть младенцев в катакомбное время могли хоронить вне курганов.

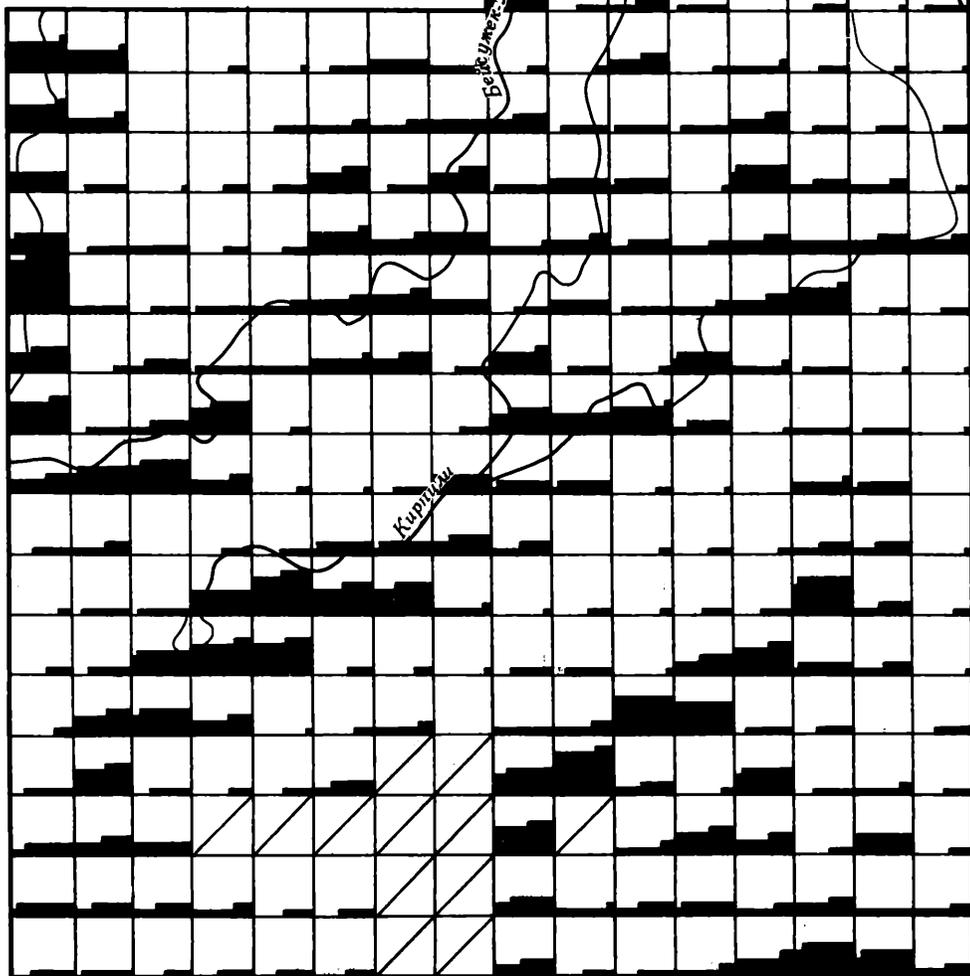
Следующая задача палеодемографической реконструкции — определение общей численности населения, характера и плотности расселения. Решение ее невозможно без опоры на конкретные, по возможности строго обозначенные показатели, содержащиеся в самих археологических источниках, в данном случае — в погребальных памятниках. Материалов раскопок при этом явно недостаточно, так как на первый план выходят вопросы о плотности, группировке и абсолютном количестве этих памятников на определенной территории. До сих пор проблема распространения степных курганов рассматривалась почти исключительно с точки зрения приуроченности их в зависимости от датировки и культурной принадлежности к тем или иным орографическим особенностям местности (древнейшие — в долинах рек, более поздние — на водоразделах и в открытой степи и т. д.)⁸. Сплошное их картографирование находится в начальной стадии из-за крайней многочисленности объектов. Имеющиеся работы (обследования Таманского полуострова Я. М. Паромовым в 1981—1985 гг.; Усть-Лабинского, части Курганинского и Кореновского р-нов Краснодарского края — коллективом Северокавказской экспедиции в 1980—1986 гг.) охватывают небольшие участки, не дающие полного представления о плотности и группировке памятников. Кроме того, прогрессирующее разрушение курганов ставит под сомнение сопоставимость данных разведок разных лет на разных территориях. В этих условиях необходим источник, фиксирующий положение дел на определенный период и дающий объективное представление о распространении курганов. Таковы крупномасштабные топографические карты съемки 60-х—начала 70-х годов (т. е. до начала массовой мелиорации).

Для решения поставленных задач был произведен подсчет курганов по топографическим картам масштаба 1:10 000 в пределах полигона площадью 6400 кв. км, расположенного на правом берегу Кубани и захватывающего полностью долины Кирпилей, Бейсужка Левого, частично долины Понуры и Бейсуга. Разбив эту территорию на условные квадраты площадью 20 кв. км каждый и отметив в каждом квадрате число курганов, зафиксированных на соответствующем участке карты, мы получаем вполне объективную схему плотности размещения курганных кладбищ (рис. 3). Анализ ее позволяет сделать вывод, что основная масса памятников группируется в долинах степных рек и на примыкающих участках, образуя четко разграниченные скопления, которые можно назвать массивами (Понурский массив, Кирпильско-Кочетовский массив и т. д.). Массивы разделены водораздельными пространствами с редкими, одиночными курганами на них. Таким образом, на этой стадии удастся наметить скопления памятников, занимающих определенную территорию с легко определяемыми границами и площадью. Добавим, что полученная картина отражает прежде всего группировку памятников периодов ранней и средней бронзы (по данным учтенных 53 раскопанных памятников не менее 95 % курганов региона сооружены именно в это время), а также стоящую за этим группировку и плотность населения бронзового века.

Следующий вопрос касается абсолютного количества курганов. Здесь для подсчетов выбран бассейн Кирпилей (около 2400 кв. км) и Кирпильский курганный массив (состоящий из 1637 курганов, присутствующих на картах), хорошо охваченный раскопками. Приблизительное определение реального числа памятников возможно путем сравнения данных топосъемки и сплошных археологических разведок. В верховьях Кирпилей и Кочетов, заходящих в пределы Усть-Лабинского р-на, разведками Северокавказской экспедиции выявлен 201 курган⁹, 111 из них (55 %) есть и на картах. При этом из 136 курганов высотой до 1 м на карте отмечено 47 (35 %), а из 65 высотой более 1 м — 64 (98 %). Широких разведок в низовьях Кирпилей

Рис. 3. Схема группировки и плотности степных курганов на правобережье Кубани

В левом нижнем углу — Ангелинско-Понурский курганный массив; по диагонали из левого верхнего в правый нижний угол тянется Кирилльско-Кочетовский массив; параллельно ему, несколько выше и в правом верхнем углу, — Левобейсугский и Бейсугский массивы; в правый нижний угол заходит край курганных массивов Закубанья; а — пять курганов; б — 25 курганов; в — 50 курганов; г — 70 курганов; д — курганы не подсчитаны. Каждая клетка схемы — участок площадью 20 кв. км. Залитая часть клетки отражает количество курганов на данной территории из расчета: 1/100 часть клетки соответствует одному кургану, отмеченному на топографической карте

не велось, однако при обследовании оросительных систем в сходных по рельефу и климату низовьях Понуры было выявлено 54 кургана, 33 из них (61 %) отмечено и на карте. Для курганов ниже 1 м эти цифры составили 32 и 14 (43 %), для более высоких — 22 и 19 (87 %). В обоих случаях соотношение числа курганов на картах и на местности достаточно близкое. Похоже, что курганы свыше 1 м отражены на картах масштаба 1 : 10 000 очень полно (от 90 до 100 %), а меньшие представлены примерно в 40 % случаев. Поэтому, определяя вероятное истинное число курганов в Кирпильском массиве, количество больших насыпей (951) можно оставить без изменения, а для малых предположить существование наряду с 686 насыпями, замеченными топографами, еще 1029 отсутствующих на картах. Таким образом, вероятное общее число курганов в Кирпильско-Кочетовском массиве доходит до 2666.

Попытаемся определить суммарное число захоронений новотиторовской и катакомбной культур в бассейне Кирпилей. Возможны два пути. Простейший — установить среднее число захоронений обоих типов по раскопанным курганам и экстраполировать этот показатель на весь массив. Судя по упоминавшимся 224 курганам, среднее число новотиторовских погребений на курган составляет 1,8, а катакомбных — 2. Поэтому можно ожидать, что в 2666 курганах Кирпилей захоронено около 4800 «новотиторовцев» и 5300 «катакомбников». Более сложный путь — произвести дифференцированные подсчеты, учитывая, что в разных частях ареала и в курганах разной высоты погребения разных культур представлены неравномерно. Этот путь представлен в таблице, где общее число курганов разной величины установлено с помощью карт и данных разведок, а остальные показатели высчитаны по раскопанным курганам Кирпильского массива.

Результаты, полученные двумя способами, заметно отличаются друг от друга¹⁰, отдать предпочтение какому-нибудь из них оснований нет. Очевидно, в этой ситуации правильно будет сказать, что в курганах Кирпильского массива можно ожидать 4800—7200 новотиторовских и 5300—6500 катакомбных захоронений (счет идет на костяки, а не на могилы).

Приведенные выше датировки обеих культур, отводящие каждой из них период около 500 лет, вполне пригодны для наших достаточно приближенных расчетов. Поскольку данных для суждения о темпах роста населения внутри периодов существования культур пока явно недостаточно, дальнейшие расчеты приходится вести в рамках статической модели, согласно которой число одновременно живущих и ежегодно умирающих членов общества остается одинаковым на всем протяжении времени. В этом случае число ежегодно умиравших и погребаемых «новотиторовцев» в Кирпильском массиве должно составлять 10—14 человек, а «катакомбников» — 11—13 человек. И те и другие закладывали ежегодно по два-три новых кургана. Зная среднюю продолжительность жизни и вероятную норму смертности у населения обеих культур, легко подсчитать, что общая численность новотиторовского населения в бассейне Кирпилей составляла 200—300 человек, а катакомбного — 280—330 человек. Соответственно плотность населения в первом случае равна 8—12 человек на 100 кв. км, а во втором — 11—14 человек на 100 кв. км. Полученные цифры хорошо согласуются с известными разработками, согласно которым плотность населения в обществах с присваивающей экономикой колеблется от 1 до 7 человек на 100 кв. км¹¹, что во многом предопределено выходом биомассы и продуктивностью разных природных зон¹², а в земледельческих доходит до 1000 и даже 1100 человек на 100 кв. км, хотя в последнем случае учитывается только площадь оазисов и микрорайонов без учета разделяю-

Таблица
**Дифференцированный метод подсчета
 новотиторовских и катакомбных курганов и погребений
 в бассейне р. Кирпили**

Регион	Высота кургана в м	Реконструированное общее число курганов	% курганов с новотиторовскими погребениями	% курганов с катакомбными погребениями	Всего новотиторовских курганов	Всего катакомбных курганов	Среднее число новотиторовских погребений в кургане	Среднее число катакомбных погребений в кургане	Общее число новотиторовских погребений	Общее число катакомбных погребений
Низовья Кирпилей	0—1	950	80	80	760	760	2,4	3,3	1824	2508
	1—2	207	100	100	207	207	3,0	5,5	621	1138
	2—8	200	100	66	200	133	3,3	2,5	660	332
Верховья Кирпилей	0—1	765	90	90	689	689	2,2	2,0	1515	1378
	1—2	276	100	80	276	221	2,6	3,0	717	663
	2—8	268	100	66	268	179	7,0(?)	2,5	1876(?)	447
Кирпильский бассейн в целом	0—8	2666	—	—	2400	2189	—	—	7213(?)	6466

щих их пространств¹³. Интересно отметить, что полученные значения плотности населения с полукочевой скотоводческой системой хозяйства ближе к значениям, характерным для населения с присваивающим хозяйством, чем к земледельческим нормам. Вероятно, это следует рассматривать как показатель экономических возможностей экстенсивного скотоводства, являющегося формой пассивной адаптации общества с производящей экономикой к определенным экологическим условиям¹⁴, что сближает его именно с присваивающей системой хозяйства.

Зная плотность населения и приблизительную площадь, занимаемую основным ядром новотиторовской культуры в раннем бронзовом веке и особым вариантом катакомбной общности в среднем бронзовом веке, можно оценить общую численность населения этих образований. В обоих случаях речь идет об одной и той же территории — треугольнике, ограниченном с запада Азовским морем, с юга — Кубанью, а на северо-востоке — долиной Челбаса. Площадь ее без учета полосы плавней и лиманов, сформировавшейся в позднее время, составляет 15 500 кв. км. Соответственно новотиторовское население региона в целом могло составлять 1200—1800 человек, а катакомбное — 1700—2000 человек. Понятно, что эти цифры получены для статических моделей и с учетом безусловно имевшегося роста населения и возможных миграций могут отклоняться от полученных значений в обе стороны, как, впрочем, и другие выведенные нами показатели, хотя сама величина подобных поправок представляется не очень большой (не более 1,5 раза).

В завершение отметим следующие моменты: а) принципиальную возможность демографической реконструкции обществ с подвижным кочевым или полукочевым укладом жизни, известных исключительно по погребальным памятникам; б) важность и информативность картографических материалов для изучения курганных скотоводческих культур; в) тот факт, что палеодемографические реконструкции в археологии имеют не самодеvelopующее значение, должны использоваться для изучения не только собственно демографических процессов и ситуаций, а в качестве дополнительного фактора при анализе широкого круга проблем.

Иллюстрируя последний тезис, укажем, что знание численности и структуры населения необходимо для изучения системы связей «общество — хозяйство — природная среда» через сравнение имеющихся трудовых ресурсов с необходимыми трудозатратами и минимумом продукции, обеспечивающими существование коллектива. Вариации половозрастной структуры в пределах ареала расселения позволяют судить о характере и типе хозяйства. Так, в случае с новотиторовской и катакомбной культурами Прикубанья процент захоронений разных возрастных групп в низовьях рек и приморской полосе, с одной стороны (33—37 % детских погребений), и в верховьях рек — с другой (17—26 % детских погребений), различен, что свидетельствует о полукочевом характере хозяйства этих культур.

Важны демографические показатели и для изучения социальных структур. Знание общей численности населения носителей новотиторовской и катакомбной культур (соответственно до 1800 и до 2000 человек) служит одним из аргументов в пользу гипотезы о существовании на правобережье Кубани по крайней мере в течение длительных периодов не просто племенной системы, но единого племенного объединения, противостоявшего в новотиторовское время ямному населению степей, а в катакомбное — населению, оставившему памятники манычского типа в долине Челбаса. Эти же данные позволяют по-новому оценить материалы, добытые раскопками. В нашем случае раскопанные и научно документированные выборки новотиторовских и катакомбных захоронений (400 и 437) оказываются

эквивалентны примерно $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ реального, одновременно существовавшего здесь населения этих общностей. Знание этого факта важно для верной оценки реальной численности различных явлений — например, определенных общественных групп (вождей, жрецов, ремесленников и т. д.), захоронения которых выделяются из общей массы. Без таких оценок немислимо исследование проблем социальной стратификации общества.

Представление о численности и половозрастной структуре населения позволяет, пусть даже упрощенно, представить его роль и место в ряду соседних обществ (через сравнение не только населения, но и числа взрослых боеспособных мужчин, т. е. собственно военного потенциала) при общей оценке этнокультурной и этнополитической ситуации. Несколько выходя за рамки темы, укажем, что для периода ранней бронзы отмечается безусловное доминирование новотиторовского населения над синхронным ямным (не превышавшим 450—600 человек), проникавшим в степное правобережье Кубани с северо-востока, и над отчасти синхронным майкопско-новосвободненским (до 300 человек), проникавшим с юга.

Наконец, в порядке самого смелого предположения укажем, что знание продолжительности жизни и связанных с этим изменений состава живого общества, аналогичных отмеченному «старению» катакомбного населения по сравнению с новотиторовским, возможно, применимо для объяснения темпов культурной эволюции, по крайней мере в надстроечных, функционально неопределенных сферах культуры, в связи с появлением условий для более устойчивой передачи информации от поколения к поколению или через поколение¹⁵. Действие этого фактора нельзя полностью игнорировать при сравнении недостаточно упорядоченной новотиторовской культуры со значительно более консолидированной катакомбной (яркий пример — быстрая и как бы многовекторная эволюция погребальных сооружений в первой и устойчивость их форм — во второй).

Естественно, углубленная разработка намеченных вопросов во многом зависит от совершенствования методов демографической реконструкции и дальнейшего накопления демографических данных по самым разным хронологическим и территориальным группам населения.

¹ Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. 1969. № 4; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 100—108; Каменецкий И. С., Романова Г. П. Исследования меотских городищ в Краснодарском крае // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 42, 43; Колесников А. Г. О демографической структуре трипольского населения Среднего Поднепровья: По материалам поселений коломищинской группы // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1987.

² Основная масса использованных материалов происходит из раскопок в Краснодарском крае: Северокавказской экспедиции ИА в Калининском р-не в 1979—1986 гг.; Кубанской экспедиции ЛОИА (нач. В. С. Бочкарев) в Брюховецком, Приморско-Ахтарском и Динском районах в 1978—1986 гг.; Северокавказской экспедиции СОГУ (руководитель работ В. А. Сафронов) в Красноармейском и Калининском районах в 1978—1980 гг.; экспедиций и отрядов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (под руководством И. Н. Анфимова, В. Н. Каминского, А. В. Кондрашева, А. А. Нехаева, А. В. Пьянкова, В. А. Тарабанова, Н. Ф. Шевченко) в Красноармейском, Динском, Кореновском, Тимашевском и Выселковском районах.

³ Не имея возможности подробно обосновать принятые датировки, сошлемся на литературу. См.: Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Периодизация и культурно-историческая характеристика: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. Некоторые расхождения между названной нами и принятой В. А. Трифоновым датировками катакомбной культуры неважны для нашей темы. Главное, что продолжительность ее существования оценивается нами примерно одинаково.

⁴ Гей А. Н. Развитие представлений об энеолите — раннем бронзовом веке западного Предкавказья в связи с работами на новостройках Краснодарского края // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 39.

⁵ Определения выполнены антропологом ИА Г. П. Романовой.

- ⁶ Простейший вариант таких подсчетов возможен при условном допущении, что число умерших внутри данной возрастной группы распределяется равномерно на все годы временного интервала данной группы, что дает возможность заменить возрастной интервал на показатель среднего возраста группы. Тогда численность данной возрастной группы определяется по формуле: $N_n = (N_n + N_{(n+1)} + N_{(n+2)} + \dots) (t_n - t_{(n-1)})$, где N_n — общее число членов данной возрастной группы, N_n , $N_{(n+1)}$, $N_{(n+2)}$ — число умерших интересующей нас и следующих за ней старших возрастных групп в составе суммарного кладбища, t_n — средний возраст умерших данной возрастной группы, $t_{(n-1)}$ — средний возраст предшествующей ей младшей возрастной группы.
- ⁷ Автор благодарит Г. П. Романову за консультацию.
- ⁸ Шилов В. П. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. Л., 1964. № 6; Он же. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 76—79; Отроценко В. В. Исследования Запорожской экспедиции в 1968—1984 гг. // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 23.
- ⁹ Гей А. Н. Отчет о работе II разведочного отряда Северокавказской экспедиции ИА в 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 10017; Каменецкий И. С. Отчет III разведочного отряда Северокавказской экспедиции ИА за 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 10657; Он же. Отчет I разведочного отряда 1980 г. и I разведочного отряда 1982 г. Северокавказской экспедиции // Архив ИА. Р-1. № 9824; Отчет Е. И. Савченко по разведке 1983 г. в Усть-Лабинском р-не (экземпляр полевой документации из архива экспедиции).
- ¹⁰ Особенно завышенным кажется число новотиторовских погребений (7200), полученное при дифференцированных подсчетах. Возможная причина этого — малое число курганов высотой свыше 2 м, раскопанных на Кирпилях (всего четыре). Среднее количество новотиторовских погребений в них семь, что резко отличается от средних значений для курганов иной высоты. Проверка на материалах бассейна Понуры показала, что там курганы высотой более 2 м содержали новотиторовские могилы не в 100 % случаев, а в 66 %, причем среднее число захоронений не семь, а 5,5. Очевидно, цифра 7200 не совсем корректна из-за малого числа наблюдений; более вероятной представляется итоговая цифра 6000. Тем не менее, до проверки на большем материале можно сохранить уже полученный результат как вероятный верхний предел, помня, что он и все выведенные на его основе показатели могут быть несколько завышены.
- ¹¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй... С. 102—104.
- ¹² Долуханов П. М. Археологические методы реконструкции природно-исторических процессов // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 6. 7.
- ¹³ Массон В. М. Экономика и социальный строй...; Колесников А. Г. О демографической структуре...
- ¹⁴ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 273, 274; Бунятян Е. П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 113—117.
- ¹⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 25, 26.

ХРОНИКА

В. И. ГУЛЯЕВ, Ю. Н. ЗАХАРУК, П. Ю. ЧЕРНОСВИТОВ

РАБОТА СЕКТОРА ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ в 1985—1987 гг.

Для привлечения внимания археологов к исследованию и разработке проблем археологической теории и методологии Институт археологии АН СССР в рамках сессий, посвященных итогам археологических исследований, организовал новую секцию — теории и методики археологии. Работа первой секции теории и методики на сессии 1972 г. (Москва) вызвала большой интерес у археологов. Об этом свидетельствовали как доклады, посвященные различным проблемам археологической теории и методики, так и развернувшаяся дискуссия по обсуждаемым вопросам.

На пленарном заседании очередной сессии в 1973 г. (Самарканд) был сделан доклад, посвященный состоянию и задачам теоретических исследований по археологии в СССР¹. В качестве важных и актуальных задач, направленных на развертывание теоретических исследований в советской археологии, в докладе постулировалась целесообразность а) организации дискуссий и широкого обсуждения актуальнейших проблем археологической теории; б) организации в журнале «Советская археология» отдела дискуссий и публикации в нем обзоров советской и зарубежной литературы по проблемам теории археологии; в) ориентации внимания методологических семинаров археологических учреждений на обсуждение теоретических проблем археологии; г) публикации специальных сборников, посвященных проблемам археологической теории; д) рекомендации создания в археологических учреждениях проблемных групп по вопросам археологической теории; е) включения тем по вопросам теории в планы работ археологических учреждений. Потребовалось немало времени для постепенной реализации рекомендованных в докладе мероприятий, в том числе и самом Институте. В 1978 г. в серии КСИА был опубликован первый и пока единственный сборник, специально посвященный методологическим и теоретическим проблемам археологии². В конце 1981 г. в Институте была организована межсекторальная группа по теории, методике и истории археологии, а в феврале 1985 г. уже в качестве структурной единицы Института был организован сектор теории и методики археологии в составе девяти человек (доктора исторических наук В. И. Гуляев, Ю. Н. Захарук, Э. В. Сайко, старшие научные сотрудники, кандидаты исторических наук И. С. Каменецкий, В. Б. Ковалевская, Е. Е. Кузьмина, Г. Н. Матюшин, младший научный сотрудник А. А. Узянов и старший лаборант П. Ю. Черношвитов). В конце 1985 г. в состав сектора была переведена из лаборатории естественнонаучных методов группа сотрудников по исследованию технологии керамики (доктор исторических наук А. А. Бобринский, младший научный сотрудник Ю. Б. Цетлин и лаборант Е. В. Волкова).

В 1985 и 1986 гг. большинство сотрудников сектора завершало темы, которые за ними числились в планах секторов, где они работали ранее. Главное внимание было уделено определению и уточнению важнейших направлений работы сектора и конкретных научных тем каждого научного сотрудника. В основу планов дальнейшей работы сектора были положены материалы «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.» Разработке, обсуждению и уточнению главных направлений работы сектора посвящено и большинство научно-организационных заседаний сектора. Главными задачами сектора считает: а) интенсификацию науки; б) приоритетное развитие фундаментальных исследований; в) применение новых прогрессивных форм организации научной деятельности; г) глубокое изучение марксистско-ленинской философии, разрабатывающей методологию научного познания; д) исследование закономерностей всемирно-исторического процесса; е) применение компьютерной техники и создание банка данных.

В плане реализации указанных задач были определены следующие главные направления исследований сектора: 1. Проблемы закономерностей социально-исторического развития; 2. Проблемы теории археологического познания; 3. Проблемы методики археологических исследований; 4. Вопросы развития зарубежной археологии.

Данные направления послужили основой для разработки конкретной тематики исследований сотрудников сектора на ближайшие годы.

За отчетный период сотрудниками были завершены плановые темы:

В 1985 г. И. С. Каменецкий написал раздел «Северо-западный Кавказ в VIII в. до н. э.—III в. н. э.» для издания «Археология СССР».

В 1986 г. написаны работы: А. А. Бобринский. Гончарные горны и мастерские в памятниках черняховской культуры; В. И. Гуляев (в соавторстве с В. А. Башиловым). «Новая археология» в странах Запада и ее оценка в советской археологической литературе; В. Б. Ковалевская. Центральное Предкавказье в древности и средневековье: Построение формализованной модели анализа керамики по индексам (на материалах керамики VIII—V вв. до н. э. Предкавказья); Хронология древностей Северного Кавказа IV—IX вв. н. э. (научное пособие); Э. В. Сайко. Специализированные производства в развитии обществ раннеземледельческих культур; А. А. Узянов. Хронология роменской культуры.

Сотрудники отдела принимали участие в полевых работах Института. А. А. Бобринский в 1985—1987 гг. работал в составе Патрейской экспедиции; В. И. Гуляев в 1985 г. — в Иракской экспедиции и в Острогожском отряде Воронежской скифской экспедиции; В. Б. Ковалевская в 1986—1987 гг. руководила Северо-Осетинской объединенной экспедицией; А. А. Узянов в 1985 и 1987 гг. работал в Центральночерноземном отряде; Э. В. Сайко в 1985—1986 гг. участвовала в работах Колхидской экспедиции и экспедиции ИА АН УзССР; Ю. Б. Цетлин в 1985—1987 гг. работал в составе Верхневолжской экспедиции и руководил отдельным отрядом в Калининской обл.; П. Ю. Черноситов в 1985—1987 гг. руководил отрядом Шпицбергенской экспедиции.

За отчетный период проведено 26 заседаний сектора в 1985 г., 31 — в 1986 г. и 31 — в 1987 г. На заседаниях заслушивались отчеты сотрудников по выполнению указанных плановых тем, а также научные доклады, посвященные различным аспектам разрабатываемой тематики (всего 36 докладов).

Кроме того, были заслушаны доклады сотрудников других секторов Института и других учреждений. В 1985 г.: В. И. Мельника (сектор новостроек) «Проблема преемственности в изучении археологических куль-

тур: Анализ археологических источников»; В. В. Генинга (сектор неолита и бронзы) «Диахронный анализ погребального обряда формализованно-статистическими моделями»; Г. П. Романовой (сектор новостроек) «Проблемы палеодемографии по материалам палеоантропологии (на материалах Северного Кавказа). В 1986 г.: Л. М. Плетневой (Томск) «К разработке методики обработки археологических материалов по жилищам»; Ю. Л. Щаповой (МГУ) «Проблемы классификации — теория и практика: По материалам Рабочего совещания по проблемам классификации в Пущине» и «Древнее стекло: Подходы и методы изучения»; О. Р. Квирквелия (Институт истории СССР АН СССР) «Археология и специфика археологических источников»; А. В. Харламова (сектор охранных раскопок) «О возможностях применения векторного количественного анализа в полевых исследованиях»; Г. Ю. Войтквичуса (Вильнюс) «Технические показатели керамического производства Вильнюса XIV—XVII вв.» В 1987 г.: А. В. Богачева (Куйбышев) «Хронология раннесредневековых комплексов Среднего Поволжья: Метод статистического анализа массового материала»; А. С. Смирнова (сектор охранных раскопок) «Взаимодействие общностей с традициями накольчатой и гребенчатой орнаментации керамики в неолите европейской части СССР: Теоретическая модель»; А. Л. Александровского (ИГАН) «Почвообразование и культурный слой», Ю. В. Павленко (Киев) «Становление раннеклассового общества», В. А. Шнирельмана (ИЭ) «Керамика как социологический показатель: По этноархеологическим данным»; В. А. Ранова (Душанбе) «Изучение палеолита в ФРГ»; В. В. Сидорова (сектор охранных раскопок) «Трансформация и смена культур в неолите Волго-Окского междуречья» и «Языковые семьи и археологические культуры»; проф. Н. Иоффе (США) «Древняя Месопотамия: Закономерности исторического процесса»; сотрудника музея Пибоди Ф. Хиберта (США) «О раскопках в Омане».

На совместных заседаниях отдела теории и методики с отделом скифо-сарматской археологии и сектором охранных раскопок обсуждались работы Г. Ф. Никитиной «Анализ погребального обряда и инвентаря могильника черняховской культуры у с. Оселивка»; В. Б. Ковалевской «Центральное Предкавказье в древности и средневековье»; М. В. Александровой «Поселения открытого типа с остатками палеолитических жилищ».

На совместных заседаниях с сектором охранных раскопок было проведено широкое обсуждение темы «Поселенческая археология», где с докладами по разным аспектам проблемы выступили И. С. Каменецкий, А. А. Узянов, Г. Е. Афанасьев, В. И. Кулаков, В. Б. Ковалевская, Н. А. Кренке, Я. М. Паромов.

На совместном заседании с отделом неолита и бронзы была обсуждена и рекомендована к защите кандидатская диссертация Ю. Б. Цетлина «Периодизация культур неолита и энеолита Верхнего Поволжья по данным морфологического и стратиграфического изучения керамики: Проблемы методики».

Обсуждена и рекомендована к защите кандидатская диссертация аспирантки Н. И. Салугиной «Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья: По материалам именьковской культуры» (руководитель А. А. Бобринский).

В отчетном периоде были предприняты первые шаги по координации совместных работ и исследований с другими подразделениями Института, а также других учреждений. По инициативе сектора было предложено редколлегии журнала «Советская археология» открыть раздел дискуссий и рекомендована в качестве такой темы статья В. А. Башилова и Э. Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии».

В государственный план Института распоряжением Президиума

АН СССР включена работа по научно-технической программе «Создать государственную автоматизированную систему научно-технической информации». Согласно указанной программе предусмотрено участие Института в создании и введении банка данных по отечественным и зарубежным источникам информации в области археологии. Сектором теории и методики подготовлен совместно с ИНИОН АН СССР план участия в разработке и внедрении сети автоматизированных центров научной информации по общественным наукам на 1986—1990 гг. Согласно утвержденному плану на 1986—1987 гг. предусмотрено участие сектора в обеспечении доступа к автоматизированному банку данных (АБД) ИНИОН. Дополнительно к этому плану сектором теории и методики на 1986—1987 гг. выполнена работа (Ю. Н. Захарук, В. Б. Ковалевская) по уточнению рубрик и дескрипторов к поисковой системе по опубликованной теоретической археологической литературе (документальный банк данных).

Центр научной информации по общественным наукам АН Грузинской ССР (ЦНИИОН) обратился в 1985 г. к сектору с просьбой обсудить и дать отзыв на Технорабочий проект автоматизированной информационно-поисковой системы по археологии пускового комплекса РАСНИОН АН ГССР. На заседании сектора был заслушан доклад по Технорабочему проекту сотрудников ЦНИИОН АН ГССР В. А. Гугушвили, О. М. Гарошидзе и В. А. Мерзоевой. В результате обсуждения сектором был подготовлен общий отзыв и вместе с отзывами сотрудников сектора (А. А. Бобринского, И. С. Каменецкого, В. Б. Ковалевской, А. А. Узянова, П. Ю. Черносвитова) направлен в ЦНИИОН АН ГССР. В ходе обсуждения Технорабочего проекта было принято решение о сотрудничестве с грузинскими коллегами по составлению типового формализованного описания поясных наборов (В. Б. Ковалевская) и погребальных сооружений (И. С. Каменецкий). Работа запланирована на 1986—1990 гг.

Сотрудники отдела принимали активное участие в работе методологического семинара Института. В рамках семинара отделом теории и методики было организовано обсуждение Кембриджского сборника «Марксистские направления в археологии». С докладами на обсуждении выступили Ю. Н. Захарук и В. И. Гуляев. В мае 1987 г. В. И. Гуляев выступил также с докладом «Современные тенденции в англо-американской археологии».

За отчетный период сотрудники отдела принимали участие в различных научных совещаниях, конференциях и симпозиумах, включая международные.

В 1985 г. В. И. Гуляев выступил с докладом «Экология и урбанизм в доиспанской Мезоамерике» на Всесоюзном симпозиуме «Экология американских индейцев» в г. Звенигород. На Всесоюзной археологической конференции в г. Баку с докладами выступили: И. С. Каменецкий. «Локальные варианты меотской культуры»; Э. В. Сайко. «Технико-производственные показатели исторического прогресса»; В. Б. Ковалевская. «Ареальный метод как оценка соотношения культурных традиций и инноваций по материалам памятников Предкавказья»; А. А. Узянов. «Погребальные памятники роменской культуры Курского Посеймья». На симпозиуме «Цхалтубо IV» с докладом «Меоты и греческая колонизация» выступил И. С. Каменецкий. На Всесоюзном совещании по применению комплексных методов в историко-археологических исследованиях в Москве с докладами выступили: А. А. Узянов. «Инженерно-геологические аспекты изучения культурного слоя роменских городищ»; В. Б. Ковалевская. «Географическая зональность и традиции домостроительства на Кавказе I тысячелетия до н. э.—I тысячелетия н. э.» А. А. Узянов выступил с докладом «Курское Посеймье в IX—первой четверти XI в.» на V конгрессе МКСА в Киеве. Г. Н. Матюшин и Е. Е. Кузьмина участвовали

в Уральском археологическом совещании в Тобольске. Г. Н. Матюшин участвовал также в работе Всесоюзной конференции по геохронологии четвертичного периода в Москве.

В 1986 г. В. И. Гуляев выступил с докладом «Эволюция верховной власти у древних майя» на III советско-американском симпозиуме в Вашингтоне. И. С. Каменецкий выступил с докладом «Усть-лабинский вариант меотской культуры» на конференции «Археологические исследования в зонах мелиорации» в Ленинграде. В. Б. Ковалевская выступила с докладом «Некоторые новые подходы к датировкам северокавказских памятников с использованием ЭВМ» на Крупновских чтениях в г. Орджоникидзе. А. А. Узянов и В. Б. Ковалевская участвовали также в работе школы-семинара «Математические исследования в исторических науках». В. Б. Ковалевская участвовала в конференции «Кавказ в системе евразийских культур эпохи раннего металла: Хронология, периодизация» в Сигнахи-Телави. Э. В. Сайко принимала участие в советско-французском симпозиуме «Городская среда и культура Бактрии, Тохаристана и Согда» в Самарканде. Ю. Б. Цетлин выступил с докладом «О методе периодизации древней керамики» на археологической конференции в Оренбурге.

В 1987 г. Ю. Н. Захарук и Э. В. Сайко участвовали в работе секции общей методологии науки III Международного конгресса по логике, методологии и философии науки в Москве. На Всесоюзной археологической конференции в г. Суздаль В. И. Гуляев руководил работой секции теории и методики; И. С. Каменецкий выступил с докладом «К определению дискретности качественных признаков»; В. Б. Ковалевская сделала доклад «Некоторые новые формализованные методы анализа керамики»; Э. В. Сайко — доклад «Общества раннеземледельческих культур как историческая система». В. Б. Ковалевская выступила с докладами «Методические подходы к анализу корчаг киммерийско-скифского времени» на Всесоюзной конференции в г. Кировоград и «Кавказский субстрат в передвижении ираноязычных племен на материалах Центрального Предкавказья I тысячелетия до н. э.» — на востоковедческой конференции в г. Орджоникидзе. На этой же конференции Э. В. Сайко выступила с докладом «Взаимодействие технологических и производственных структур по материалам раскопок и клинописных таблиц». П. Ю. Черносвитов выступил с докладом «Место Шпицбергена в системе колонизации русскими Крайнего Севера» на конференции, посвященной 200-летию археологического изучения Севера, в Ленинграде.

Кроме того, сотрудники отдела выступали с докладами на заседаниях других подразделений Института археологии и смежных организаций. Так, В. И. Гуляев прочитал доклады «Эволюция системы власти в земледельческих обществах древней Мезоамерики» на теоретическом семинаре отдела охранных раскопок и «Общинные структуры и их археологическое отражение» — на теоретическом семинаре отдела славяно-русской археологии. И. С. Каменецкий сделал доклад «Имущественная дифференциация и погребальный обряд» на заседании отдела охранных раскопок. Г. Н. Матюшин выступил с докладом «Каменный век Южного Урала» на заседании отдела каменного века Института археологии АН УССР.

Сотрудники отдела принимали участие в работе комиссии по применению естественнонаучных методов в археологии Московского общества испытателей природы. За отчетный период на заседаниях этой комиссии, посвященных теоретическим и методическим проблемам археологии, выступили с докладами И. С. Каменецкий. «Формула культурного слоя»; А. А. Узянов. «Культурный слой роменских городищ как источник данных по микроклиматическим исследованиям»; П. Ю. Черносвитов. «Системный подход к сложению социальных структур». П. Ю. Черносвитов

в соавторстве с Е. М. Андреевым сделал доклад, посвященный палеодемографическим проблемам, на заседании демографической секции Дома ученых.

Сотрудники отдела активно занимаются педагогической деятельностью. В отчетный период А. А. Бобринский руководил работой аспиранта и стажеров. В. И. Гуляев руководил работой аспиранта, читал спецкурс «Древний город: Структура и функции города в раннеклассовых обществах Старого и Нового Света» для студентов-иностранцев Воронежского университета, спецкурс «Археология Мезоамерики» для студентов-историков Новосибирского университета, прочитал цикл лекций в университетах США (Гарвардском, Пенсильванском и Брауна) на темы: «Археология в СССР на современном этапе» и «Изучение древних культур Латинской Америки в Советском Союзе» и др. И. С. Каменецкий читал для археологов разных организаций лекции по курсу «Формализация в археологии». Е. Е. Кузьмина читала курс лекций в Кемеровском университете по археологии бронзового века Западной Сибири.

Сотрудники отдела уделяли большое внимание популяризации научных знаний в области археологии. В 1985—1987 гг. опубликована книга Р. Эдберга «Письма Колумбу: Дух долины» (М., 1985) с предисловием и комментариями В. И. Гуляева и Г. Н. Матюшина. В. И. Гуляев опубликовал ряд статей и предисловий к книгам, вышедшим в научно-популярных изданиях. Г. Н. Матюшин опубликовал научно-популярные книги «Три миллиона лет до нашей эры» и «У истоков человечества» (на вьетнамском языке). Ю. Б. Цетлин прочел восемь лекций студентам-практикантам в течение полевого сезона. В. Б. Ковалевская выступала по северо-осетинскому радио и телевидению с лекциями об охранных раскопках.

Большое внимание сотрудники отдела уделяют расширению и укреплению научных связей с краеведческими, историческими и археологическими организациями страны, а также координации научной деятельности. И. С. Каменецкий поддерживает постоянные научные связи с Краснодарским краеведческим музеем, В. Б. Ковалевская — с Северо-Осетинским университетом по вопросам совместных полевых работ.

Сотрудники отдела вели большую консультативную работу с археологами других организаций и специалистами смежных областей. В этой работе принимали активное участие А. А. Бобринский, Ю. Б. Цетлин, Э. В. Сайко — по вопросам изучения керамики; Ю. Н. Захарук — по вопросам теории археологического познания; И. С. Каменецкий, В. Б. Ковалевская, А. А. Узянов — по вопросам применения формализованных методов в археологии.

Сотрудники отдела участвуют также в научных контактах с зарубежными специалистами и организациями. В. И. Гуляев побывал в научных командировках на Кубе, в США, а также Перу, Эквадоре, Колумбии с группой ССОД для пропаганды решений XXVII съезда КПСС и достижений советской науки.

При отделе создана подсобная библиотека литературы по философским и методологическим проблемам науки, а также картотека по проблемам теории и методики в археологии.

¹ Генинг В. Ф., Захарук Ю. Н., Каменецкий И. С., Клейн Л. С., Массон В. М., Федоров-Давыдов Г. А. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии в СССР // Теа. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 6—10.

² КСИА. М., 1978. Вып. 152.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ В АРХЕОЛОГИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

16 и 23 декабря 1987 г. в Институте археологии АН СССР состоялось рабочее совещание по общим проблемам изучения древних поселений, организованное отделом теории и методики совместно с сектором охранных раскопок.

Открывая совещание, В. И. Гуляев отметил, что главная его цель — привлечь внимание специалистов к социологическому аспекту в изучении древних поселений и к тем методам и приемам, которые используются в современной археологической науке в нашей стране и за рубежом.

В 50-х годах в США окончательно сформировалось особое направление в археологической науке — «археология поселений» (*settlement pattern archaeology*) или, точнее, «археология изучения способов человеческого расселения», основателем и признанным лидером которого является Г. Р. Уилли¹. Этот исследователь под влиянием идей известного американского этнографа Джулиана Стюарда еще в конце 40-х годов осуществил широкомасштабный проект по изучению древних поселений в долине Виру, на северном побережье Перу. Впервые в практике американской археологии древние памятники целого географического района подверглись сплошному обследованию. Для всей территории долины были составлены подробные карты, для чего широко использовались данные аэрофотосъемки. Хронологические рамки бытования памятников определялись как путем их раскопок, так и на основании зондажей (шурфов) и сборов подъемного материала. В результате своих работ Г. Р. Уилли установил основные изменения в характере расселения человеческих групп в пределах небольшой горной долины на протяжении свыше полутора тысяч лет (от рубежа нашей эры до конквисты) и «увязал» эти изменения с социально-экономическими процессами и историческими событиями². Позднее полученные в Перу методы и навыки были успешно применены археологами США и при изучении древних поселений майя в Белизе³.

Именно тогда и сложились окончательно основные концепции так называемой археологии поселений, занимающей и поныне весьма важное место в повседневной практике исследователей США и Западной Европы. Суть этих концепций состоит в признании огромной роли изучения древних поселений для реконструкции социально-экономических институтов оставшего их человеческого общества. «Поселения, — подчеркивает Г. Р. Уилли, — представляют собой более прямое отражение социальной и экономической деятельности древнего человека, чем большинство других аспектов культуры, доступных археологу»⁴.

Сам Г. Р. Уилли определяет термин «*settlement patterns archaeology*» как «способ, которым человек размещает себя на окружающей местности. Это относится к жилищам, их местонахождению, характеру и расположению других зданий, связанных с жизнью общины. Поселения отражают природную среду, уровень технологии, на котором действуют их строители и различные институты социального взаимодействия и контроля для поддержания стабильности данной культуры»⁵.

Близкое определение дает и канадский археолог Б. Триггер. «Я предлагаю, — пишет он, — определять „археологию поселений“ как изучение социальных связей с использованием археологических данных. Это изучение должно акцентироваться как на синхронном (или структурном), так и диахронном (или эволюционном) аспектах этих связей»⁶.

Методически этот новый подход к изучению древних поселений выразился в использовании трех структурных уровней анализа: микроуровень (анализ отдельных построек, выявление их функционального назначения и времени бытования); уровень целого памятника (поселение как единый и сложный социальный организм); макроуровень (региональное исследование синхронных памятников)⁷.

По мнению многих западных археологов, «археология поселений» — это изучение изменяющегося характера человеческих поселений во времени и пространстве; она является частью общего анализа адаптивных взаимодействий между человеком и его природным окружением. Характер поселений определяется многими факторами, важнейшие из которых — природная среда, хозяйственная система, уровень технологии, политическая и социальная организация, демографические показатели⁸.

При изучении общего характера расселения древнего человека большое значение имеет использование картографического метода, когда при сплошном обследовании района на карты наносятся по периодам группы синхронных памятников.

Пространственный анализ в археологии сопряжен с применением целого ряда сложных методов, заимствованных у географов: здесь и «кластерный анализ», и «теория центрального места» (по В. Кристаллеру) и другие концепции⁹.

В рамках направления «археологии поселений» особое место занимает так называемый экологический подход и связанные с ним методы определения «продуктивности» (carrying capacity) данной территории или района и «ресурсной зоны» (site catchment) поселений.

Первый метод прямо связан с палеодемографическими подсчетами. «Продуктивность» — это максимальное количество людей, которое может обеспечить всем необходимым данный участок земли или район при существующей системе хозяйства и определенном уровне технологии.

«Ресурсная зона» — это территория вокруг данного поселения на расстоянии, легко достижимом пешком (до 3—5 км в один конец), откуда жители поселка получают основную массу своих естественных (диких) и производимых ими самими жизненно важных ресурсов (пищи, сырья и т. д.). Чем дальше расположены искомые ресурсы от поселения, тем меньше вероятность их использования его жителями¹⁰. Практическое применение указанных методов позволяет исследователю (при сплошном изучении какого-либо микрорайона) выявить не только постоянные поселения разных типов и размеров, но и временные стоянки, лагерь, места добычи пищевых и сырьевых ресурсов¹¹.

Вместе с тем «археологию поселений» отнюдь не следует полностью отрывать от традиционной археологии. Интерес к древним поселениям — давнее явление в археологической науке. Еще с XIX в. археологи обычно снимали планы изучаемых поселений, наносили их на карту, а в ряде случаев и исследовали расположение археологического памятника на местности, в условиях определенного природного ландшафта. Однако верно и то, что до недавнего времени в археологии почти не появлялось трудов, где древнее поселение служило бы главным объектом широкого социологического рассмотрения или в которых исследовалось бы размещение отдельных элементов и черт культуры в пределах данного поселения и анализировалась бы их взаимосвязь. Отсутствовали и работы, посвященные анализу

синхронных поселений в рамках определенного географического района или области, выделению иерархических рядов поселений. Все это появилось в англо-американской археологии лишь в 50—60-х годах нашего века. Таким образом, здесь налицо не смена традиции, а смена акцентов в изучении древних поселений.

Справедливости ради надо упомянуть и то, что многие идеи лидеров «археологии поселений» для советской исторической науки были отнюдь не новы. Еще в 20—30-е годы археологи нашей страны всячески подчеркивали в своих трудах необходимость широкого изучения поселений для успешной социально-экономической реконструкции структуры древних обществ и успели воплотить многие идеи в реальные дела¹². Правда, впоследствии вкус к такого рода социологическим исследованиям поселений был во многом утерян. И наша задача состоит сейчас в том, чтобы, используя все положительное из накопленного советской и зарубежной наукой, вновь возродить общий интерес археологов СССР к социологическому анализу древних поселений.

После вступительного слова В. И. Гуляева были заслушаны доклады И. С. Каменецкого «Жилище и форма семьи у меотов», А. А. Узянова «Структура городищ роменской культуры», Г. Е. Афанасьева «Иерархия салтовских поселений долины р. Оскол», В. И. Кулакова «Поселенческая ситуация Самбии во II—XII вв. н. э.», В. Б. Ковалевской «Метод Кристаллера и определение сельскохозяйственной территории поселений алан IV—IX вв. по данным сплошных разведок», Н. А. Кренке «Система поселений железного века в бассейне Москвы-реки» и Я. М. Паромова «Карта археологических памятников Таманского полуострова».

В докладе И. С. Каменецкого сделана остроумная попытка увязать характер домостроительства у меотов Прикубанья, точнее группировки («скопления») отдельных жилищ, с наличием большесемейных патрилокальных коллективов.

На Подазовском городище, оставленном меотами, были исследованы остатки 34 жилищ. Из них только 11 или 12 сохранились настолько полно, что мы можем уверенно говорить об их устройстве. Только в двух жилищах имелись большие «хлебопекарные» печи. Из этнографии мы знаем аналогичные случаи, когда в условиях существования большой семьи пища готовилась только в одной хижине, где жила старшая пара. Остальные хижины занимали семьи детей и внуков этой пары. Представляется, что и в данном случае имеется свидетельство существования у меотов большой семьи.

Исходя из раскопок Подазовского городища, мы можем допустить, что большая семья объединяла здесь население пяти-шести хижин. Если предположить, что в «главной» хижине жило два человека, а в остальных — по пять (супруги и их дети), то численность большой семьи у меотов составит 22—27 человек. Если исходить из кавказской этнографии, то одну хижину можно считать гостевой. Можно допустить и существование в семье одиноких членов. При реализации одного из этих допущений состав семьи будет колебаться от 17—18 до 22—23 человек. В среднем на одну хижину это дает 3,4—3,8 человека.

На материалах Подазовского городища был доказан домашний способ производства лепной керамики. Основывалось это на индивидуальных особенностях ее в соседних комплексах. Такая ситуация могла возникнуть только в том случае, если изготовители лепной керамики приходили в большую семью из разных мест. Если мы примем, вслед за Полиеном, что семья у меотов была патрилокальна, то, следуя логике, вынуждены будем признать, что лепную керамику делали женщины, что хорошо согласуется

с нашими традиционными представлениями. К сожалению, данное заключение не может иметь обратной силы, так как у нас нет никаких фактов, подтверждающих, что лепную керамику делали именно женщины.

Гипотеза о большой семье у меотов, если ее принимать, ведет к пересчету численности меотского населения, что было сделано Г. П. Романовой и автором в отношении усть-лабинской группы меотов. Если принимать 3,5 человека на хижину, то число жителей правобережья усть-лабинской группы снизится с 61 889 до 43 322 человек. Это в свою очередь сократит полосу сплошной запашки с 7,26 до 5,08 км, а при учете кормежки скота, перелогов, дорог, неудобий и пр. — с 44,91 до 31,44 км. Полученные цифры, конечно, предпочтительнее первоначальных, хотя и остаются еще, как представляется, чрезмерно большими.

Широко распространенная гипотеза о том, что потомками меотов являются адыги и что меоты входили в адыго-абхазскую языковую семью, дает нам повод обратиться к этнографии адыгов. Для нас несомненный интерес представляет тот факт, что у адыгов существовала большая семья именно того типа, который реконструирован на основании меотских археологических материалов.

Планиграфической структуре роменских городищ Курского Посеймья посвятил доклад А. А. Узянов. Он отметил, что в 70—80-е годы значительно расширилась источниковедческая база для изучения планиграфической структуры древних поселений рассматриваемого региона, а это очень важно, так как для планиграфического анализа необходимо иметь ряд сопоставимых памятников, раскопанных значительной площадью. Он имел в своем распоряжении следующий фонд источников: Новотроицкое городище (раскопано полностью, выявлено 50 жилищ); Большое Горнальское городище (раскопана $\frac{1}{4}$ площади, выявлено 22 жилища); Переверзевское городище (раскопана $\frac{1}{3}$ площади, выявлены 23 постройки); Мешковское городище (раскопано на $\frac{1}{3}$, выявлены кузница и хозяйственные постройки); селище Жерновец (раскопано $\frac{4}{5}$ площади, выявлены 72 постройки).

Изучение планировочной структуры опирается в первую очередь на выделение стратиграфических горизонтов в истории жизни на каждом из указанных памятников. Стратиграфически установлено, что рассматриваемые поселения пережили несколько разрушительных пожаров, охватывавших всю площадь поселений (изученную раскопками), и соответственно несколько раз отстраивались заново. Установлены как о т н о с и т е л ь н а я последовательность всех, так и а б с о л ю т н а я датировка некоторых из этих периодов; проведена синхронизация сооружений в пределах каждого из поселений и синхронизация «стратиграфических горизонтов» всех поселений. Таким образом, исходные данные позволяют изучить динамику планировочной структуры поселений по достаточно дробной хронологической шкале, охватывающей 250 лет (IX — первая половина XI в.), разделенных на пять хронологических периодов.

В пределах хронологического диапазона существования культуры отмечены изменения не только планировочной структуры каждого из памятников, но и конструктивных особенностей сооружений, в первую очередь жилых, а также существенные изменения в конструкции печей и группировке хозяйственных построек относительно жилищ. Основными, общими для всех памятников являются следующие характеристики застройки площадки городищ:

а. Застроена всегда (во все периоды) лишь часть площадки. В ранние периоды истории на ней расположено не более 10 % всех выявленных жилых и хозяйственных сооружений. Они всегда вытянуты вдоль укрепленной, обращенной к реке (и наиболее протяженной) части городища.

б. По мере перестроек и «реконструкций» постройки «отодвигаются» к центру городища и к мощным укреплениям у напольной его части. Доля построек периодов расцвета достигает не более 50 % всех выявленных сооружений.

в. В тех случаях, когда зафиксирован период «упадка» в строительной активности (Новотроицкое и Переверзевское городища), отчетливо выделяются сокращение числа жилищ (не более 10 % от всех изученных) и концентрация их в компактную группу в центре городища.

г. Во всех «стратиграфических горизонтах» (периодах) фиксируется физическое преобладание незастроенной площади над занятой постройками. Всюду на городищах отмечено и хозяйственное освоение заброшенных котлованов вышедших из употребления жилищ — устройство в них кузниц, свалок для мусора, нивелировка и т. п.

Удалось также констатировать устойчивую бинарную оппозицию в составе керамического комплекса роменских поселений. Две группы (по составу типов посуды домашнего производства, по приемам ее орнаментики, по составу привозной круговой посуды — салтовской и древнерусской, по образцам имитации этого «импорта» навыками традиционного роменского гончарства) прослежены на всем протяжении существования культуры (во всех выделенных хронологических периодах). На каждом поселении отмечены как общие для культуры, так и ярко выраженные индивидуальные тенденции в изменениях процентного соотношения перечисленных характеристик керамического комплекса.

Отраженная в керамическом комплексе из жилищ и построек бинарная структура организации населения роменских городищ находит определенные проявления в территориальном размещении этих групп на площади поселений, в конструктивных особенностях сооружений, в занятиях металлургическим, гончарным, охотничьим и прочими промыслами и имеет, видимо, некую корреляцию с социальными и этнографическими характеристиками населения.

В заключение отметим, что с середины X в. наблюдается последовательное нарастание интеграционных процессов во всех проявлениях бинарности материальной культуры.

Доклад Г. Е. Афанасьева был посвящен одной из актуальных задач изучения системы салтовских поселений бассейна среднего Дона — проблеме перехода на качественно новый уровень исследования: от формального картографирования памятников и их субъективного сопоставления к изучению археологических карт, путем создания проверяемых моделей пространственной археологии. Этому благоприятствуют два обстоятельства. Во-первых, активные археологические разведки в регионе, проводимые с начала 70-х годов, способствовали значительному пополнению банка археологических источников, требующих интерпретации. Во-вторых, значительно усилились и поиски методических приемов изучения пространственных связей археологического материала с помощью количественных статистических процедур анализа.

В работе рассмотрено 68 долговременных салтовских поселений, открытых на 130-километровом участке лесостепного Приосколья в результате разведок Н. Е. Макаренко, Г. Ф. Денисенко, С. А. Плетневой, А. Г. Николаенко, Г. Е. Афанасьева. Все они тяготеют к реке и образуют компактный район, выделение которого в качестве самостоятельной территориальной единицы в общей системе поселений Салтовской земли проиллюстрировано методом дескриптивного статистического анализа «ближайшего соседства», путем расчетов степени случайности распределения. В итоге докладчик пришел к выводу о том, что данную выборку памятников можно с большим основанием отнести к типу сгруппированных

поселений, чем к типу поселений со случайным распределением на местности.

Следующий вопрос — определение размеров поселений с помощью правила Ципфа и правила «ранг—размер». Это правило, базирующееся на предположении о взаимосвязи между размерами поселений и их рангом — значением среди других в данном регионе, подразумевает, что изменение размеров поселений было результатом экономических, политических и других явлений. Использование этого метода позволило Г. Е. Афанасьеву определить специфику салтовских населенных пунктов и их место в типологии поселений, а также систематизировать памятники для последующего изучения путем моделирования транспортной сети в регионе.

Сопоставление археологической карты распределения салтовских поселений с особенностями рельефа местности позволило смоделировать транспортную сеть этого региона. Она состоит из 27 отрезков, объединявших между собой 23 крупнейших населенных пункта. Реконструированная транспортная сеть региона была охарактеризована и оценена с помощью ряда критериев и индексов, наиболее существенна из которых «мера центральности» того или иного населенного пункта. Ее Г. Е. Афанасьев определяет двумя взаимопроверяемыми методами: путем определения ассоциативного номера и путем исчисления «чисел Кёнига». Анализ модели реконструированных транспортных артерий региона показал, что наиболее «связанной» оказалась зона, ограниченная 8-километровым радиусом вокруг Ютановского городища, которое предстает как общее центральное место для всех салтовских поселений лесостепного Приосколья.

Для определения взаимосвязей салтовских поселений Г. Е. Афанасьев использовал так называемую гравитационную модель, в которой основными компонентами являются размеры поселений и расстояние между ними. В результате докладчику удалось выделить восемь блоков-микрорегионов, в основе каждого из которых лежит центральное поселение, окруженное мелкими поселениями-сателлитами. Центральные поселения микрорегионов выступают как центры более низкого порядка, чем общее центральное место всего региона. Можно с уверенностью говорить о том, что именно центральные поселения выполняли функции по обеспечению защиты населения в своих микрорегионах, так как все другие населенные пункты не имеют следов фортификационных сооружений. Кроме того, центральные поселения выступали и как места по организации торговли в своих микрорегионах. Поселения-сателлиты выполняли функции сельскохозяйственно-ремесленных объединений.

Таким образом, Г. Е. Афанасьеву удалось показать, что изучение пространственных связей между поселениями на макроуровне создает предпосылки для получения качественно новой информации о долговременных поселениях лесостепного Приосколья.

Проблемы пространственной археологии (*spatial archaeology*), выяснение динамики заселения древних регионов, определение границ племенных территорий в последнее время все более привлекают внимание исследователей прошлого Прибалтики. В этой связи следует упомянуть доклад В. И. Кулакова о развитии системы расселения древних пруссов в течение II—XIII вв. в пределах четко выраженного микрорегиона полуострова Самбия (Калининградский полуостров) на побережье Балтийского моря. В. И. Кулаков прослеживает все нюансы в изменении типов местных поселений (разнообразных городищ и селищ) и могильников, фиксирует общее их количество на каждом хронологическом отрезке и, наконец, приводит довольно обоснованные демографические расчеты (так, поправляя пись-

менные источники XIII в., В. И. Кулаков считает, что пруссы Самбии смогли противопоставить натиску Тевтонского ордена не более 300 воинов-дружинников, а вместе с челядью и ополченцами — до 1 тыс. человек).

О применении новых методов пространственного анализа при изучении систем расселения древнего человека говорилось в докладе В. Б. Ковалевской. Сплошное обследование правых притоков р. Подкумок позволило определить, что поселения, расположенные часто группами по два—четыре, находились на удобных скотопрогонных путях на летние пастбища, у источников, на мысах над долиной реки. Приводились наблюдения над топографией поселений в микрорегионах, чему способствовали сплошные разведки по долинам правых притоков Подкумка, позволившие определить размеры сельскохозяйственной территории, тяготеющей к каждому населенному пункту. Используя выработанный западноевропейскими учеными эффективный и простой кристаллеровский метод моделирования путем построения шестиугольников, сопоставленных с естественными границами расчлененных речными долинами плоскогорий, удалось определить, что площади эти при колебании от 1 до 5 кв. км концентрируются вокруг значения в 3,3 кв. км, что соответствует среднему расстоянию между крепостями около 2 км. Эти данные были сопоставлены с материалами верхнего течения Кубани, где расстояние вдвое больше при площадях 6, 8 и 10,3 кв. км, и с картами средней и южной Галлии, где наблюдается такое же систематическое расположение аланских поселений на торговых путях, реконструированных по данным топонимики со средними расстояниями между поселениями от 4 до 40 км. В последнем случае значительно бóльшие размеры сельскохозяйственной территории находят объяснение в занятии западных алан в V в. н. э. скотоводством. Запрошенные ими на условиях несения военной службы земли (как мы знаем по Бахраху) вдвое превышали те площади, которые им собирались дать, исходя из того, что они занимают земледелием. Анализ сельскохозяйственной территории, относящейся к каждой раннеаланской крепости, говорит о том, что это были равные по социальному смыслу и хозяйственному укладу поселения, а их расположение группами, однотипность, структурная близость, зрительная связь, даты связанных с ними могильников свидетельствуют об их одновременности и взаимосвязанности. Эти данные В. Б. Ковалевская сопоставила с соответствующими картами и схемами из работ Ходдера, Хиггса, Вита-Финци, рассмотрела точку зрения И. Пригожина о возможностях применения метода Кристаллера в археологии. Метод анализа окрестностей можно применять при сплошном обследовании и для могильников I тысячелетия н. э. в том случае, если есть основание предполагать, что одному могильнику соответствует одно поселение.

Н. А. Кренке в докладе рассказал о системе поселений железного века в бассейне Москвы-реки. Автор использует данные о 162 поселениях дьяковской культуры и исследует их на двух уровнях — микро- и макрорегиональном. В качестве эталонных микрорегионов рассмотрены наиболее полно обследованные участки среднего течения рек Пахра, Истра, окрестности Дьякова городища в Москве. Анализ материалов микрорегионов позволил установить: 1. Все крупные и средние длительно функционировавшие городища были окружены значительным числом (три—пять) сезонных (?) неукрепленных поселений. Экстраполяция этих данных, полученных по микрорегионам, на бассейн Москвы-реки в целом дает возможность примерно оценить количество еще не найденных селищ дьяковского времени. 2. Взаиморасположение дьяковских селищ и городищ, сопоставленное с результатами изучения систем поселений земледельцев в Европе и Азии, проведенного Чишольмом, Хиггсом и др., позволяет выдвинуть предположение, что носители дьяковской культуры уже на

начальных этапах ее развития занимались земледелием, которое определяло систему расселения. Это предположение хорошо коррелируется с палеоботаническими данными.

Изучение системы поселений железного века в бассейне Москвы-реки, проведенное на макрорегиональном уровне, позволило охарактеризовать динамику численности населения в изучаемом регионе на протяжении 1,5 тыс. лет, предположительно определить размеры территориальных субпопуляций, на которые подразделялось дьяковское население бассейна Москвы-реки, и количество этих субпопуляций.

В заключительном докладе Я. М. Паромова речь шла о принципах выявления системы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху. На протяжении полутора столетий Таманский полуостров являлся полигоном, на котором развивалась и совершенствовалась отечественная археология. Все это время на повестке дня стояла задача сплошного обследования территории полуострова. В последние годы эта задача получила разрешение в результате исследований Разведочного отряда Института археологии АН СССР, базировавшихся на новой методической основе. Целью доклада явилось освещение методики этих исследований, связанных с «поселенческой археологией».

Комплексный метод, выработанный в процессе пятилетних исследований, включает изучение свидетельств древних и средневековых авторов, данных предшествующих и современных исследований памятников археологии Таманского полуострова. Впервые для данного региона были привлечены аэрофотосъемки и современный картографический материал. Это позволило сделать объектом исследований не отдельное поселение или группу памятников, а систему расселения на данной территории в целом, проследить ее изменение во времени. Полный комплекс работ включал в себя полевые исследования, обработку коллекций и их анализ.

При обследовании были привлечены архивные аэрофотосъемки Главного управления геодезии и картографии 1958—1974 гг., производившиеся в топографических целях. Обращение к архивным аэрофотосъемкам раскрывает широчайший по охвату новый источник в археологических исследованиях, привлечение которого связано с минимальными финансовыми затратами. Следует особо отметить информативную ценность этого источника при изучении организованной сельскохозяйственной территории (хоры) античных государств Северного Причерноморья. Это было убедительно доказано исследованиями А. Н. Щеглова, успешно применившего архивные аэрофотосъемки при изучении земельного кадастра Херсонеса. Исследования Я. М. Паромова были обеспечены аэрофотосъемками, картами и планами землепользования совхозов единого масштаба 1 : 10 000 (в 1 см — 100 м). Этот материал в силу точности снимает всякие проблемы, связанные с привязками, поиском и отождествлением памятников.

Высокая степень информативности плановых аэрофотосъемок Таманского полуострова объясняется тем, что практически все земли здесь в настоящее время распаханы. Распашка обнажила следы деятельности человека на протяжении многих веков. Эти следы, зафиксированные на аэрофотоснимках, в совокупности составляют достаточно полное отображение системы расселения с основными ее элементами. Осветленные пятна поселений на снимках связаны темными лентами древних дорог, а сельскохозяйственная территория расчерчена светлыми размытыми линиями межевания полей античного времени. Следует отметить, что основным строительным материалом на полуострове в античное время и в средневековье служил сырец, что и определяет эти признаки. В первом приближении эти линии всегда светлее окружения. Разница во времени

между античными и средневековыми поселениями обуславливает более яркое изображение последних. Масштаб аэрофотосъемок при благоприятных обстоятельствах позволяет проследить внутреннюю структуру поселений.

Особое внимание было уделено определению границ памятников. Истинные границы поселения с учетом их динамики могут быть определены лишь в результате полного археологического исследования всего объекта. Поэтому в докладе автор опирался на понятие «границы памятника», которые отождествлялись с реальными границами распространения подъемного материала, а также границами, образованными природной средой. В условиях Таманского полуострова практика полевых исследований показала достаточно четкую выраженность границ памятников, а также их совпадение с данными аэрофотосъемок.

Одной из основных является проблема репрезентативности подъемного материала при определении периода существования поселений. Предварительные датировки в докладе построены на фрагментах амфор — самом массовом материале поселений античного времени. Датировка ряда типов амфор, пересматриваясь, будет уточняться и в дальнейшем, но это может внести в работу лишь систематическую корректировку.

Касаясь подъемного материала, следует отметить существующую убежденность исследователей в том, что он дает лишь ориентировочную дату, преимущественно верхнюю. Однако, отображая верхний горизонт культурного слоя памятника, подъемный материал является тем самым производным процесса формирования культурного слоя в целом. В процессе активной жизнедеятельности поселения происходит постоянный вынос на дневную поверхность материалов более ранних слоев. Это приводит к тому, что любой отдельно рассматриваемый слой, как правило, наряду с присущими только ему элементами (материалами) в той или иной мере содержит в себе материалы всех более ранних слоев. При этом материалы нижних слоев в количественном отношении иногда преобладают. Эти наблюдения позволяют предположить, что подъемный материал достаточно полно отражает время существования поселения. Сопоставление датировок по данным раскопок и разведок, проведенное почти по 30 памятникам — всем поселениям, когда-либо подвергавшимся раскопкам, — достаточно наглядно убеждает в надежности определения периода существования поселений по подъемному материалу.

Итогом исследований Разведочного отряда явилась «Археологическая карта Таманского полуострова», на которой обозначено 217 поселений античного времени. Из них 120 ранее никем не были зафиксированы. Кроме того, впервые выявлено и обследовано более 100 км древних дорог, а также прослежено по аэрофотосъемке деление земельных наделов античного времени на площади около 450 кв. км.

¹ Willey G. R., Sabloff J. A. A History of american archaeology. San Francisco, 1974. P. 148—150.

² Willey G. R. Prehistoric settlement patterns in the Viry Valley // BAEB. Washington, 1953. N 155.

³ Willey G. R., Bullard W. a. o. Prehistoric settlements in the Belize Valley, British Honduras // PPM. Cambridge Mass., 1965. V. 54.

⁴ Willey G. R. (ed.). Prehistoric settlement patterns in the New World // VFPA. N. Y., 1956. N 23. P. 1.

⁵ Ibid. P. 1.

⁶ Trigger B. G. Settlement archaeology — its goals and promise // American Antiquity. Washington, 1967. V. 32, N 2. P. 151.

⁷ Green E. L. (ed.). In search of man. Boston, 1973. P. 311.

⁸ Fagan B. M. In the beginning: An Introduction to archaeology. Boston, 1981. P. 379.

⁹ Ibid. P. 379; Hodder I., Orton C. Spatial analysis in archaeology. Cambridge, 1976; Clarke D. L.

Spatial archaeology. London, 1977.

¹⁰ Roper D. C. The Method and theory of site catchment analysis: A Review // Advances in archaeological method and theory. N. Y., 1979. V. 2. P. 120—142.

¹¹ Façon B. M. In the beginning. . . P. 397, 398.

¹² Брюсов А. Жилище: История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926; Киселев С. В. Поселения: Социологический очерк // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. М., 1928. Т. 2.

В. И. ГУЛЯЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В АРХЕОЛОГИИ

16 и 17 февраля 1988 г. в Институте археологии АН СССР состоялось рабочее совещание по проблемам интерпретации погребального обряда, организованное отделом теории и методики совместно с сектором охранных раскопок. Было прочитано семь докладов: В. И. Гуляева «Проблемы интерпретации погребального обряда в современной англо-американской археологии», В. Б. Ковалевской «Работа В. А. Алекшина „Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ“: Критический обзор», В. И. Мельника «Погребальная практика и погребальный обряд», А. Н. Гея «Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы: По погребальным памятникам Прикубанья», В. И. Кулакова «Вожди прусской дружины по данным могильника Ирэкапинис: К методике выделения», С. Н. Корневского «Погребальный обряд как археологический источник: По данным докобанского периода Центрального Предкавказья» и Ю. А. Смирнова «Ходячие истины или соотношение обыденного и научного познания в археологических реконструкциях: Погребальный обряд».

Интерес археологов к материалам из погребений и погребальному обряду объясняется тем, что традиционно это один из основных археологических источников. Опираясь на его анализ, мы реконструируем историю, быт, духовную и материальную культуру, идеологические представления, социальное устройство, уровень развития общества, его традиционность и подверженность влияниям и т. д., т. е. весь спектр вопросов, которые мы пытаемся решить с большими или меньшими объективными основаниями для воссоздания истории общества, оставившего могильные памятники.

Задача заключается в оценке системы знаний, которая сложилась в науке, и путей изучения, отражающих общие закономерности. Важно выяснить, наблюдаются ли единство во взглядах и подходах к этому виду источников, взаимопонимание и единство терминологии.

В советской археологической литературе только в самые последние годы появилось несколько монографий (Е. П. Бунятян, Г. Ф. Никитина, В. А. Алекшин), сюда же следует отнести работы И. С. Каменецкого. В них на разном материале (причем конкретно привязанном в пространственно-временном плане) поставлен вопрос о разрешающих возможностях использования этого вида источников и тех требованиях, которые исследователи предъявляют к анализу на разных его уровнях. В целях дальнейшей разработки теоретических и методических подходов к анализу и интерпретации погребальных обрядов древности и было организовано данное совещание.

Ниже кратко излагается содержание четырех докладов, поскольку остальные три (А. Н. Гея, В. И. Мельника и Ю. А. Смирнова) публикуются в настоящем выпуске.

В выступлении, открывшем совещание, В. И. Гуляев охарактеризовал в общих чертах теоретические и методические подходы, которые используют в настоящее время при анализе погребального обряда представители западной, главным образом англо-американской, археологии. В основу доклада положен критический обзор коллективной монографии «Археология смерти», опубликованной в Кембридже в 1981 г.¹, а также работы Дж. А. Брауна², Дж. А. Тэйлора³, Л. Р. Бинфорда⁴ и П. Ако⁵. Особенно важный вклад в исследование погребального обряда внес признанный глава «новой археологии» Запада — Л. Р. Бинфорд. Основные свои идеи на этот счет он опубликовал в 1971 г.⁶ Его работа состоит из трех больших частей. В первой он дает критический разбор концепций этнографов конца XIX в., занимавшихся изучением погребального обряда. В трудах Э. Тэйлора и Дж. Фрэзера форма захоронения умершего анализировалась в рамках «примитивной религии»: идеи и верования считались главными причинами появления специфических погребальных обрядов. Л. Р. Бинфорд рассматривает эту точку зрения как «рационалистско-идеалистическую».

Совершенно иные перспективы открываются при знакомстве с трудами этнографов — последователей школы Дюркгейма — Р. Хертца и А. Ван Геннепа. Эти ученые связывали захоронение умершего с различными аспектами социальной системы. Различия в погребальных обрядах могли быть вызваны, по их мнению, различным статусом умерших индивидов внутри данного общества и таким фактором, как способ (причина) смерти. Кроме того, погребальные обряды следует понимать, как и другие «обряды перехода», как знак перемены в статусе индивида, в данном случае — как «переход» умершего члена общества в «мир мертвых». Однако этот теоретический подход не получил еще широкого признания у западных археологов.

Вторую часть работы Л. Р. Бинфорда составляет критический анализ «историко-нормативного» и «культурно-исторического» направлений в изучении погребального обряда. Особое внимание уделяет он критике взглядов А. Кребера, который доказывал, что погребальные обряды менее, чем другие черты культуры, полезны при реконструкции истории культуры, поскольку они весьма не стабильны. Эта нестабильность связана с изменчивостью человеческого поведения, похожего на изменчивость моды. Л. Р. Бинфорд отвергает тезис о нестабильности, указывая на ряд примеров погребальных обрядов, демонстрирующих завидную устойчивость.

И наконец, завершает эту работу разбор этнографических аналогий, используемых при интерпретации погребальных обрядов. Автор доказывает, что формы, представленные в погребальной практике символами, не должны смешиваться с тем, что в действительности символизируется. Так, различные способы захоронения — ингумация, кремация и др. — могут в разных обществах иметь разное значение. Если же просто сопоставить эти символы и вывести в итоге некие формальные взаимосвязи между двумя (и более) обществами, как это часто делается представителями «культурно-исторической» школы, то это будет чисто иллюзорным предпринятием. Но какие же именно аспекты социальной организации общества могут быть символизированы в погребальном обряде? По Л. Р. Бинфорду, это, во-первых, «социальная личность» умершего; во-вторых, состав и величина социальной группы, выражающей в обряде свое отношение к умершему. Главные показатели «социальной личности», которые выявляются в погребальной практике, это возраст, пол, социальное положение, социальные связи, условия и место смерти. Основной вывод автора — форма

и структура, характеризующие погребальную практику любого общества, есть отражение формы и организационных особенностей самого этого общества.

Правомерность «социального подхода» к погребальному обряду, выдвигаемого Л. Р. Бинфордом, подкрепляется и исследованиями А. А. Саксе на основе этноисторических источников Новой Гвинеи, Западной Африки и Филиппинских островов⁷. Всецело разделяют его и авторы (из США, Англии и Дании) уже упоминавшегося сборника «Археология смерти». Однако о полной победе данного направления в западной археологии говорить еще рано. Многие археологи (например, известный специалист по древним цивилизациям Старого Света англичанин С. Пигготт) по-прежнему относят погребальный обряд только к сфере идеологии, к сфере религии.

Во многом разделяет эти традиционные взгляды и П. Ако (Англия). В целом в его подходе к проблеме негативные, критические ноты явно преобладают над позитивными. Он постоянно подчеркивает, что погребальный обряд далеко не во всех случаях отражает верования о загробной жизни, что погребальные приношения не всегда попадают в могилу, что отсутствие сопровождающего инвентаря не обязательно указывает на низкий социальный статус или бедность умершего и т. д. Однако два основных вывода П. Ако очень напоминают взгляды Л. Р. Бинфорда. Эти выводы таковы: 1. Существует множество параллелей в захоронении умерших в различных обществах, которые отнюдь не отражают контактов между ними; 2. Судя по этнографическим примерам, культура или общество, как правило, не характеризуется только одним типом погребения, напротив, одно общество может иметь сразу несколько различных форм погребения, связанных со статусом умершего⁸.

Сторонники «социального подхода» к погребальному обряду основное внимание уделяют сейчас определению степеней ранжирования в древних обществах, делая это с помощью анализа могильников, оставленных этими обществами. Обычно в их работах приводятся три главных аргумента, которые могут быть использованы для достижения цели. Первый аргумент: принцип затраты усилий общества на погребальную практику. Эта затрата энергии будет отражаться в сложности обращения с трупом умершего, в местоположении и конструкции погребального сооружения и в масштабах и продолжительности ритуалов, связанных с погребальным циклом. Второй аргумент: определенные вещи и атрибуты символизируют власть внутри общества (хотя и существует проблема реальной сохранности таких символов в археологических материалах). Дж. А. Тэйлор, основываясь на этнографических данных по 93 традиционным обществам, показал, что лишь 5 % из них использовали погребальный инвентарь для символического отражения различий в статусе умершего⁹. Третий аргумент: демографическое строение скелетов и его соответствие «нормальному» физическому типу местного населения. Методы, используемые сегодня при анализе древних погребальных обрядов, варьируют от сравнительно простых корреляций взаимосвязи между возрастом, полом и погребальным инвентарем до изучения взаимного расположения могил внутри могильника с целью выявления каких-то социальных групп и делений и компьютерных программ для кластерного анализа. Широко применяются в археологической практике и биологические методы на антропологическом материале: палеодемография, палеопатология и пищевой рацион.

В докладе В. Б. Ковалевской подробно анализируется недавно вышедшая в Ленинграде монография В. А. Алекшина¹⁰. Источниковедческую базу работы В. А. Алекшина составляет около 5 тыс. погребений, распределенных во времени по четырем этапам (по периодизации В. М. Массона) —

архаической (I) и развитой (II) экономики производящего хозяйства, периода ремесел (III) и первого этапа раннеклассовой формации (IV), а географически — по четырем основным областям — Средняя Азия, Иран, Малая Азия и Месопотамия. Именно по этим 16 ячейкам пространственно-временного континуума и распределяется весь исследуемый материал, а выводы группируются в хронологические срезы в синхронии и диахронии.

В. А. Алекшин выделяет шесть информационных блоков, по которым происходит анализ погребального обряда: представление о путях перехода в «загробный мир» (I), выводы об общественном положении и половозрастных группировках (II), степень социального расслоения (III), формы семьи (IV), проблемы культурогенеза (V), палеодемографии (VI), ограничиваясь рассмотрением блоков II, III и частично IV, чем и определяется структура монографии.

Исследование и историческое осмысление столь обширного и разнообразного материала должно логически вытекать из подробного и однозначного описания конкретного материала по единой системе с выделенными признаками, поскольку именно на этом материале строятся основные выводы автора. Таблицы в работах Е. П. Бунятыя и Г. Ф. Никитиной могут служить образцом такого первоначального представления материала, когда в компактной форме и по единой системе рассматривается весь анализируемый материал и читатель получает возможность проверить построения автора и продолжить исследование уже по собственной программе¹¹. В книге В. А. Алекшина информацию о комплексах мы можем извлечь только из той или иной главы, обращаясь к примечаниям и литературе, причем на том уровне формализации, который принят автором, не имея возможности его проверить. Сосуды дифференцируются только по материалу (глина, камень, металл) без указания назначения (тарные, столовые, кухонные), типа, внутреннего объема, орнамента и т. д. Другие предметы погребального инвентаря даны только по ассортименту (украшения, бусы, орудия труда). Списки, характеризующие стандартный или богатый набор, оказываются нечитаемыми, поскольку содержат лишь перечисление ассортимента вещей без должной конкретизации, и читатель не может ни проверить, ни оценить правоту автора, считающего, что два вида украшений в погребении говорят о более высоком статусе в пределах стандартного набора, чем два сосуда. Не всегда убедительны принятые различия между стандартными и богатыми наборами вещей. К положительным сторонам работы следует отнести то, что автор основной единицей анализа и дальнейших сопоставлений считает не погребение, а могильник, чтобы в его пределах охарактеризовать как половозрастную, так и социальную дифференциацию.

Очень важны наблюдения над тем, с какого возраста для девочек (7—10 лет) и мальчиков (16—20 лет) происходит, судя по наборам погребального инвентаря, их переход в группу взрослых. Из этих данных закономерно вытекают претензии археологов к тем антропологам, которые дают возрастную шкалу со слишком широкими группировками.

Большой интерес представляет анализ изменений во времени и пространстве процента безынвентарных погребений, характера материалов по возрастным группам и полу. Приведенные цифры и подсчеты позволяют объективно характеризовать стоящие за ними процессы в обширном регионе, а полученные выводы далеко выходят за географические границы рассматриваемой области, представляя общетеоретический интерес.

Это же относится (с учетом сделанных выше замечаний об источниковедческой базе) к выводам автора о социальной стратификации общества, когда наличие в одном могильнике (их группе, АК, КИО) нескольких групп погребений с неравноценным инвентарем справедливо рассматривается как

важный признак расслоения. Важно, что мы не просто говорим о факте расслоения, но имеем возможность приводить цифры для различных пространственно-временных ячеек и сопоставлять в диахронии и синхронии цифровые данные, которые характеризуют динамику. Желательно было бы введение в анализ не только характеристики инвентаря, но и данных по погребальному сооружению и тем затратам труда, которые требовало их создание.

В. И. Куликов посвятил свое сообщение методам выделения погребений вождей в дружине пруссов по материалам южной Прибалтики. На заключительном этапе существования конфедерации прусских земель (середина XIII в.) письменные источники зафиксировали наличие у пруссов военачальников. Тексты содержат описание погребений членов высшей воинской прослойки. Погребальный обряд на первый взгляд напоминает традиции дружинной верхушки обществ Балтийского субрегиона IX—XI вв. (прежде всего — коллективное захоронение). Цель данного доклада — выявление комплексов военачальников раннесредневековых пруссов в археологическом материале.

В древностях эстиев (предки пруссов) III—V вв. известны «княжеские» могилы, характеризующиеся как богатым снаряжением, так и сопутствующими захоронениями коней и женщин. Данные комплексы содержат останки представителей родовой верхушки общества.

Начало разложения родовой структуры у пруссов (и у остальных западных балтов) в начале VI в. н. э. засвидетельствовано распространением новых черт обряда и появлением редких комплексов дружинных вождей. Последние выделяются по большому количеству в могилах украшений и роскошного оружия западногерманского происхождения.

Рубеж VII—VIII вв. знаменуется сложением дружинного обряда пруссов. Его признаки — перенесение костей и углей с костра в могилу во временной урне, расположение остатков кремации в яме над костяком коня, вещевой набор (копья, шпора, нож) — дополняются в ряде комплексов новой чертой. В погребениях с мечами встречены парные захоронения воинов. Одного из них сопровождали в иной мир меч, ритоны, роскошный поясной набор. Такой набор соответствует вождям, которым в могиле сопутствовали также и воины, верные вождю как в жизни, так и в смерти. Эта верность — один из ведущих признаков дружины — отмечена еще Корнелием Тацитом.

Подобные традиции живут в дружине пруссов и в X—XI вв. Из материала могильника Ирзекапинис явствует, что вождям в могилах сопутствуют не только рядовые дружинники, но и знаменосцы, виночерпии, конюхи, рабыни. Это определяется по характеру инвентаря, концентрировавшегося у отдельных скоплений кальцинированных костей в пределах могилы вождя. Последние, как правило, не только снабжались роскошным снаряжением, но и имели характерную эмблематику (подвески с «трезубцами»). Данные эмблемы символизировали жертву богам. Право на принесение жертвы для процветания дружины и подвластного населения имел, как и у других народов севера и востока раннесредневековой Европы, только князь. Могилы вождей прусской дружины доходят до начала XII в. Позже, вследствие конфликта с жреческой администрацией, дружина покидает землю пруссов.

В XII—начале XIII в. редкие труположения с оружием, принадлежавшие упоминавшимся хронистами прусским военачальникам-нобиям, дополнительно содержат безынвентарные трупосожжения слуг. Место вождей дружин в социуме пруссов с начала XII в. занимают выходцы из слоя феодализирующихся крупных землевладельцев, подчиненные жреческой администрации. Руководивших при жизни не профессиональными

воинами, а народным ополчением, нобилей в иной мир сопровождали уже не дружинники, а представители зависимого населения — слуги. Ввиду низкого положения в общественной структуре эти слуги не имели права на погребальный инвентарь.

Цель доклада С. Н. Корневского состояла в том, чтобы на материалах периода средней бронзы предгорной долины р. Подкумок отметить методические особенности в интерпретации данных погребального обряда докобанского периода как археологического источника, рассмотреть их на общем фоне памятников энеолита и ранней бронзы Центрального Предкавказья.

Проблема использования в археологии данных погребального обряда является прежде всего проблемой анализа его элементов. На материалах докобанского времени их перечень таков: могильное сооружение, планиметрия захоронений в некрополе и его конструктивные особенности, поза покойного, следы магии красного, черного, белого цвета в виде угольков, зольных прослоек, охры, белых посыпок минеральной краски и т. п., следы напутственной пищи, поминаний, жертвенных приношений, костей животных у могилы, артефакты погребального обряда (детали костюма, символы инвентаря, 'сакральные вещи), керамика.

Для полноты исследования необходима связь элементов погребального обряда с половозрастными определениями. Важным средством получения информации является исследование проблем встречаемости или намеренной невстречаемости артефактов в захоронениях одной и той же локальной группы памятников, так называемая проблема артефактной дифференциации. Например, по материалам кавминводской группы встречаемость инвентаря прямо зависит от ритуалов мужского, женского и детского захоронений.

Информация, полученная на основании данных погребального обряда, позволяет считать, что она отражает не случайные явления, а часть религиозного мировоззрения, социальной психологии древних этносов.

При работе с материалами погребального обряда необходимо опираться на статистически представительные выборки, соблюдать особую осторожность в интерпретации таких элементов, как отдельно взятая поза покойного, для реконструкции этнических процессов.

Конкретно для Центрального Предкавказья в докобанскую эпоху анализ данных погребального обряда позволяет считать, что в обряде отражены отдельные элементы социальной дифференциации обществ, проявляющиеся в делении по полу и возрасту, рангу, профессиональной специализации, акцентировано выделение мужской, «воинской», среды до времени предкобанского горизонта (сведений по этому времени в Центральном Предкавказье пока мало). В планиметрии некрополей можно распознать символику родовых коллективных кладбищ и тенденцию подчеркивания индивидуальности захоронения. Правомерна постановка вопросов о локализации обрядов разных этнокультурных групп, связи ряда элементов погребального обряда с этносом, временных модификациях, явлениях миграции и адаптаций.

Для реконструкции общественных отношений данные одного погребального обряда недостаточны, а в случаях малой насыщенности артефактами он вообще становится плохим источником. Тема реконструкции социального уклада обществ должна, очевидно, решаться с привлечением всех данных археологии — поселений, кладов, специального анализа орудий и оружия, корреляции со сведениями исторической этнографии.

Данные погребального обряда рассматриваемого периода недостаточны для того, чтобы судить о правах собственности, накоплении богатств, составе стада, всесторонней стратификации общества. Они не отражают полностью

ремесленную специализацию, допуская в могилы лишь обусловленные ритуалом и социальной психологией различных этнокультурных групп отдельные символы инструментов.

Погребальный обряд является плохим источником по реконструкции семьи и кровнородственных отношений (матрилокальность, патрилокальность и т. п.). В исключительно редких случаях удается обосновать явления экзогамии. Особой проблемой остается истолкование парных и коллективных взрослых захоронений, могил взрослого и ребенка, мужчины и женщины.

Крайне осторожного подхода требует интерпретация данных о динамике металлопроизводства по источникам погребального обряда. На примерах этнокультурных стадий докобанского периода можно прийти к выводу, что металл попадал в могилу исключительно в силу ритуальных правил и не обязательно соответствовал реальному подъему или упадку металлопроизводства. Отдельные категории вещей из бронзы вообще могли не допускаться в захоронения согласно обрядам конкретной этнокультурной среды (например, бронзовые топоры, тесла, долота у населения предгорий Центрального Предкавказья в период средней бронзы, на предкобанском горизонте и т. п.).

¹ *Chapman R., Kinnes I., Ransborg K. (eds.). The Archaeology of death. Cambridge, 1981.*

² *Brown J. A. (ed.). Approaches to the social dimensions of mortuary practices // Memoirs of the Society for American Archaeology. Salt Lake City, 1971. N 25.*

³ *Tainter J. A. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Schiffer M. B. (ed.). Advances in archaeological method and theory. N. Y., 1978. V. 1.*

⁴ *Binford L. R. Mortuary practices: Their study and potential // Brown J. A. (ed.). Approaches to the social dimensions of mortuary practices.*

⁵ *Ucko P. Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. London, 1969. V. 1.*

⁶ *Binford L. R. Mortuary practices. . .*

⁷ *Saxe A. A. Social dimensions of mortuary practices. Ann Arbor, 1970. University of Michigan (Ph. D. dissertation).*

⁸ *Ucko P. Ethnography and archaeological interpretation. . . P. 270—275.*

⁹ *Tainter J. A. Mortuary practices. . . P. 121.*

¹⁰ *Алекшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.*

¹¹ *Бунятыч Е. П. Рядовое скифское население IV—II вв. до н. э.: Опыт применения формально-статистического анализа структуры по данным могильников: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Киев, 1984; Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИГАН — Институт географии Академии наук СССР
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР
ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН — Материалы Конгресса археологических и этнографических наук
МКСА — Международный конгресс славянской археологии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СОГУ — Северо-Осетинский государственный университет
ССОД — Союз советских обществ дружбы
СЭ — Советская этнография
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УІЖ — Український історичний журнал
ЦПО — Центрально-Промышленная область
ВАЕВ — Bureau of American Ethnology Bulletin
PPM — Papers of the Peabody Museum
VFPA — Viking Fung Publication on Anthropology

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Ю. Н. Захарук.</i> Спорное и бесспорное в изучении археологических культур	3
<i>В. Б. Ковалевская.</i> Археологическая культура — культурные традиции и инновации	9
<i>Э. В. Сайко.</i> Особенности процесса урбанизации в Средней Азии в конце III—II тысячелетии до н. э.	17
<i>И. С. Каменецкий.</i> К определению дискретности качественных признаков	23
<i>А. А. Бобринский.</i> О некоторых признаках конвергентного формирования гончарных горнов	31
<i>Е. В. Волкова.</i> Культурные традиции в гончарстве неолита: По материалам Деснинской экспедиции	39
<i>В. А. Шнирельман.</i> Керамика как этнический показатель: Некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных	49
<i>П. Ю. Черносивтов.</i> Эволюция биологическая и эволюция культуры: Сходство и различие	56
<i>В. И. Гуляев.</i> «Новая археология» на современном этапе	62
<i>Ю. А. Смирнов, М. В. Тендрякова.</i> О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: Погребальный обряд	68
<i>В. И. Мельник.</i> Погребальная практика и погребальный обряд	73
<i>А. Н. Гей.</i> Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы: По погребальным памятникам Прикубанья	78

Хроника

<i>В. И. Гуляев, Ю. Н. Захарук, П. Ю. Черносивтов.</i> Работа сектора теории и методики в 1985—1987 гг.	88
<i>В. И. Гуляев.</i> Проблемы изучения древних поселений в археологии: Социологический аспект	94
<i>В. И. Гуляев.</i> Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии	103
Список сокращений	110

Научное издание

**Проблемы теории и методики
в современной археологической науке**

КСИА. Вып. 201

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор И. В. Чудецкая
Корректор В. Г. Петрова

ИБ № 46037

Сдано в набор 25.12.89

Подписано к печати 12.03.90

Формат 70×100¹/₁₆

Бумага офсетная № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать офсетная. Фотонабор

Усл. печ. л. 9,03. Усл. кр. отт. 9,19. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 2250

Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12